

GRANITE OF SCIENCE

SCIENTIFIC AND POPULAR JOURNAL

№ 10 2022 / Декабрь

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

**КРИЗИСЫ, ПАНДЕМИЯ, ВОЙНА:
ЧТО БУДЕТ СЛЕДУЮЩИМ?
И КАКИМ БУДЕТ НОВЫЙ ПОРЯДОК?**

**СПОСОБНА ЛИ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА
ДАТЬ РЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?**

**ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ:
КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРИЧИНА
ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**ВОЙНА ВИРТУАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО:
ЧТО ПОБЕДИТ И ПОЧЕМУ?**

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Наконец-то я рада поприветствовать вас на страницах печатного выпуска научно-популярного журнала «Гранит науки». В силу хорошо известных вам причин, в 2022 году мы подготовили только один печатный выпуск, но какой! Впрочем, сможете сами дать ему оценку, полистав страницы.

Наука всегда должна отвечать на запросы общества в текущий момент времени и давать решение. Несмотря на то, что такие явления как глобальные угрозы, и в частности военные конфликты, для человечества весьма не новы, у многих и сегодня остаются без ответов вопросы о том, что же происходит в мире? Почему так? И самое главное: **что делать и как жить в этих условиях?** Как раз с целью выполнить главную миссию науки сегодня — помочь разобраться, с чем люди в действительности имеют дело в век масштабных изменений — мы посвятили наш

итоговый выпуск за 2022 год глобальным угрозам.

На страницах данного выпуска вы узнаете различные мнения многих ведущих мировых ученых и экспертов из различных областей о глобальных угрозах, их разновидностях, предпосылках и последствиях; сможете познакомиться с результатами научных исследований и прогнозами на будущее. Как говорит один многоуважаемый нами профессор, сегодня существуют «*популярные темы*», и чтобы быть «*в тренде*» некоторые ученые начинают говорить и писать об этом, совершенно не имея представления о предмете. Так вот, на страницах нашего журнала таких авторов нет. Все ученые и эксперты, чье перо здесь встретите, посвятили немало времени и труда той теме, о которой ведут речь.

Мы подошли к исследуемым вопросам комплексно и всесторонне, с междисциплинарной точки зрения, чтобы дать читателю

полный объем данных, существующих в академической науке сегодня. Ну а что с этим делать, каждый уже будет решать самостоятельно. Очень надеемся, что вы найдете для себя ответы на многие вопросы на страницах нашего выпуска. Приятного вам чтения!

С уважением, главный редактор
«Гранита науки»

Анастасия
Гужва

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

• Первая в своем роде международная междисциплинарная конференция, посвященная проблематике глобальных угроз — «Неизвестные войны»	6	• Трулс Ли. Технологическое или военное мышление	134
• Как звучит украинская наука во время воздушных тревог?	8	• Олег Мальцев. Двигательно-динамическая схема реализации геополитических угроз	140
• Слово Президента Европейской Академии Наук Украины. Prof. Dr. Джером Крейс. «Как войны становятся неизвестными? Краткое личное рассуждение»	10	• Элизабет Хаас-Эдершайм. Метавселенная как новый этап. Ментальные модели Метавселенной	146
• Олег Мальцев. Глобальные угрозы: предпосылки и последствия	30	• Раньери Рассанте. Виртуальность — новая форма реальности	152
• Харви В. Кушнер. Вторжение Путина в Украину и новое лицо терроризма	42	• Джанфранко Лицца. Игра без правил: как жить в системе, где правила и нормы перестали быть эффективными?	154
• Массимо Ортолани. Классификации угроз и предложения по их нейтрализации	48	• Александр Сагайдак. Аномия, мятеж и ретреатизм	160
• Максим Лепский. От неизвестной войны к новой политэкономии	60	• Станислав Бескаравайный. Искусственный интеллект как фактор девиации социальных практик. Причина существования глобальных угроз	164
• Виталий Лунев. Язык и стагнация современной науки: контекст политизации социального дискурса	64	• Вадим Палагута. Ситуационное познание как стратегия современного социально-гуманитарного знания	166
• Эти угрозы похожи на естественные, но это творение рук человеческих, они происходят в силу человеческой природы. Краткий отчет первого дня конференции	70	• Владимир Скворец. Проблема оптимизации трансформации мирового порядка	176
• Кризисы, пандемия, война: что будет следующим? Краткий отчет второго дня конференции	74	• Максим Лепский. Война за меритократию	192
• Прогнозирование: что будет дальше и каким будет новый порядок? Краткий отчет третьего дня конференции	78	• Патрик Хаттон. Человеческая природа и будущее науки	196
• Мы зажились в обществе тотальной лжи. Ученые, которые обосновывают решения политиков — это нонсенс. Но другие их не интересуют. Краткий отчет четвертого дня конференции	82	• Олег Мальцев. Что происходит в мире? Изменения в глобальной системе безопасности	204
• Способна ли современная наука дать решение человечеству? Краткий отчет пятого дня конференции	88	• Спикеры конференции	214
• Олег Мальцев, Максимилиано Корстанье. Терроризм, глобальные угрозы и философия Жана Бодрийяра	90	• Организаторы	224
• Марина Ильюша. Обратимость, восхитительная катастрофа и псевдособытие	96	• Партнеры	226
• Стивен Бест. Изменение климата, антропоцен и кризис человечества	106		
• Хейкки Патомяки. Противоречивое развитие событий в 2020-х годах: прогрессивное обучение против все более вероятной возможности глобальной военной катастрофы	116		
• Синиша Малешевич. Текущие и надвигающиеся глобальные угрозы: Размышления об организованном насилии	122		
• Энрико Томаселли. Что сейчас происходит в мире? Как жить в системе без правил?	128		

МЕЖДУНАРОДНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

Email: info@euasu.org | Даты: 15-19 Июля, 2022

События последних лет ярко демонстрируют, что в мире все чаще проходят масштабные изменения. Реалии таковы, что мы живем постоянно в условиях глобальных угроз: гибридные войны, эпидемии, пандемии, политические и экономические кризисы, а также военные конфликты. В свою очередь, глобальные угрозы задействуют целую цепочку последующих изменений, и этот процесс не останавливается. Все это требует совершенно новых подходов в бизнесе / безопасности / производстве / науке и других отраслях, которые отвечали бы параметрам сегодняшнего времени.

Человек, оказавшийся в условиях глобальной угрозы, становится следствием этой «неизвестной войны». Для него неизвестны «правила игры», нет точных прогнозов, и возникает главный вопрос: **что делать?** Однако, для того чтобы найти на него ответ, необходимо разобраться, с чем человек в действительности имеет дело.

С этой целью **Европейской академией наук Украины** была организована международная междисциплинарная конференция **«Неизвестные войны»**, в рамках которой впервые на академическом уровне была рассмотрена проблематика глобальных угроз. Конференция «Неизвестные войны», в отличие от предыдущих, проходила в закрытом формате. «Гранит науки» как один из главных медиа-партнеров конференции делится с читателями фрагментами выступлений спикеров.

ЧТО ОТЛИЧАЕТ ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ ОТ ДРУГИХ?

Масштабные проблемы сменяют друг друга, выходя за границы государств и континентов. Они касаются всех и каждого на разных уровнях. Одной из таких угроз стала пандемия, повлиявшая на все сферы жизни и деятельности человека, изменив целевые отрасли — одни стали сильнее и укрепили свои позиции, другие оказались в кризисе. Компании были вынуждены изменить методы своей работы, а те, что не смогли перестроиться, просто исчезли. Затем на смену вирусу пришли иные глобальные угрозы.

Важно отметить, что **любая глобальная угроза — это не природный катаклизм, а искусственно созданное людьми явление, которое является последствием политического маркетинга**, о чем более подробно будет говорится в одной из последующих статей под названием **«Глобальные угрозы: предпосылки и последствия»**.

Для возможности появления глобальных угроз необходимы **условия**: главным из них является **реакция людей на происходящее** — и не просто людей, а большинства. Они стремятся сплотиться в толпе, в надежде распределить тем самым силу угрозы на большее количество, при этом эти люди молчат даже тогда, когда могут повлиять на происходящие события. Французский социолог и философ Жан Бодрийяр называл эту категорию людей **«молчаливым большинством»**. Именно «молчаливое боль-

шинство» является основой реагирования на глобальные угрозы вне зависимости от того, с чем мы имеем дело: экономический кризис, пандемия или даже война.

Исходя из вышеуказанного невольно возникают вопросы: что выступит последующим испытанием для человечества? Как противостоять этому? Как выжить и как извлечь пользу из глобальных угроз во всех проявлениях: пандемия, кризис, война и других?

Эти вопросы могут стать темой для обсуждения множества дисциплин и направлений в науке: социология, философия, психология, история, география, антропология, криминология; исследования, связанные с безопасностью, бизнесом, менеджментом, коммуникацией, маркетингом, и другими направлениями.

По этой причине конференция «Неизвестные войны» имеет междисциплинарный подход и объединила на одной онлайн-платформе ученых и экспертов из разных областей наук и практической деятельности.

ЗАДАЧА ДАННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ — ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ КАЖДОМУ УЧАСТНИКУ ПОДЕЛИТЬСЯ РЕЗУЛЬТАТАМИ СВОИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ТЕОРИЯМИ, ГИПОТЕЗАМИ И ПОДНЯТЬ ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ, ВОЗМОЖНО, ЕЩЕ НЕ НАХОДИЛСЯ В ЦЕНТРЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ.

НА ОБСУЖДЕНИИ СТОЯЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ:

Панель 1

- Глобальные угрозы: причина их существования в современном мире и варианты классификации этих явлений
- Теории борьбы с глобальными угрозами и их основоположники

Панель 2

- Кризисы, пандемия, война: что будет следующим?
- Политический маркетинг как законное преступное явление

Панель 3

- Что происходит в данный момент в мире? Прогнозирование. Что будет дальше? Каким будет новый порядок?
- Что делать: как пережить перемены и извлечь для себя пользу?

Панель 4

- Игра без правил: как жить в системе, в которой в одночасье исчезли все правила?
- Война виртуального и реального: что победит и почему?

Панель 5

- Способна ли современная наука продолжать свое существование в прежнем виде или требуются кардинальные изменения?
- Какими будут новые явления, которыми нам придется столкнуться при новом порядке и к которым мы не готовы?

КАК ЗВУЧИТ УКРАИНСКАЯ НАУКА ВО ВРЕМЯ ВОЗДУШНЫХ ТРЕВОГ?

В это непростое для Украины время — в условиях войны — наука в Украине есть, и она не стоит на месте. Ее ярким представителем на мировой научной арене стала Европейская Академия Наук Украины (EUASU), которая продолжает активно работать, продвигать и популяризировать науку, показывая всему мировому научному сообществу, что перед настоящими учеными нет никаких границ и оправданий.

Благодаря президенту EAUSU Dr. Джероми Крейсу и руководству Академии состоялось столь знаменательное событие, как международная междисциплинарная конференция «Неизвестные войны», которая стала голосом международного состава ученых о том, что сегодня происходит на мировой арене. Как сказал академик EUASU Dr. Харви Вольф Кушнер:

«Пока западный ученый сидит с бокалом вина в теплом кресле и думает о том, чем бы ему сегодня отужинать и что, возможно, стоит немного поработать, украинские ученые работают, по сути,

в экстремальных условиях и очень эффективно справляются с работой».

Действительно, некоторые украинские ученые писали свои работы без света, интернета, а кто-то в бомбоубежищах.

Более того, буквально накануне нового 2023 года, благодаря усилиям Европейской Академии Наук Украины **были опубликованы** пять статей в журнале *American Behavioral Scientist* (ABS) (Q1), одном из самых авторитетных научных журналов мира. Семь авторов статей — украинцы. Это стало очень знаменательным событием в истории украинской науки. Журнал реферируется и индексируется в Scopus и Индексе цитирования социальных наук. Это стало возможным, в том числе, и по инициативе академика EUASU Dr. Харви Вольфа Кушнера — создать спецвыпуск, посвященный Украине. Он также выступил спикером на конференции «Неизвестные войны».

«Выступления спикеров и общение на панели не дали ни малейшего намека на

то, что конференция проводилась в Украине, где Путин свирепо атаковал школы в Житомире, квартиры в Мариуполе и торговые центры в Киеве. Меня поразила стойкость сотрудников Академии EUASU и многих участников конференции, которые физически находились в Украине. Их активность перед лицом таких невзгод была просто замечательной. Это многое говорит о решимости украинского народа и о том, как он отреагировал на эту тревожную ситуацию, если не сказать больше!

Также необходимо сказать, что после эскалации российско-украинской войны 24 февраля 2022 г., начавшейся в 2014 г., EUASU не отказалась от своей академической миссии, а, наоборот, расширила ее. Каким образом, спросите вы? Академия поддерживает ученых, журналистов и независимых корреспондентов, продолжающих свою работу, поскольку для путинских ракет нет неприкосновенных целей. Академия EUASU предоставила ученым безопасные места для проживания, пока они продолжали свою академическую деятельность. Военным корреспондентам были предоставлены средства защиты, чтобы они могли продолжать работу. Также Академия поддержала по-

жилых ученых. Совсем недавно Академия EUASU получила машину скорой помощи благодаря пожертвованиям на поддержку работы Академии в рамках академического сообщества в Украине.

Как ученый, занимающийся изучением терроризма и человек, непосредственно столкнувшийся с его ужасающими последствиями, я был впечатлен работой Академии EUASU по сохранению подобия нормальной жизни в академическом сообществе Украины в такие неспокойные времена. В равной степени меня впечатлил объем знаний, представленных сообществом украинских ученых и их коллег-академиков из EUASU, в ходе пятидневной конференции...»

— написали Харви Кушнер и журналист, секретарь отдела коммуникаций Европейской академии наук Украины Каныкей Турсунбаева во [вступлении](#) к изданию ABS.

ISSN: 0002-7642

ABS
American Behavioral Scientist

SPECIAL ISSUE OF AMERICAN BEHAVIORAL SCIENTIST
PUBLISHED ARTICLES OF EUASU ACADEMICIANS

СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ЕВРОПЕЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

КАК ВОЙНЫ СТАНОВЯТСЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ?

Краткое личное рассуждение

ВВЕДЕНИЕ

На международной конференции Европейской академии наук Украины, посвященной неизвестным войнам, в которой я принимал участие, можно было бы ожидать, что уважаемые гости будут говорить о войнах, которые происходили так, что никто, особенно широкая общественность, не знал о них, как о «скрытых» или «тайных» войнах, которые, конечно, могут быть незамеченными. Однако, с точки зрения Юргена Хабермаса, ярлык

«неизвестные» можно было бы применить и к тем конфликтам, которые неправильно поняты или неверно определены, как в накопленной средствами массовой информации массе противоречивых заявлений, претендующих на истину. Поскольку мы утверждаем, что живем в относительно свободном обществе, в котором коммуникация вездесуща, мы могли бы рассмотреть некоторые из его замечаний. Поскольку правдивая информация так хорошо связана с понятием свободы, мы могли бы рассмотреть идеальные речевые акты Юргена Хабермаса. Социальные структуры свободны от ограничений только тогда,

PROF. DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС

Заслуженный профессор, социолог, профессор Школы гуманитарных и социальных наук Мюррея Коппельмана. Президент Европейской академии наук Украины. Эксперт в области социологии и дженетрификации в Бруклине (броклинских этнических групп, итalo-американской политики, культуры, расы, класса, городской жизни и этнической принадлежности в Нью-Йорке)

когда для всех участников существует симметричное распределение шансов на выбор и использование речевых актов, в которых нет искажений, принуждения или барьеров для общения. В идеальных речевых актах участники желают только общих рациональных выводов и эффективного равенства шансов на принятие диалоговых ролей. «Истина», следовательно, не может быть проанализирована независимо от «свободы» и «справедливости». (Habermas, 1975: xvii, См. также Kräse 2021, 2021).

Для таких, как я, занявших место в низших слоях общества (исходя как из моего личного опыта, так и из научных изысканий), я бы утверждал, что в этом отношении все войны неизвестны.

МОЯ СОБСТВЕННАЯ НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Зимой 1963 года, когда я был вынужден покинуть университет Индианы и столкнулся с трудностями на рынке труда, я поступил на службу в армию США. Мой служебный номер был/есть RA (регулярная армия) 12673587. В то время многие из моих друзей, окончивших среднюю школу, или более многочисленные бросившие учебу друзья из рабочего класса Бруклина, записались в резерв армии, национальную гвардию или другие, как они считали, менее опасные виды военной службы, такие как береговая охрана США, которые, по крайней мере, могли бы удержать их на территории штата в случае «горячей войны». В 1963 году, согласно «основным» СМИ, США оказывали лишь ограниченную поддержку мужественному народу Республики (Южного) Вьетнама, который боролся против злых безбожных «коммунистов» с Севера. В 1963 году Вьетнам или даже Юго-Восточная Азия были местом, о котором они, да и я, имели мало представления. Сегодня Украина заняла место этой *terra incognita*.

Моей культурной мотивацией для призыва в армию, помимо безработицы, было внущенное мне семьей, школой и особенно многочисленными фильмами о войне, которые я смотрел в детстве, чувство, что

мой долг, если потребуется, защищать нашу страну. Два моих старших брата Стив и Джон уже служили в армии. Для меня, да и для большинства других американцев в то время, было неизвестно, что в январе армия Южного Вьетнама потерпела крупное поражение от сил Вьетконга. Это поражение вызвало дебаты среди высокопоставленных военных, разведчиков и гражданских руководителей о том, разумно ли сохранять или увеличивать финансовую и военную поддержку южновьетнамского режима президента Нго Динь Дьема.

Мало что из этой информации было доведено до широкой американской общественности. В то время официальные источники правительства США отрицали наличие «боевых» солдат в Южном Вьетнаме, хотя американские войска регулярно участвовали в боевых операциях против Вьетконга. Большинство этих действий назывались «обучением и вспомогательными операциями». К концу года число американских солдат в Южном Вьетнаме превышало 16 000 человек, и уже было зафиксировано 122 случая смерти американских военнослужащих в бою. Цифры по подпольным службам, разумеется, отсутствовали. К концу того, что стало называться «войной во Вьетнаме» в 1973 году, число боевых смертей американских военнослужащих составило 58281. В результате боевых действий в период с 1955 по 1973 год погибло примерно 2 000 000 мирных жителей Вьетнама.

Поскольку сейчас я переживаю за своих друзей и коллег из Европейской академии наук Украины, которые сначала пережили гражданскую войну, начавшуюся в 2014 году, а теперь стали жертвами жестокого вторжения России в 2022 году, мне трудно писать о причинах продолжающегося конфликта. Однако я предложу некоторые из идеи в конце этого эссе. Изучая историю других войн, я не могу не согласиться с часто слишком упрощенным высказыванием прусского генерала XIX века Карла Филиппа фон Клаузевица о том, что:

«война — это не просто политический акт, а настоящий политический инструмент, продолжение политического взаимодействия, осуществление того же самого другими средствами»

Для фон Клаузевица войны являются порождением национальных государств, и если верно, что война требует политических целей, то возникает вопрос, каковы эти политические цели, кто и против кого воюет в том, что называют войной в Украине. В настоящее время очевидными комбатантами являются Россия и Украина. Менее очевидные комбатанты, поддерживающие ту или иную сторону — Соединенные Штаты, НАТО, Китай, Иран, Европейский Союз и множество более и менее известных других.

Не в моих силах и не в моей компетенции четко определить ни воюющих, ни их цели. Пока все не закончится и не рассеется дым пропаганды, я могу только намекнуть на возможности, учитывая то, что я теперь знаю о том, что было неизвестно в предыдущих американских войнах. Я уверен в том, что освещение событий в западных и американских СМИ, скорее всего, будет меньше половины всей истории.

В этой связи я должен сослаться на Дональда Х. Рамсфельда, министра обороны президента США Джорджа Буша-младшего. Как пишет репортер «The Washington Post» Дэн Зак:

«**Есть известные известности** — есть вещи, о которых мы знаем, что мы знаем», — сказал Рамсфельд в февра-

“**ВОЙНА — ЭТО НЕ ПРОСТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТ, А НАСТОЯЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ, ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТОГО ЖЕ САМОГО ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ**”

Карл Филипп
Готлиб фон Клаузевиц

ле 2002 года, когда его спросили о доказательствах того, что Саддам Хусейн пытался поставлять оружие массового уничтожения террористическим группам. «Мы также знаем, что есть **известные неизвестности** — то есть мы знаем, что есть некоторые вещи, которых мы не знаем. Но есть и **неизвестные неизвестности** — те, о которых мы не знаем, что мы не знаем».

Журналист продолжил:

Является ли эта предполагаемая связь между Хусейном и другими террористами «неизвестной неизвестностью»? «Я не собираюсь говорить, что это такое», — ответил Рамсфельд с ухмылкой. Возможно, он знал и не сказал. Возможно, он не знал. Возможно, он верил, что знает, и этого было достаточно — для него, если не для страны, которая будет обескровлена катастрофическими интервенциями в Афганистан и Ирак».

(Zak 2021, See also Kakutani 2011 and Rumsfeld 2011)

Знание правды не меняет ни факта, ни масштабов человеческой гибели в ходе военных действий, независимо от того, как мы называем войну, но оно может изменить значение (семиозис) этих потерянных жизней, превратив их из жертв в виновников. Что касается общепринятых «исторических» истин, то я с содроганием думаю о значении Холокоста, Нанкинской резни или Гражданской войны в Америке, если бы нацисты или японцы выиграли Вторую мировую войну, или самого кровавого междоусобного конфликта в Соединенных Штатах — с Конфедеративными штатами, поскольку именно победители получают право писать или переписывать историю низших рас.

Во время шестинедельной базовой пехотной подготовки

в Форт-Диксе, штат Нью-Джерси, меня учили, как убивать «гадов» или других злобных вражеских монстров (нас поощряли издавать леденящие кровь крики во время тренировочных штыковых ударов по набитым соломой манекенам-суррогатам). Такая по сути «психологическая» подготовка является практическим выражением демонизации противника, которая усиливается пропагандой зверств и распространением ложных сведений во время войны.

Также в Форт-Диксе нас собирали для просмотра фильмов, призванных внедрить в наше сознание растущую угрозу «кровавой схватки» коммунистов, которые, в фильме, образно говоря, опровергали линию домино по всему миру. Поразмыслив, я узнал этот процесс промывания мозгов в фильме «Маньчжурский кандидат» (1962).

К счастью, несмотря на предоставленную мне «возможность» провести некоторое время во Вьетнаме, меня отправили во Франкфурт-на-Майне в тогда еще «Западную» Германию для борьбы с красными. Здесь я должен отметить, что до того, как «в стране» стало жарко (т.е. когда Вьетконг начал Тетское наступление), существовало много стимулов для военной службы во Вьетнаме, таких как дополнительное жалование (TDY Temporary Duty), а также возможность более легкого и быстрого продвижения по

службе из наших низких рядов. Мне также сказали, что за несколько долларов в месяц можно было жить вне базы в собственном «бункере» и иметь женщину, которая заботилась бы обо всех твоих нуждах. Как бы то ни было, я не клюнул на эту наживку, но многие мои товарищи из числа военнослужащих унтер-офицерского состава клюнули, и некоторые из них не вернулись, а те, кто вернулся, были гораздо более удрученными. Наиболее ярко я помню встречу с другом из армейской языковой школы, который рассказал мне о другом друге, который отличался хорошей внешностью, и чье лицо было «разорвано» миной Клеймор. Это были противопехотные мины, сконструированные таким образом, что при спотыкании они подпрыгивали на высоту головы, прежде чем взорваться.

На Арлингтонском национальном кладбище в Вашингтоне, округ Колумбия, есть часто посещаемая и иногда прославляемая Могила Неизвестного Солдата, но отсутствует мемориал всем тем многочисленным солдатам, которые погибли в неизвестных войнах. Возможно, это потому, что для такого мемориала потребовалось бы гораздо больше места. Вместо этого есть одна мемориальная стена с выгравированными именами всех моих братьев и сестер по оружию, которые сражались и погибли

во Вьетнаме. В других американских городах также есть несколько стен, и я посетил две из них.

КТО ЗНАЛ

В 1995 году государственный секретарь Роберт С. Макнамара публично извинился за ложь. Самая большая ложь касалась вымышленного инцидента в Тонкинском заливе, который был использован для оправдания масштабного расширения военного вмешательства США во Вьетнаме. Инцидент в Тонкинском заливе был эхом многих других «инцидентов» в американской военной истории, таких как ... «Помни Мэн».

Хотя война во Вьетнаме не была неизвестной войной для Макнамары, который имел легкий доступ к фактам, она была таковой для остальных из нас. Будучи римским католиком, как и я, предполагаю, что он много раз исповедовал свои грехи до публичного разоблачения, но мне интересно, сколько денег он заработал на книге-бестселлере и последующем лекционном туре о своей чрезвычайно прибыльной *тета сиура* («извините»). Отрывок из дискуссии Ноама

Хомски о Макнамаре в книге «Война классов» (1995) содержит печальный комментарий к таким бесполезным извинениям:

ВОПРОС: ... [В бестселлере № 1 Роберта Макнамары «Ретроспектива»] он пишет: «Мы, представители администраций Кеннеди и Джонсона, принимавшие участие в принятии решений по Вьетнаму, действовали в соответствии с принципами и традициями этой нации. Мы принимали решения в свете этих ценностей. И все же мы ошиблись, ужасно ошиблись. Мы обязаны объяснить будущим поколениям, почему. Я искренне верю, что мы совершили ошибку не в ценностях и намерениях, а в суждениях и возможностях».

ХОМСКИ: На самом деле, он прав насчет ценностей. Если кто-то пытается нас ослушаться, наши ценности таковы, что его нужно раздавить и уничтожить. Это наши ценности. Они насчитывают сотни лет, и это именно те ценности, на основании которых они действовали. Его убеждение, что это была ошибка — лично я согласен с «ястребами» в этом вопросе. Его критикуют и голуби, которые говорят: «Вы слишком поздно опомнились», и ястребы, которые говорят: «Ну, это была победа». И ястребы правы, это была победа. Значит, это не было ошибкой. Он этого не понимает. Кстати, он вообще многое не понимает. Один из интересных аспектов книги — это то, как мало он понимает в том, что происходит или понимает сегодня. Он даже не понимает, во что он был вовлечен.

Каков контекст этой целенаправленной правительственной дезинформации? В таких странах, как Соединенные Штаты Америки, где то, что **Жан Бодрийяр** мог бы назвать (если мне будет позволено грубо перефразировать) демократией, моделируемой посредством выборов, ведение войны требует как дезинформации, так и недостаточной информации. Это связано с тем, что война всегда требует потери жизней и конечно-

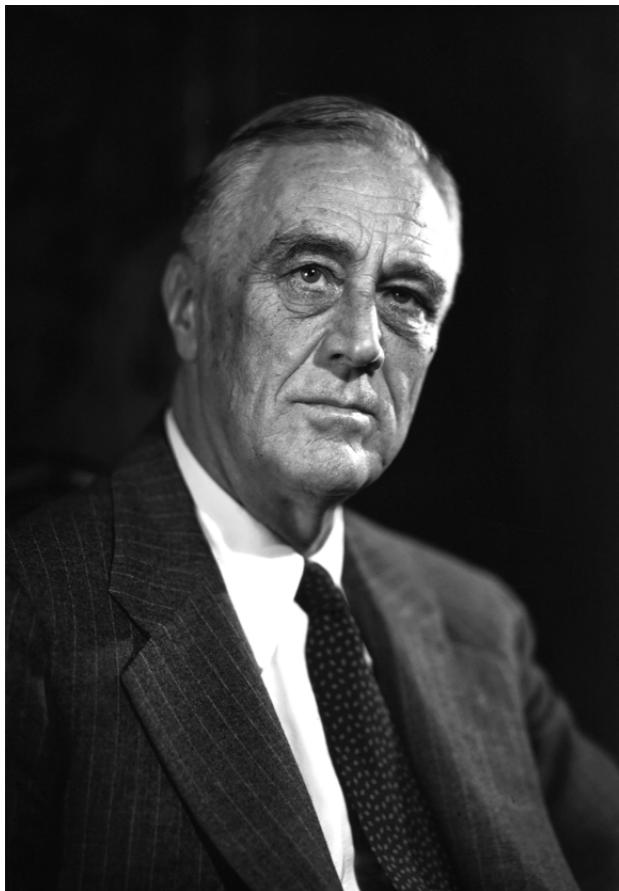

стей, а также экономических жертв со стороны участников. Поэтому почти все войны в той или иной степени неизвестны в отношении их первоначальных причин и причин продолжения; например, мы являемся жертвой подлого нападения, посягательства на нашу свободу со стороны угнетателей, которые имеют более низкие идеалы, чем наши собственные.

Еще одно интересное размышление о намеренно «неизвестных общественности» войнах было написано Дэном Заком в «Washington Post» в связи с кончиной Дональда Рамсфельда:

«В Великую Неизвестность уходит Дональд Х. Рамсфельд, который умер во вторник на 88-м году жизни, и чье пребывание на посту министра обороны Джорджа Буша-младшего было памятником как твердости, так и тактической двусмысленности — двойных догм Вашингтона. Он был воплощением парадокса в очках, строгим представителем, который помогал добиваться неточных результатов. «Есть известные факты — это вещи, о которых мы знаем, что мы знаем», — сказал Рамсфельд в феврале 2002 года, когда его спросили о доказательствах того, что Саддам Хусейн пытался поставлять оружие массового уничтожения террористическим группам. «Мы также знаем, что есть известные неизвестности — то есть мы знаем, что есть некоторые вещи, которых мы не знаем. Но есть и неизвестные неизвестности, то есть то, чего мы не знаем». Журналист продолжил: Является ли эта предполагаемая связь между Хусейном и другими террористами «неизвестной неизвестностью»? «Я не собираюсь говорить, что это такое», — ответил Рамсфельд с ухмылкой. Возможно, он знал и не сказал. Возможно, он не знал. Возможно, он верил, что знает, и этого было достаточно — для него, если не для страны, которая была обескровлена».

Обман бывает разных форм, например, пропаганда, и она необходима, потому что в США объявления войн должны приниматься демократически избранными законодательными органами и исполняться демократически избранными президентами. Статья первая, раздел восьмой Конституции гласит, что «Конгресс имеет право... объявлять войну». Однако в этом отрывке нет конкретного формата того, какую форму должно иметь законодательное решение, чтобы считаться «объявлением войны». В самой Конституции этот термин не используется. Решение Апелляционного суда США (дело «Доу против Буша») гласит: «Сам текст октябрьской резолюции содержит обоснования для войны и представляет собой «разрешение» такой войны». По сути, официальное «объявление войны» Конгрессом не требовалось по Конституции. Последнее официальное «объявление» войны было в 1942 году, когда она была объявлена против союзных с «Осью» Венгрии, Болгарии и Румынии, поскольку президент Франклин Рузвельт счел неприличным делать это без официального объявления. С тех пор каждый американский президент применял военную силу без объявления войны, и, по

суги, страна постоянно находилась в состоянии горячей и холодной войны.

Поскольку я упомянул о пропаганде, следует сказать несколько слов на эту тему. **Жестокая природа войны по своей сути означает, что преувеличение и выдумывание жестокостей часто становится основным элементом пропаганды.** В большинстве случаев эти мощные методы определения врагов применяются задолго до начала реальных военных действий. Исторические враги требуют менее тщательного определения, поскольку враждебность к потенциальным врагам во время войны была интегрирована в курс истории в образовательных учреждениях, а также переплетена с популярной культурой и средствами массовой информации, часто служащими тонким прикрытием для этнических, расовых и религиозных предубеждений. Что касается «Пропагандистской лжи Первой мировой войны» Артура Понсонби, то он отмечает:

«Ложь, как мы все знаем, имеет место не только в военное время. Человек, как было сказано, не является «правдоподобным животным», но его привычка лгать не столь необычна, как его удивительная готовность верить. Действительно, именно благодаря человеческому легковерию ложь процветает. Но в военное время авторитетная организованность лжи недостаточно признается. Обман целых народов — это не тот вопрос, к которому можно относиться легко-мысленно.

Поэтому в период так называемого мира полезным может быть предупреждение, которое люди смогут рассмотреть с беспристрастным спокойствием, о том, что власти в каждой стране прибегают, и действительно должны прибегать к этой практике, чтобы: во-первых, оправдать себя, изображая врага чистым преступником; и, во-вторых, разжечь народные страсти в достаточной степени, чтобы обеспечить рекрутов для продолжения борьбы. Они не могут позволить себе говорить правду. В некоторых случаях приходится признать,

что в данный момент они не знают, что такая правда».

(1918: 2)

Одним из очень мощных методов во время военных действий, который также может быть предвестником насилия, является «пропаганда зверств» о реальных и воображаемых преступлениях, совершенных противником. В древнем прошлом они передавались устно, но с развитием коммуникационных технологий ужасы стали еще более яркими благодаря печатному тексту, кровавым иллюстрациям, фотографиям, видео, которыми изобилует современная всемирная паутина дезинформации. **Как отметил Гарольд Лассуэлл, неизбежно жестокое состояние войны почти требует, чтобы пропаганда была преувеличена и чтобы зверства часто становились главной особенностью.** Поскольку национальной гордости может быть недостаточно для того, чтобы люди были готовы пойти на такие жертвы, как потеря жизни или конечностей, необходимы ненависть и страх перед врагом.

«Психологическое сопротивление войне у современных народов настолько велико, что каждая война должна выглядеть как война защиты против угрожающего, убийственного агрессора. Не должно быть никакой двусмысленности относительно того, кого общество должно ненавидеть».

(Lasswell 1947: 27, см. также 1927a и 1927b).

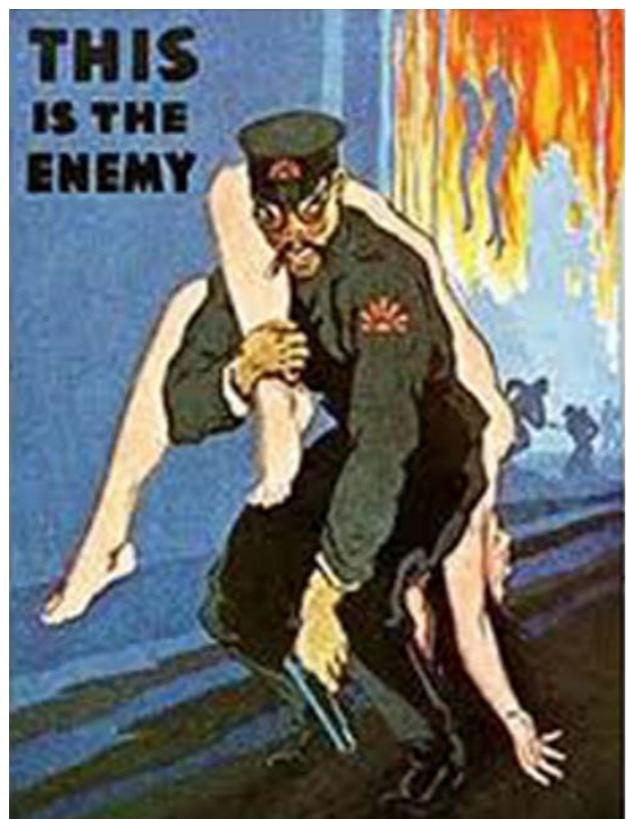
Что касается «Демонизации японцев в американской пропаганде Второй мировой войны»:

«Во всех формах американской антияпонской пропаганды японцы уничижительно назывались «япошками» и изображались как жестокие обезьяны или некие паразиты, называемые «подлыми маленькими желтыми крысами». Японский обычай уважать авторитеты демонстрировался американской пропагандой как форма фанатизма, а японских иммигрантов в США также клеймили как людей, которым нельзя доверять. Американской

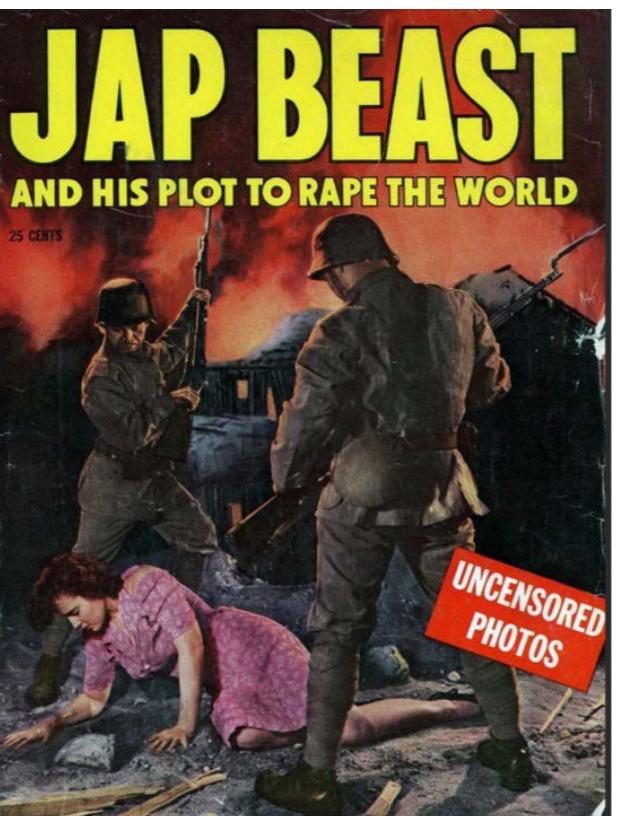
общественности постоянно напоминали, что японцы напали на Перл-Харбор, «плохо обращались с военнопленными» и «совершали зверства». На пропагандистских плакатах японцы изображались в виде чудовищных обезьян, угрожающих чести Соединенных Штатов и/или белой американской женщине. Слова «подлый», «чудовище» и «японец» были написаны крупным жирным шрифтом. Крейсер под названием «Гонолулу», помнится, имел на носу надпись: «Убейте япошек. Убивайте япошек, убивайте больше япошек». Адмирал ВМС США Уильям Фредерик Хэлси, как сообщается, публично говорил о японцах как о «звероподобных обезьянах» и заявил: «Мы топим и сжигаем [их] по всему Тихому океану, и сжигать их — такое же удовольствие, как и топить».

(PropagandaModule. 2016)

Приведенные ниже иллюстрации также поучительны в этом отношении. Антияпонский пропагандистский плакат армии США, Вторая мировая война (1941–1945):

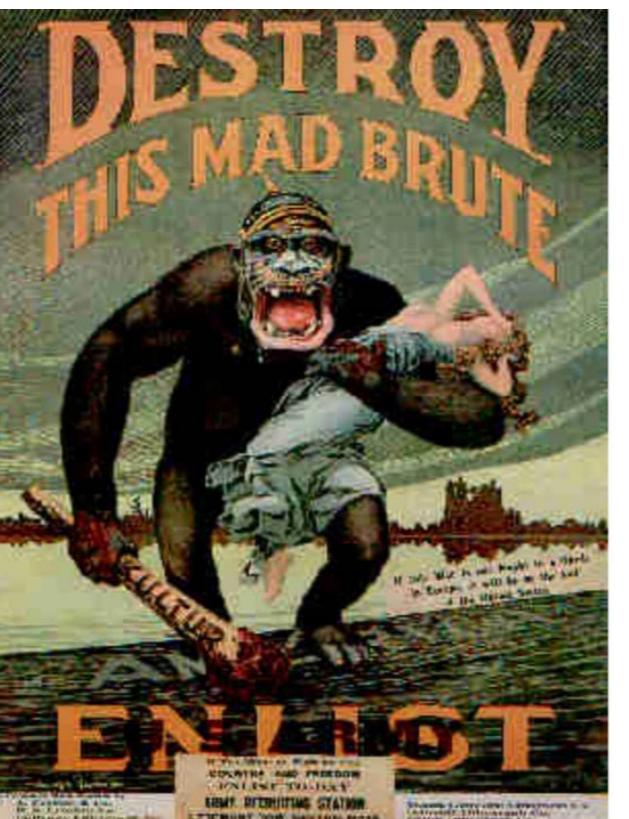

Антияпонский пропагандистский плакат армии США, Вторая мировая война (1941–1945):

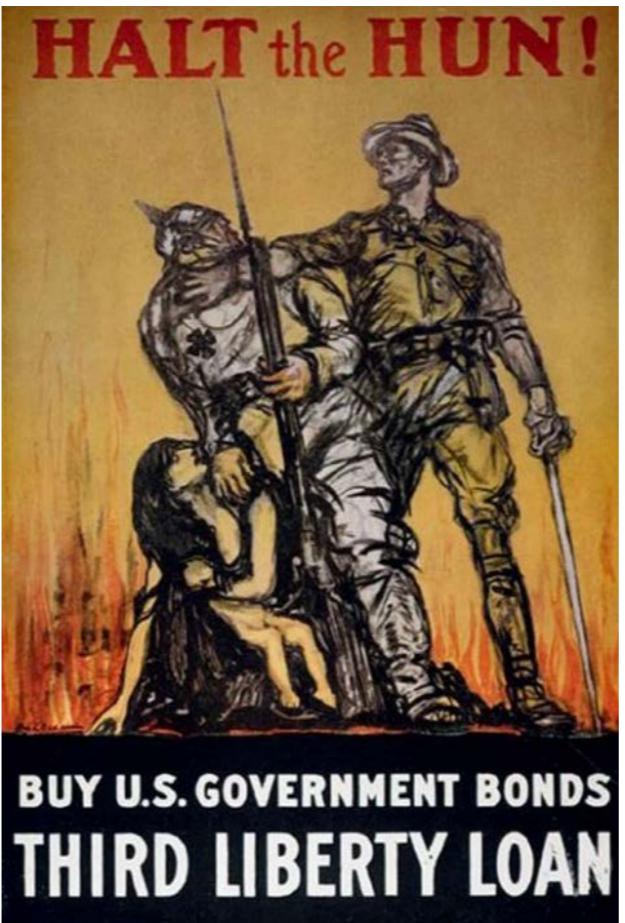

Аналогичное текстовое и визуальное сообщение было сделано в отношении немцев в Первой мировой войне, как показано ниже: Источник:

Img.HuffingtonPost.com

(Артист 1900 2012)

Интересно отметить, что на многих плакатах жертвой является белая женщина или другой уязвимый человек, например, дети. Что касается жестокостей в текстовом виде, то, например, во время войны в Персидском заливе, предшествовавшей вторжению США в Ирак, в американской прессе широко распространялась ужасающая история об иракских солдатах, вторгшихся в Кувейт в 1990 году:

«Когда я был там, я видел, как иракские солдаты пришли в больницу с оружием и зашли в комнату, где в инкубаторах находились 15 младенцев. Они вытащили младенцев из инкубаторов, забрали инкубаторы и оставили младенцев умирать на холодном полу».

По словам Ника Уильямса, фальшивые показания Конгрессу США дала кувейтская девочка-подросток, которая была дочерью посла Кувейта в США шейха Сауда аль-Насера аль-Сабаха. Подросток утверждала, что наблюдала за военным преступлением, работая волонтером в госпитале.

Это разоблачение вновь привлекло внимание к оккупационным усилиям правительства Кувейта в изгнании, направленным на ведение пропагандистской войны против иракского лидера Саддама Хусейна. В Вашингтоне кампания проводилась организацией «Граждане за свободный Кувейт», лоббистской организацией, которая воспользовалась услугами Hill & Knowlton, крупной американской фирмы, известной тем, что занимается связями с общественностью для иностранных правительств. (Williams 1992)

Даже тактика в военных действиях имеет предвзятые толкования. В период с 2020 по 2022 год я прочитал несколько газетных статей, в которых говорилось о том, что существуют хорошие и плохие «умышленные убийства». Моральная оценка зависела от того, какая страна была преступником или жертвой, и особенно от того, в какой национальной прессе была опубликована эта история. (Подробнее об этом см.: Zengel, 1992, и Franck, 1970).

Что касается влияния дезинформации на мировые события, я должен отметить долгую и познавательную дискуссию на онлайн-форуме членов Американской исторической ассоциации на тему «Исторические события, вызванные фальшивыми новостями». В этой связи показателен комментарий Константина Карапаса:

«Дорогие коллеги, я так рад, что у нас так много замечательных идей по этой теме! Очень важно рассмотреть проблему фальшивых новостей и, прежде всего, то, насколько сильно они могут формировать историю, память, идентичность и реальность. Среди многих идей, которые у меня есть, я хотел бы поделиться случаем расовой резни в Талсе (в своей работе я обозначаю ее также как войну). Позорный инцидент с применением насилия в Талсе в 1921 году начался с фальшивых новостей. Сообщалось, что молодой чернокожий мужчина изнасиловал белую женщину, в середине дня, буквально в самом оживленном здании Талсы — газеты, возглавляемые/поддерживаемые приверженцами превосходства, вместе с газетами, ищущими привержен-

цев расизма любой направленности и организации, чтобы купить их «работу», распространяли слух. Так в двух словах (по моему мнению) произошел худший расовый бунт, война, резня в истории США. Просто в качестве дополнительной идеи, поскольку 31 мая исполняется столетие этого инцидента».

(Karatzas 2021)

Еще одна очень познавательная дискуссия Американской исторической ассоциации была посвящена тому, как война изучена лучше, чем попытки дипломатии предотвратить или прекратить войну. Нынешняя война в Украине — это печальный пример, в котором захватчик по Клаузевицу, Россия, добивается согласия только на то, сколько суверенной украинской территории она сохранит. Некоторые события и вопросы, которые Россия использовала в качестве предлога для вторжения, более конкретны, чем другие. Не придавая им истинного значения путем дискурса, они были:

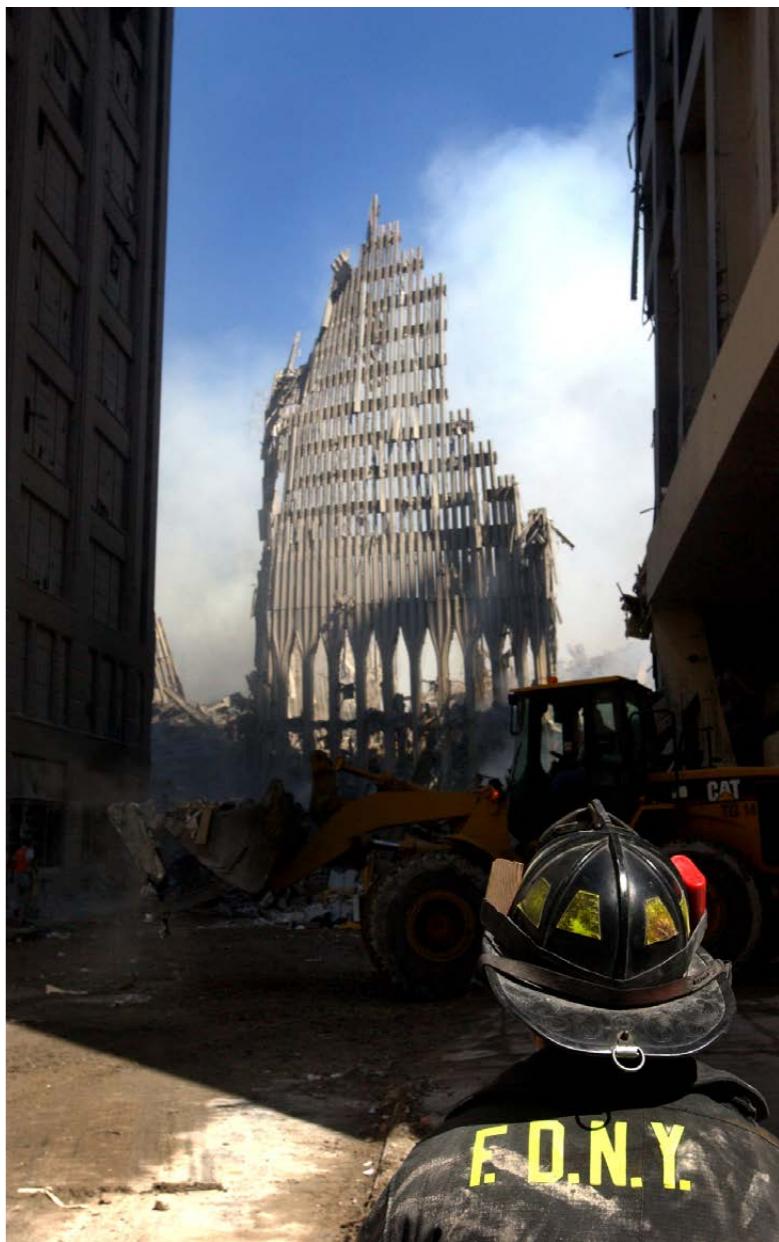
1. Историческая враждебность Западной Европы к Востоку, особенно к России, а также к славянам и «азиатам» в целом. Страх перед Востоком также был историческим источником антисемитизма. В последнее время антироссийские настроения бывших стран Варшавского договора и других «пленных наций», особенно Польши, Латвии, Литвы и Эстонии.

2. Дискриминация этнических русских украинцев, особенно после изменений в Конституции страны после «майданной революции» 2014 года, когда пророссийское (антизападное) правительство было заменено антироссийским (прозападным). В этой связи часто упоминаются «Минские соглашения» 2015 года. (Koshiw, 2022, Mackinnon, 2022) Я должен отметить здесь связанный с этим феномен поддержки России американским правым крылом, христианским религиозным фундаментализмом, поскольку посткоммунистический период ознаменовался возвращением политического влияния Русской православной церкви.

3. Расширение НАТО на восток представляет собой серьезную угрозу безопасности России. Хотя мало кто из экспертов сомневается в том, что якобы данные при распаде Советского Союза обещания не расширяться не были искренними, Россия часто ссылается на эти неписанные «обещания».

Совершенно очевидно, что президент России Владимир Путин не является поклонником НАТО. Более того, он демонстрирует ярко выраженную — почти навязчивую — антипатию к Альянсу. Он утверждает, что НАТО воспользовалась слабостью России после распада Советского Союза и расширилась на восток в нарушение обещаний, якобы данных Москвой западными лидерами. Но таких обещаний не было — теперь это подтверждает тот, кто точно был в курсе: Михаил Горбачев, тогдашний президент Советского Союза. (Pifer 2014)

Также периодически упоминаются «разговоры» о заключении договора об общей обороне с Российской Федерацией. Некоторые более сложные аргументы, хотя и основанные на фактах, также не дают оправдания вторжению России в Украину. Их можно найти в «альтернативных» СМИ, так как трудно увидеть упоминание о них, кроме как в академическом дискурсе. Конечно, финансируемые российским правительством каналы, такие как RTV, изобилуют подобными обоснованиями. Профессор Колумбийского университета **Джеффри Сакс**, который был самым уважаемым ученым в отношении постсоветской России, вероятно, самый известный из них. Что касается популярных СМИ на Западе, то там также трудно найти какие-либо позитивные новости о Китае, Венесуэле или Кубе. Кроме того, большинство объективных наблюдателей считают, что существует марионеточная война между Соединенными Штатами Америки и Россией, а также война против Китайской Народной Республики. Америка давно считает себя исключительной нацией. Как в «Американской иеремиаде» Саквана Берковича (1978), убежденность в том, что Соеди-

ненные Штаты — избранная нация, пронизывает интеллектуальные и политические традиции страны. (Stephenson 2010) Падение СССР рассматривалось как доказательство этой божественной избранности, поскольку он победил экспортера «безбожного коммунизма». После 11 сентября эти понятия легко объединились со «Столкновением цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона (2011), согласно которому в глобальных политических столкновениях будут доминировать культурные и религиозные идентичности. Хотя основной упор Хантингтон делал на ислам и Китай, автор газеты «New York Times» Росс Дутат так применил его тезис к войне в Украине:

«Казалось бы, тезис Хантингтона созрел для нового внимания после вторжения Владимира Путина в Украину, удивительной единой реакции Запада, более неопределенной реакции Китая и Индии. Но в последнее время Хантингтона чаще всего упоминают либо с опаской — на том основании, что Путин хочет столкновения цивилизаций, а мы не должны ему поддаваться, — либо с пренебрежением или критикой, когда считается, что его теория мировой политики фактически опровергнута попыткой Путина восстановить Великую Россию». (Douthat 2022)

Американская исключительность была еще более усиlena профессором Чикагского университета Лео Штраусом (1899–1973), чьи обширные и сложные философские работы были интерпретированы неоконсерваторами как слова о необходимости и обязанности Соединенных Штатов возглавить новый «мировой порядок». Его ученики или, возможно, последователи оказали большое влияние на внешнюю политику администрации Джорджа Буша-младшего (2001–09 гг.). Консервативный уклон взят из его книги «Естественное право и история» (1953), в которой он нападал на релятивизм и свободную от ценностей позицию, доминировавшую в общественных науках, которые он рассматривал как препятствие на пути к достижению философского и научного знания. Советники Буша, такие как Пол Вулфович, рассматривали релятивизм как угрозу выживанию западной культуры. (Smith 2006) Эти взгляды способствовали возникновению идеи, что фальсификация доказательств для оправдания военных действий, таких как «Оружие массового поражения» при вторжении в Ирак, может быть оправдана для предотвращения большего зла; даже если это большее зло было вымышленным или идеологически предвзятым. (Mazzetti and Shane 2008).

Некоторые глобальные и исторические стратегические вопросы также имеют значение в отношении американского внимания к Украине. Во-первых, это идеи британского

географа Хэлфорда Маккинdera, который в 1904 году вновь представил концепцию geopolitики в своей «Теории хартленда», которую он рассматривал как «географический стержень истории». (1962) Он утверждал, что любое государство, контролирующее огромные природные ресурсы Центральной Азии, станет «мировой империей». Сегодня эта империя состоит из России и бывших советских республик Центральной Азии. Распад СССР в 1991 году создал возможность для появления нового гегемона. Согласно просочившемуся в сеть документу Пентагона 1992 года:

«Наша первая цель — предотвратить возрождение противника, представляющего угрозу на территории бывшего Советского Союза. Это важнейшее дело, которое требует от нас усилий по предотвращению доминирования любой

Хэлфорд Маккиндер

исторической державы в регионе, ресурсы которого при консолидированном контроле были бы достаточны для создания глобальной мощи. Теперь наша стратегия должна быть направлена на предотвращение появления любого будущего глобального противника». (Феттвейс 2003, также Феттвейс 2000, Изери 2009)

Збигнев Бжезинский (1928–2017), советник по национальной безопасности США при президенте Джимми Картере (1977–81), придерживался традиций Хэлфорда Маккинdera и, как и следовало ожидать, разработал свою собственную «Геостратегию для Евразии». Приведенный ниже отрывок является наиболее кратким объяснением, которое я смог найти для определения Украины как важной остановки на пути к «новому мировому порядку» через центр Европы. Будучи свидетелем подъема нацистов и Советского Союза, Бжезинский, сын аристократического польского дипломата, рассматривал политику как культурную и идеологическую борьбу не на жизнь, а на смерть. Добро против зла не было бы преувеличением, поскольку он видел необходимость в активизации Европы (Евро-Атлантики), чтобы воспользоваться преимуществами победы Запада в холодной войне. Поэтому, утверждал он:

«... Расширение НАТО и ЕС должно происходить обдуманными этапами. Предлагая постоянную поддержку со стороны Америки и Западной Европы, приведем предполагаемый, но реалистичный график этих этапов: К 1999 году первые три центральноевропейских члена будут приняты в НАТО, хотя их включение в ЕС, вероятно, не произойдет до 2002 или 2003 года; к 2003 году ЕС, вероятно, начнет переговоры о вступлении со всеми тремя балтийскими республиками, и НАТО также продвинется вперед в вопросе их членства, а также членства Румынии и Болгарии, и их вступление, вероятно, будет завершено до 2005 года; между 2005 и 2010 годами Украина, при условии, что она проведет значительные внутренние реформы и станет идентифицироваться как центральноевропей-

ская страна, также должна быть готова к начальным переговорам с ЕС и НАТО.

Неспособность расширить НАТО теперь, когда обязательства приняты, разрушит концепцию расширяющейся Европы и деморализует жителей Центральной Европы. Хуже того, это может вновь разжечь дремлющие политические устремления России в Центральной Европе. Более того, весьма сомнительно, что российская политическая элита разделяет стремление европейцев к сильному американскому политическому и военному присутствию в Европе. Таким образом, хотя укрепление отношений сотрудничества с Россией желательно, для Америки важно послать четкий сигнал о своих глобальных приоритетах. Если необходимо сделать выбор между более крупной европейско-атлантической системой и лучшими отношениями с Россией, то первое должно стоять выше». (Бжезинский 1997)

Я должен отметить некоторые парадоксальные предпосылки этой трагедии. Нынешняя угроза Китая во многом является порождени-

ем американских и других западноевропейских стран и корпораций, которые финансирували рост промышленности в Китае для увеличения прибыли. Это было направлено, прежде всего, на подрыв власти профсоюзов, поскольку они отправляли хорошо оплачиваемых рабочих за границу. Запад думал, что Китай пойдет по пути России, которая превратилась из несостоявшегося посткоммунистического государства, на словах поддерживавшего коммунизм, в государство, где доминирует мафиозный неофеодальный капитализм.

Другая распространенная причина оправдания преступного российского вторжения заключается в том, что поскольку США вторгались и/или свергали правительства других стран, преступное поведение России в какой-то мере более терпимо. Однако двусмысленность не является логическим путем к законности. Независимо от правдивости событий, приведших к вторжению России в Украину, которые можно считать или не считать «причинами», они не могут считаться справедливой причиной для убийства людей и уничтожения имущества в пределах международно признанных границ страны. Для людей, живущих в Украине, имеет ли это значение? Как пишет Эндрю Ф. Крамер, президент Украины Владимир Зеленский запланировал выступление на совместном заседании Конгресса США с просьбой увеличить помочь Украине:

«Украина борется за добро, а не за зло».

(Крамер 2022)

ВЗГЛЯД ИЗ УКРАИНЫ

Недавние статьи членов Европейской академии наук Украины (EASU) в журнале ***American Behavioral Scientist*** дают дальнейшее представление о войне из первых рук. Эти статьи — плод конференции EASU по неизвестным войнам, в которой я также принимал участие и из которой развилось это более обширное эссе.

В статье ***«Война в Украине и ее вызов НАТО: От миротворчества к миротворческой инженерии»*** (Максим Лепский и Ната-

Prof. Максим Лепский

лья Лепская, 2022) предлагают более обоснованное обсуждение некоторых тем, на которые я намекал в предыдущих абзацах, и указывают на вопиющие слабости международных организаций, таких как ООН, на защиту которых полагаются страны.

Российская агрессия против независимой Украины основана на реваншистских нарративах и реконструированных смыслах Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамской системы, что возвращает к угрозам ядерной эскалации и военной экспансии территорий. Сокращение военных действий с глобального до регионального конфликта, как это сделали «Минские соглашения» 2014–2016 годов, уже невозможно. Ведь события февраля 2022 года — это масштабная экспансия, оправданная идеями реваншистской пропаганды, предполагающая вооруженный захват не только Украины, но и постсоветских стран и бывших стран Варшавского договора, большинство из которых являются членами ЕС и НАТО.

Согласно своему Уставу, ООН является глобальным миротворческим институтом и наиболее представительным (193 государства-члена) регулятором развития мирового сообщества. Однако **реакция ООН на военное вторжение России в Украину демонстрирует отсутствие механизмов сохранения глобальной системы безопасности, несовершенство международного права и кризис миротворческой системы**. Даже после голосования представителей 141 страны против российской агрессии в Украине на Генеральной Ассамблее ООН 2 марта 2022 года и обращения Международного

Ирина Лопатюк

суда ООН, осуждающего и требующего немедленного прекращения всех военных действий России в Украине, эти резолюции были проигнорированы агрессором. (Лепский и Лепская 2022: 2–3, см. также Кушнер и Турсунбаева 2022, Мальцев 2022)

Обсудив исторические и психологические аспекты военных преступлений, **Олег Мальцев и Ирина Лопатюк заключают**:

«Каковы причины (субъективные и психологические) этих преступлений? Безнаказанность — это не столько причина, сколько следствие. Любое государство с клептократическим режимом, где у руля стоят преступники, превращает любую войну в своего рода департамент собственного бизнеса. При такой активности на уровне руководства, все нижние уровни государства копируют эти действия. Безнаказанность порождает циклическое повторение этих преступлений, потому что во время войны «нет времени разбираться». Основной проблемой и причиной современных войн является феномен «политического маркетинга», о котором шла речь на международной конференции «Неизвестные войны» 16 июля 2022 года. **Политический маркетинг** — это превращение маркетингового подразделения в подразделение стратегической разведки и представление ему всевозможных привилегий в погоне за сверхприбылью.

(«Кризисы и чрезвычайные ситуации, пандемии, войны: что будет дальше?»,

Dr. Олег Мальцев

2022; «Человек как объект исследования должен быть на первом месте, а не роботы и кибербезопасность», 2021; Мальцев, 2022).

Определение военного преступления, предложенное авторами данной статьи:

«Военное преступление — это необъяснимое деяние, включая любое нарушение Конституции, совершенное вооруженными силами и специальными идеологическими подразделениями вооруженных сил, а также спецслужбами государств; имеющее достаточную гласность и настолько очевидное, что не требует доказательств; подсудное сводному международному суду или суду государства одной из сторон конфликта; богохульное, противоречащее совести и морально неприемлемое деяние, подлежащее наказанию сводной коллегией государств, осуждающих его».

(Мальцев и Лопатюк, 2022)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом эссе, как и практически во всех своих исследованиях, я надеялся показать связь между многими уровнями человеческого восприятия — от личного до глобального. В этой связи я часто цитирую, как, например, ниже, цитату из книги Ч. Райта Миллса «Обещание социологии» в «Социологическом воображении».

«Редко осознавая запутанную связь между моделями своей собственной жизни и ходом мировой истории, обычные люди зачастую не знают, что эта связь означает для тех типов людей, которыми они становятся, и для тех форм развития истории, в которых они могут принять участие. Они не обладают тем качеством ума, которое необходимо для понимания взаимосвязи человека и общества, биографии и истории, себя и мира. Они не могут справиться со своими личными проблемами таким образом, чтобы контролировать структурные преобразования, которые обычно стоят за ними».

(1959: 3–4)

К сожалению, когда война в Украине закончится, о чем я молюсь каждый день, вряд ли все неизвестное станет известным. Однако смерти и разрушения будут происходить,

а бессердечные игры в виноватых будут продолжаться до тех пор, пока не начнется следующая неизвестная война.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Artist 1900. 2012. Anti-German propaganda in WWI
2. [HTTPS://ARTIST1900.WORDPRESS.COM/2012/01/25/ANTI-GERMAN-PROPAGANDA-IN-WWI/](https://artist1900.wordpress.com/2012/01/25/anti-german-propaganda-in-wwi/) Accessed November 22, 2022
3. Bercovitch, Sacvan. 1978. American Jeremiad. Madison: University of Wisconsin Press.
4. Brzezinski, Zbigniew. 1997. «A Geostrategy for Eurasia,» Foreign Affairs, 76:5, September/October 1997.
5. <https://www.jstor.org/stable/20048199?origin=JSTOR-pdf>
6. Chomsky, Noam. 1995. Class Warfare. (<https://chomsky.info/warfare01/>)
7. Douthat, Ross. 2022. «Yes, There Is a Clash of Civilizations,» The New York Times.

<https://www.nytimes.com/2022/03/30/opinion/ukraine-clash-of-civilizations.html> Accessed December 28, 2022

9. Fettweis J. Christopher. (2003). "Revisiting Mackinder and Angell: The Obsolescence of Great Power Politics." Comparative Strategy, 22:109–129.
10. Fettweis, Christopher. J. 2000. The US Army War College Quarterly: Parameters, 30 (2) Volume 30. Article 3, 5–10–2000
11. Franck, Thomas M. 1970. «Who Killed Article 2(4)? or: Changing Norms Governing the Use of Force by States,» The American Journal of International Law, 64 (5): 809–37.
12. Habermas, Juergen. 1975. The Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press. Thomas McCarthy trans.
13. Huntington, Samuel. 2011. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon & Schuster.
14. Iseri, Emre. 2009. «The US Grand Strategy and the Eurasian Heartland in the Twenty-First Century,» Geopolitics, 14 (1): 26–46,

DOI: 10.1080/14650040802578658

15. Kakutani, Michiko. 2011. «Rumsfeld's Defense of Known Decisions,» The New York Times, February 3. <https://www.nytimes.com/2011/02/04/books/04book.html> Accessed December 12, 2022.
16. Karatzas, Konstantinos. 2021. AHA Member Forum. Re: Historical Events caused by Fake News. Apr 21, 2021 12:29 PM
17. Koshiw, Isobel. 2022. «Everyone is talking about Minsk but what does it mean for Ukraine?» Open Democracy, February 4. <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-ukraine-what-are-the-minsk-agreements/> Accessed December 26, 2022.
18. Kramer, Andrew F. 2022. «Zelensky's Message: Ukraine Is Fighting for Good Over Evil,» The New York Times, December 22.
19. <https://www.nytimes.com/2022/12/21/world/europe/zelensky-ukraine-washington.html> Accessed December 22, 2022.
20. Krase, Jerome. 2021. "Mentalities and the Global COVID-19 Pandemic," The Role

- of Mentality in Human Life and Culture Conference, European Academy of Sciences of Ukraine, November 8–13, 2021. <https://mentality.euasu.org/mentalities-and-the-global-covid-19-pandemic/>
21. Krase, Jerome. 2020. "Interrogating Academic Interrogations," Collected
22. Papers Challenges of Source Evaluation in Science and Correlated Areas, European Academy of Sciences of Ukraine, December 2020. [HTTPS://SOURCE.EUASU.ORG/INTERROGATING-ACADEMIC-INTERROGATIONS/](https://source.euasu.org/INTERROGATING-ACADEMIC-INTERROGATIONS/)
23. Kushner, Harvey W. and Tursunbaeva, Kanykei. 2022. «Editors' Introduction,» American Behavioral Scientist. 1–3. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00027642221144841>
24. Lasswell, Harold. 2010 [1947]. The Analysis of Political Behaviour. London: Routledge.
25. Lasswell, Harold D., 1927a, Propaganda Techniques in the World War. New York: Alfred A. Knopf.
26. Lasswell, Harold D. 1927b. «The Theory of Political Propaganda,» The American Political Science Review. 21 (3): 627–31.
27. Lepskiy, Maxim and Lepskaya, Natalia. 2022. «The War in Ukraine and its Challenge to NATO: Peacekeeping to Peace Engineering,» American Behavioral Scientist. 1–24 <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00027642221144833>
28. Mackinnon, Amy 2022. «Eastern Ukraine's Problematic Peace Plan,» Foreign Policy. https://foreignpolicy.com/2022/02/17/minsk-agreement-ukraine-russia-peace/?gclid=EA1alQobChMImYGf2tOX_AIVIsD1Ch2g9wDjEAAYAiAAEgJCGfD_BwE# Accessed December 26, 2022.
29. Mackinder, Sir Halford. 1904. «The Geographical Pivot of History,» The Geographical Journal, 23 (4): 298–321.
30. Maltsev, Oleg and Lopatiuk, Iryna. 2022. «War Crimes: Their Nature and Parameters,» American Behavioral Scientist. 1–24. 1–13. <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/00027642221144818>
31. Maltsev, Oleg. 2022. Does Ukraine Have the Right to be an EU Member? American Behavioral Scientist. 1–31.

- <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00027642221144818>
32. Mazzetti, Mark and Shane, Scott. 2008. «Bush Overstated Iraq Evidence, Senators Report,» The New York Times. <https://www.nytimes.com/2008/06/06/world/middleeast/06intel.html> Accessed December 28, 2022
33. Mills, C. Wright. 1959. The Sociological Imagination. New York: Oxford University Press.
34. Pifer, Steven. 2014. «Did NATO Promise not to Enlarge: Gorbachev Says No,» Brookings. <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2014/11/06/did-nato-promise-not-to-enlarge-gorbachev-says-no/> Accessed December 26, 2022.
35. Ponsonby, Arthur, 1918, FALSEHOOD IN WAR-TIME: Propaganda Lies of the First World War, George Allen and Unwin.
36. PropagandaModule. 2016. Demonization of the Japanese in U. S. World War II Propaganda [HTTPS://MODULESTAGING.WORDPRESS.COM/2016/10/02/DEMONIZATION-OF-THE-JAPANESE-IN-U-S-WORLD-WAR-II-PROPAGANDA/](https://MODULESTAGING.WORDPRESS.COM/2016/10/02/DEMONIZATION-OF-THE-JAPANESE-IN-U-S-WORLD-WAR-II-PROPAGANDA/) Accessed October 26, 2022.
37. Rumsfeld, Donald. 2011. Known and Unknown. New York: Sentinel
38. Smith, Steven B. 2006. «Reading Leo Strauss,» The New York Times. <https://www.nytimes.com/2006/06/25/books/chapters/0625-1st-smith.html> Accessed Decemebr 28, 2022.
39. Stephenson, Wen. 2010. «American Jeremiad: A Manifesto,» The New York Times. <https://www.nytimes.com/2010/03/28/books/review/Stephenson-t.html> Accessed December 28, 2022.
40. Strauss, Leo. 1953. Natural Right and History. Chicago: University of Chicago Press.
41. Von Clausewitz, Phillip. 1943. On War (New York: Modern Library, trans. O. J. Matthijs Jolles.
42. Williams, Nick B. Jr. 1992. «Kuwait Story of Babies Removed From Incubators Refuses to Die,» Los Angeles Times, March 6. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-03-06-mn-3337-story.html> Accessed December 23, 2022.
43. Zak, Dan, 2021, «Nothing ever ends': Sorting through Rumsfeld's knowns and unknowns,» Washington Post, July 1. https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/rumsfeld-dead-words-known-unknowns/2021/07/01/831175c2-d9df-11eb-bb9e-70fda8c37057_story.html Accessed October 26, 2022.
44. Zengel, Patricia (1992) «Assassination and the Law of Armed Conflict,» Mercer Law Review: 43 (2): Article https://digitalcommons.law.mercer.edu/jour_mlr/vol43/iss2/3 Accessed December 23, 2022.

“ ГОРЯ ТОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ, КОТОРЫЙ НЕ ПОЗАБОТИТСЯ НАЙТИ ТАКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВОЙНЫ, КОТОРОЕ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЕЩЕ СОХРАНИТ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Отто фон Бисмарк

Prof. Dr. Джером
Крейс

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Писатель, криминолог, психолог, журналист-расследователь, бизнес-стратегический консультант, адвокат. Академик Европейской академии наук Украины

«Монструозность приобрела другое значение. Изначальную монструозность животных как предмет ужаса и фасцинации, (...) — эту монструозность, переполненную всевозможными угрозами и всевозможными метаморфозами, монструозность, которая втайне находит своё решение в живой культуре людей и является одной из форм альянса, мы обменяли на спектаклярную монструозность: монструозность Кинг-Конга, вырванного из джунглей и превращенного в звезду мюзик-холла. В результате культурный сценарий инвертируется. Прежде культурный герой уничтожал

зверя, дракона, чудовище — и из пролитой крови возникали растения, люди, культура; сегодня же животное Кинг-Конг приходит, чтобы опустошить индустриальные метрополии...».

(с) Жан Бодрийяр «Симулякры и симуляции»

Тему глобальных угроз в 21 веке фактически можно назвать самой актуальной и беспрецедентной в своей масштабности.

Каждый человек, каждый житель планеты Земля вне зависимости от места рождения, исповедуемой философии, класса образования, уровня компетентности, личностных предпочтений и т.д. подвержен глобальным угрозам. Как показала практика последних десятилетий, сценарии развертывания глобальных угроз варьируются: от локальных актов террора — до гибридных войн; от появления новых неизвестных заболеваний — до общемировой пандемии. Более того, с позиции индивидуального, таковые глобальные тенденции и события практически невозможно прогнозировать. Гражданин любого государства, по сути, не защищён от глобальных угроз. Недавние события, связанные с видеоизменением экономического облика планеты ввиду пандемии, показали, что человек сегодня крайне уязвим. Новые задачи и вызовы неопределённости продиктованы геополитическими тенденциями; по факту, сегодня социум практически не располагает инструментами и моделями, способствующими предотвращению глобальных опасностей и нивелированию их последствий. Так или иначе, отдельно взятый гражданин не располагает возможностями напрямую влиять или предотвращать глобальные угрозы.

Однако означает ли данное положение вещей то, что ничего невозможно сделать и впредь человечеству суждено оставаться следствием неких geopolитических актов и испытывать себя на прочность перед лицом давления глобальных угроз? Определённо, нет.

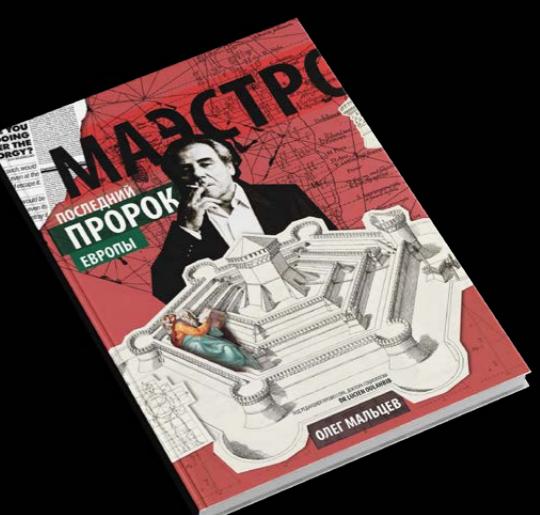
Более 20 лет я как учёный-прикладник занимаюсь исследованием данной проблематики. В контексте статьи предлагается рассмотреть ряд ключевых положений и выводов относительно предпосылок к возникновению глобальных угроз, природе силы их воздействия на социум, равно как и последствий, представив ход аналитического осмысливания следующих базовых вопросов:

- Понятие «глобальные угрозы»: как они возникают?
- Степень воздействия глобальных угроз на среднестатистического человека;
- Тактический практикум: как действовать

в условиях глобальных угроз; что требуется знать; какие действия совершать не рекомендуется.

В 2020 году в свет вышел мой труд **«Маэстро. Последний пророк Европы»**. Научную редакцию данной монографии осуществил Dr. Люсьен-Самир Улахбиб — писатель, лектор, социолог, политолог, главный редактор научного журнала **«Догма»**. Что важно, Dr. Улахбиб много лет работал совместно с выдающимся французским философом и мыслителем Жаном Бодрийяром. Более того, этот человек и сегодня ведёт активную научную деятельность, выступая автором многочисленных научных статей и книг по французскому нигилизму и неоленинизму, радикальному исламизму, антиамериканизму и антисемитизму. С доктором Улахбибом мы неоднократно обсуждали проблематику глобальных угроз, их видовых метаморфоз, а также способы воздействия данных угроз на человека формации 21 века.

В монографию **«Маэстро. Последний пророк Европы»** мы единодушно решили включить интервью с Dr. Максимилиано Корстанье — писателем, экспертом по терроризму, главным редактором Международного журнала по безопасности и защите в туризме. В данной статье, памятуя про главные задачи нашего аналитического путешествия, я не стану приводить дословную стенограмму всего разговора; ограничусь некоторыми цитатами. Среди прочего, Dr. Корстанье заметил, что **капитализм закончился в 2008 году**. Непосредственно

прекратил своё существование. И на смену ему пришла новая эра — посткапиталистическая эра. Сам Маэстро Жан Бодрийяр называл её фрактальной эрой:

«...это далеко от мира Просвещения и разума, от обычного мира рациональности: мы находимся во фрактале, молекулярном, множественном, случайном, хаотическом. Там целый мир, но в этом мире нет «правил игры». Он находится в состоянии беспорядка... [...] Не географический, он больше не географический, но он лежит в основе самой системы. Это в самой логике самой системы. Это реально, актуально. И этот новый мир, не совсем подземный, скорее вирусный, фрактальный, эксцентричный и т.д.— новая реальность...

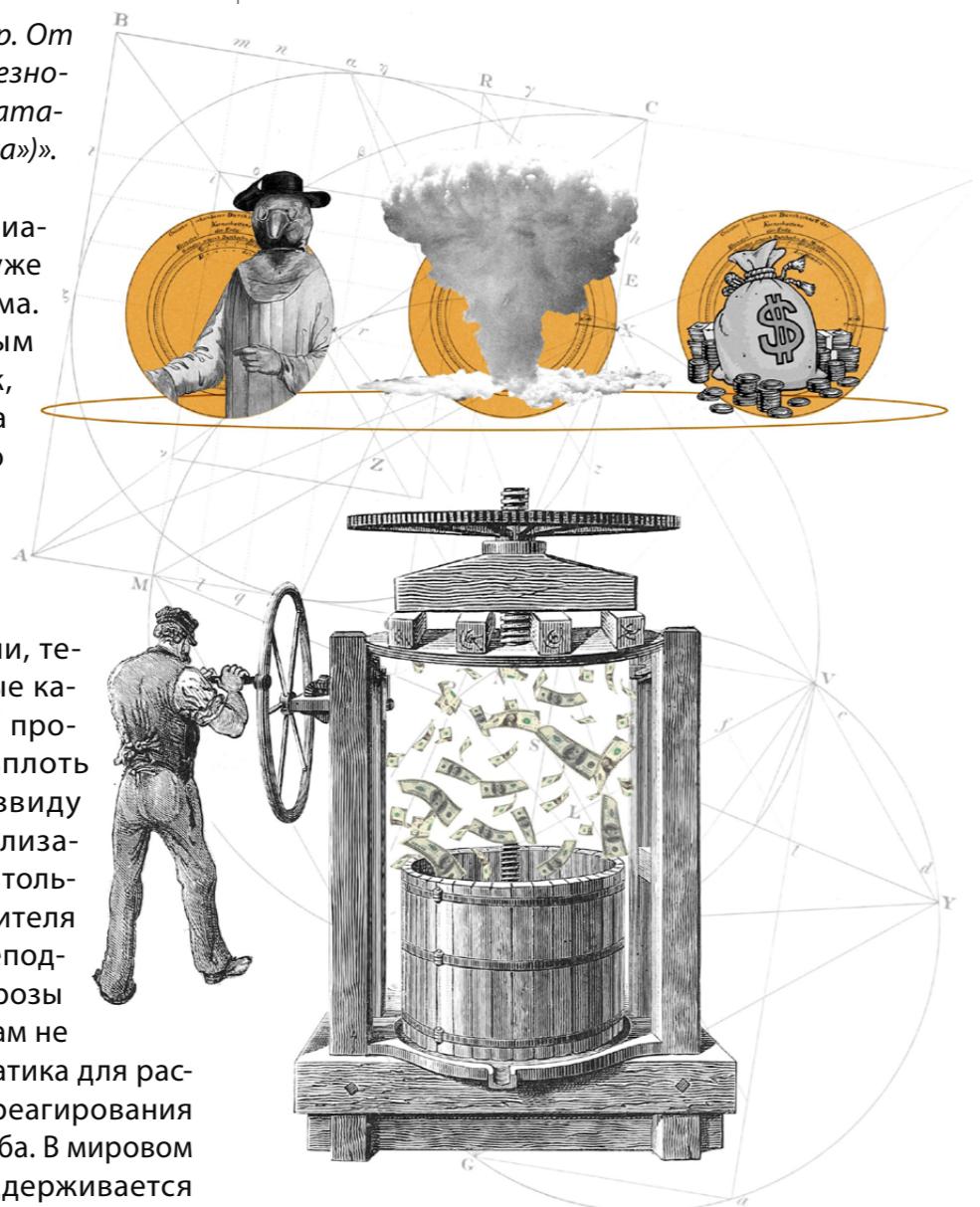
(Сборник «Жан Бодрийяр. От гиперреальности к исчезновению», интервью 18 «Катастрофа Парадокса»).

Как поясняет Dr. Максимилиано Корстанье, в 21 веке мы уже вышли за рамки капитализма. Капитализм — это, главным образом, свободный рынок, свободная конкуренция на рынке. Однако как такового свободного рынка уже не существует.

Обратим внимание на вариативность глобальных угроз: терроризм, пандемии, театральные шоу, техногенные катастрофы, землетрясения и прочие различные явления (вплоть до угрозы апокалипсиса ввиду вторжения неземной цивилизации). Более того, сегодня не только для индивида (представителя социума) таковые угрозы неподконтрольны. Глобальные угрозы даже нынешним государствам не подвластны. Отдельная тематика для рассуждений — это проблема реагирования на угрозы подобного масштаба. В мировом масштабе стереотипно поддерживается

тенденция «пост-реагирования», а не предвосхищения катастроф. Иными словами, человечество работает с проблемой, «вставшей в полный рост», а не предупреждает её как таковую. Кажется, что тактически организовать превентивные и профилактические меры сегодня просто не способны. И пандемия лишь подтверждает данные неоптимистичные выводы.

Что крайне интересно и не менее очевидно: уже не секрет, что глобальные акты на манер пандемии, гибридных войн и манипуляции ядерной катастрофой — это **инструменты маркетинга в руках частного капитала**. Поэтому во время интервью с Dr. Корстанье, когда я напрямую задал вопрос профессору: «Так это действительно инструменты маркетинга?», он совершенно четко мне ответил:

«Да, это некие инструменты маркетинга, которые позволят реструктурировать мировой порядок», по сути, инструменты маркетинга в руках определенных лиц. То есть «Х» лиц, которых никто не знает. Иными словами, специально инспирированные мероприятия, позволяющие «распорядителям капиталов» добиваться сверхприбыли, используя целые государства. Гибридные войны, которые якобы и вроде как решают вопросы несения демократии всем вокруг, на самом деле направлены на захват рынка и ресурсов того или иного государства

(Dr. Олега Мальцев, «Маэстро. Последний пророк Европы», стр. 129).

Существует субъективная точка зрения на предмет того, что глобальные угрозы, как таковые, на территории Украины разразились в феврале 2022 года. Тем не менее, украинский социум ощущает на себе их полномасштабное влияние уже длительное время. В подтверждение рассмотрим ряд исторических примеров.

- Во-первых, в ретроспективе коснёмся такого события, как развал Советского Союза. Без преувеличения, люди буквально уснули, будучи гражданами одной страны (СССР), а проснулись совершенно в иной. В новой среде и новой государственности, в которой регулировали другие правила и законы.
- Во-вторых, кризис 2008 года. Вряд ли украинская общественность запомнила, как за считанные дни курс доллара в Украине вырос с 2.50 грн до 8 грн. за у.е. США. Стоит ли подчёркивать, насколько глобально это сказалось на жизни буквально каждого человека в стране, на каждом аспекте его деятельности.
- Затем, в 2014 году курс евро вознесся до немыслимых (по тем соображениям) 30 грн. за 1 евро.
- Отдельная строчка в мировой истории — это, безусловно, пандемия COVID-19 (или «пандемия коронавируса»). Событие 2020 года, коснувшееся большей части

населения планеты (согласно официальной статистике), как с геополитической точки зрения, так и с финансовой.

- И, безусловно, февраль 2022 года, когда в Украине начались полномасштабные военные действия со стороны Российской Федерации.
- Приведённая тезисная хронология отражает, насколько социум подвержен воздействию различных глобальных угроз. И влияние данного рода характеризуется — постоянством и непрерывностью; сменяется лишь форма, но при этом давление и воздействие угроз как феномена не исчезает. Другими словами, человечество имеет дело с некоей опасной константой, нежели с отдельно взятыми переменными в виде угроз. Соответственно, одним из первых логичных выводов выступает следующее: **глобальные угрозы не возникают и не реализуются случайно, но выступают закономерностью**.
- Второй вывод: **человек начинает обращать внимание на эти явления лишь в момент, когда они касаются его лично**. Будучи зависимыми от тех или иных проблем, психологически индивид, подвергаясь прямому воздействию извне, бессознательно руководствуется побуждениями, нацеленными на попытку найти и вменивать наиболее безопасное решение.

Чтобы удостовериться в точности последнего высказывания, проведем короткий эксперимент. В качестве темы, например, выберем «историю Африканского континента в 20 веке». Эксперимент прост: вбейте, пожалуйста, в поисковой строке вашего компьютера запрос о войнах в Африке за последние 100 или даже 50 лет. Результат не заставит себя долго ждать: попробуйте сосчитать, сколько военных конфликтов терзало африканский континент за последнее столетие. Тем не менее, более 80% жителей Европы, Азии и Америки психологически не рассматривают для себя военные конфликты в Африке как некую угрозу (или даже как некий важный информационный посыл,

как феномен мировой значимости). Собственные интересы, выгода, личностные амбиции, проблемы и препятствия и мн. др. не располагает молчаливое большинство, не проживающее в Африке, даже к осмыслению факта происшествия каких-либо нецивилизованных событий за пределами среды своего собственного существования. Массы рождаются, растут, учатся, ходят на работу и просто живут «своей жизнью», пока им на смену не придут другие массы. Эдакий замкнутый круг, где каждый его участник даже не разворачивает вектор своего внимания куда-либо вовне. Недаром Жан Бодрийяр в труде «Фатальные стратегии» писал:

«Массы — это процесс разрастания, ускоряющий прекращение всякого роста. Это цепь, закороченная чудовищной финальностью».

Тем не менее, равнодушное отношение к войне у человека остаётся лишь до тех пор, пока война как прямая угроза существования не придёт в его дом. Непосредственно такое отношение и присуще молчаливому большинству.

С точки зрения изучения природы понятия «глобальная угроза», в ходе праксеологической рефлексии я пришёл к эвристической модели таковой угрозы. В сущности возникновения, протеканиям и затухания, глобальная угроза сравнима с природным катаклизмом. Как у любой глобальной угрозы, так и у природного катаклизма всегда существует начало, конец и последствия.

МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ — МОДЕЛЬ ПРИРОДНОГО КАТАКЛИЗМА

Непосредственно проводя сравнение угроз с природными катаклизмами, я подразумеваю наводнения, оползни, извержение вулкана, тайфуны, цунами и т.д. В результате природных катаклизмов неминуемо происходят разрушения; увы, практически всегда есть потери, в том числе, человеческие. В момент, когда сам катаклизм прекращается, наступает новая фаза: че-

ловечество обсуждает ущерб и оценивает последствия, а также принимает решения, что делать далее. **Природный катаклизм, как правило, невозможно предугадать или предупредить.**

К примеру, в 2019 году в Чикаго (США) были зафиксированы «аномальные морозы». Температура воздуха опустилась практически до -50°C . Так, из-за полярного вихря температура воздуха упала до -46°C , а озеро Мичиган почти полностью покрылось льдом, что, по словам метеорологов, крайне редкое явление. К таковому развитию природного сценария жители и, безусловно, инфраструктура Чикаго не были готовы. Даже трубы водопровода в том регионе не предназначены для таких морозов. Катаклизм повлёк целый ряд последствий, негативно сказавшихся на ежедневной жизнедеятельности жителей Чикаго. Восстановление инфраструктуры до сих пор не реализовано на 100%.

Однако, между природными катаклизмами и глобальными угрозами прослеживается весьма важное и весомое отличие, а именно сама причина их возникновения. Причиной природных катаклизмов могут послужить природные, атмосферные явления и т.д. Явления естественного порядка.

ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА — ВСЕГДА ЯВЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОЕ. У ТАКОВОГО ФЕНОМЕНА СУЩЕСТВУЕТ КОНКРЕТНАЯ ПРИЧИНА, СВЯЗАННАЯ С ДЕЙСТВИЯМИ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ГРУППЫ ЛИЦ.

В качестве примера обратимся к поучительной истории. Истории процветающей Европы до 1939 года. «Естественный ход истории», её такт и насыщенность событиями изменилась с появлением на мировой арене Адольфа Гитлера, основоположника национал-социализма. Условно, действия одного человека повлекли за собой катаклизм, который вылился в крупнейший, масштабный вооружённый конфликт в истории человечества. И снова, массы, находившиеся вне зоны боевых действий, молчаливо наблюдали за «военным театром» со стороны до тех пор, пока это было возможно.

Исходя из примеров, можно сделать вывод: «когда некий катаклизм происходит, условно «где-либо вовне», стоит задуматься о том, что он может произойти и у вас».

Следующий, не менее важный аспект заключается в абсолютной беспомощности среднестатистического представителя социума по отношению к глобальной угрозе. Так, человек, попавший в снежную лавину, не сможет противостоять этому природному катаклизму. Максимум, что он может сделать, это попытаться спрятаться, чтобы лавина прошла мимо. Так он, вероятно, сможет остаться в живых. По аналогичному принципу распространяется воздействие глобальной угрозы, ущерб которой — явление массовое и масштабное.

Оперируя понятиями «глобальных угроз», важно понимать, насколько велика скорость их распространения. Пожалуй, сравнение со снежной лавиной или цунами — эвристически достаточно образное и точное. И то, что происходит вдали от территории проживания лица «Х» сегодня, может за считанные дни оказаться рядом с ним завтра. Подобно лаве, стекающей по горе во время извержения вулкана, отголоски глобальной угрозы могут достичь каждого.

Глобальным угрозам практически невозможно противостоять; более того, молчаливому большинству несвойственно подобное мышление. Массы апатичны и индифферентны. Вспоминается, как Жан Бодрийяр высказался в труде «В тени молчаливого большинства или конец социального»:

«...Постоянная ссылка на одно и то же: власть манипулирует массами, массы одурманены футболом. Получается, что это безразличие не обязательно для характеристики масс самих по себе оно ничего не значит. У «молчаливого большинства», иными словами, нет даже его индифферентности, и уличать и обвинять его в ней можно лишь после того, как власть всё же склонит его к апатии».

Тем не менее, человек, не будучи зависимым от массового мышления, способен научиться жить даже в суровых условиях глобальных

угроз. Немаловажен и тот факт, что инспирировать подобное явление у представителя электората буквально нет возможности. С целью инспирирования глобальную угрозу, например, войны, необходимо быть, по меньшей мере, президентом страны. Иначе не будет средств, армии, оружия и т.д.

В подавляющем большинстве случаев, **глобальные угрозы возникают внезапно**. Неожиданность — один из главенствующих параметров, присущих данному феномену. Угрозы общемирового масштаба крайне сложно спрогнозировать; как уже отмечалось ранее, быть всецело подготовленными к «новому катаклизму» политического или социального формата — тоже задача не из простых. Реагировать люди, как правило, начинают в момент, когда уже все произошло, т.е., когда уже поздно. Более того, крайне сложно готовиться к чему-либо неизвестному. Например, подготовка к войне будет кардинально отличаться от подготовки к пандемии, и наоборот. Это разные глобальные угрозы, а значит, воздействие, ущерб и последствия также будут отличаться. Но что именно потенциально может случиться: *война или пандемия?* А может и вовсе разразится иная глобальная угроза, о существовании которой человек

не знал ранее. Как, в таком случае, тактически действовать, чтобы быть готовым к неожиданностям и неопределённостям подобного плана?

Как показывает историческая практика 20–21 столетий, чаще всего лицом к лицу человечество переживает войны, различные экономические кризисы, а также эпидемии заболеваний. Новейшая история подтверждает цикличность и неоднократность повторений каждой из перечисленных глобальных угроз в различных регионах Земли.

Впрочем, как уже отмечалось, глобальная угроза — феномен рукотворный, более того, выгодный определенным организациям и лицам «за кулисами мировой сцены». Бессспорно, всегда существуют так называемые «организаторы» или «ответственные лица», которые выступают идеологами, режиссёрами и постановщиками сценариев глобальных угроз. Причиной, как правило, выступает борьба за власть, рычаги влияния и ключи к благополучию, равно как и возможность зарабатывать особо крупные деньги в автоматическом режиме.

Отметим и особый психологический аспект, затрагивающий модель поведения молчаливого большинства во время глобальных угроз, особенно в период войны. Первый импульс, которым руководствуются массы — это толчок примкнуть к большинству. Инстинктивно электорату всегда кажется, что там, где больше людей, там и более безопасно. Тем не менее, действительность остро противоположна: поступать в условиях глобальных угроз, копируя кого-либо, может стать крайне небезопасным выбором. Исходя из предупредительных целей изложения рассуждения, тактически отмечу следующее:

В УСЛОВИЯХ, ПРИ КОТОРЫХ ЧЕЛОВЕК ПОПАДАЕТ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ, ФАКТИЧЕСКИ ЕМУ ПОМОГИ ЖДАТЬ НЕ ОТ КОГО. ОН ЛИБО ВЫЖИВЕТ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ, ПЕРЕЖИВЁТ ДАННОЕ СОБЫТИЕ И, ВСЛЕДСТВИЕ, СМОЖЕТ СОЦИАЛИЗИРОВАТЬСЯ, ЛИБО НЕ ВЫЖИВЕТ. ДРУГИХ ВАРИАНТОВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Именно поэтому оценивать и прогнозировать текущие тенденции, обрабатывать данные и сравнивать полученные наблюдения с исторической практикой, предполагать и готовиться к испытаниям глобальными угрозами необходимо заранее, до того момента, как глобальная угроза «вступит на мировую сцену». Глобальные угрозы, хоть и не в исчерпывающем масштабе, всё же возможно спрогнозировать заранее. В период же происходящих событий необходимо действовать. И от того, как станет психологически реагировать и тактические действовать человек, зависит и его дальнейшая жизнь, и нередко развитие событий относительно лиц из его окружения.

Например, в ситуации с пандемией 2020 года: было бы достаточным в первые же сутки закрыть границы Италии, направив в регион вспышки заболевания лучших специалистов-вирусологов. Таким образом, с большой вероятностью глобального распространения вируса можно было бы избежать. Но поскольку европейцы так поступать не стали, имел место совершенное иной сценарий. Вместо этого один за другим, главы европейских политических институтов, учреждений и целых государств совершили череду необдуманных поступков. Такие же необдуманные поступки были присущи и молчаливому большинству — обычным гражданам. В результате, буквально вся планета в течение двух лет боролась с нашумевшим COVID-19, унесшим огромное количество жизней.

ПОЧЕМУ ЖЕ ЧЕЛОВЕК ОШИБОЧНО РЕАГИРУЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ? ПОЧЕМУ В МОМЕНТ УЖЕ РАЗРАЗИВШЕЙСЯ УГРОЗЫ ОН ПОСТУПАЕТ АЛОГИЧНО И НЕЭФФЕКТИВНО?

Одной из главных причин я бы выделил «короткую память» относительно мировых событий. Другими словами, человеку свойственно быстро забывать даже самые важные уроки истории. Молчаливое большинство точно не помнит, сколько бед Католическая церковь принесла миру за несколько веков. Задокументированы це-

лые тома, посвящённые извинениям Папы Римского перед миром за различные деяния церкви. В 2010–2012 г.г., в частности, в Италии разразился масштабный скандал о том, что центральный банк Ватикана отмывал деньги Мафии. Эта история облетела весь мир, но всё снова закончилось раскаянием церкви в лице Папы.

И, несмотря на это, миллионы людей по всему миру продолжают паломничество в Католические храмы, цель которых нередко — покупка индульгенции. Собственно, церковь не была предана анафеме и её деятельность не прекратилась.

При этом, именно по вине Католической церкви на территории Европы бушевала 30-летняя война, повлекшая ужасающие последствия. Однако и это не послужило причиной лишения церкви её статуса. Соответственно, стоит ли удивляться, что действия и поступки отдельно взятых лиц выступают весьма странными и далеко не всегда адекватными.

Почему наблюдается именно такая, неэффективная модель поведения? Причина кроется в распределении силы глобальной угрозы на большое количество людей. Именно так, живут «условные организаторы катаклизмов»: за счет распределения угроз и ущерба, нанесенного угрозами, на больший объем, как территории, так и людей. При пандемии 2020 года определенные структуры и лица заработали колоссальные деньги. Даже предположительный подсчет денежных средств, в результате реализации на медицинском рынке миллиардов тестов, различных лекарств, вакцин и прочего привело к космическим суммам (в буквальном смысле слова).

Не секрет, что на войне, в первую очередь, зарабатывают торговцы оружием, топливом и т.д. Войну без преувеличения можно назвать своеобразным поглотителем всего сущего, любых ресурсов, от природных до антропологических.

Анализируя силу воздействия глобальных угроз на людей, надлежит также обозначить некие различия. На примере осмысления тактики действий представителя молчаливого большинства — например, среднестатистического наёмного работ-

ника, с большой вероятностью возможно спрогнозировать, что в условиях столкновения с глобальной угрозой он пострадает; вероятно, потеряет работу или даже жилье (в случае войны). К сожалению, такие случаи имеют место быть.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, РАССУЖДАЯ БОЛЕЕ МАСШТАБНО, В ЧАСТИИ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИЗНЕСА, ПРИ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗАХ, ПОСЛЕДСТВИЯ ВСЕГДА ВЕСЬМА ТРАГИЧНЫ. ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА НИВЕЛИРУЕТ РЫНКИ И ПРЕДПРИЯТИЯ; ПО СУТИ, РАЗРУШАЕТ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ САМОГО ГОСУДАРСТВА.

Во время войны обе стороны неизбежно терпят убытки. Ни одна страна в мире финансово, экономически, культурно или социально не «выигрывает» от боевого противостояния. Побеждает та сторона, которая получила меньше убытков за время войны. А впоследствии эти убытки требуется возмещать и устранять.

Даже когда гражданские умирают каждый день от обстрелов и взрывов, мучаются от холода и голода, даже в таких условиях кто-то зарабатывает деньги, безусловно, понимая, какой ценой. Таков спрос, посредством которого одни люди живут за счет других, не желая отказываться от больших денег, даже добывших ценой человеческих жизней.

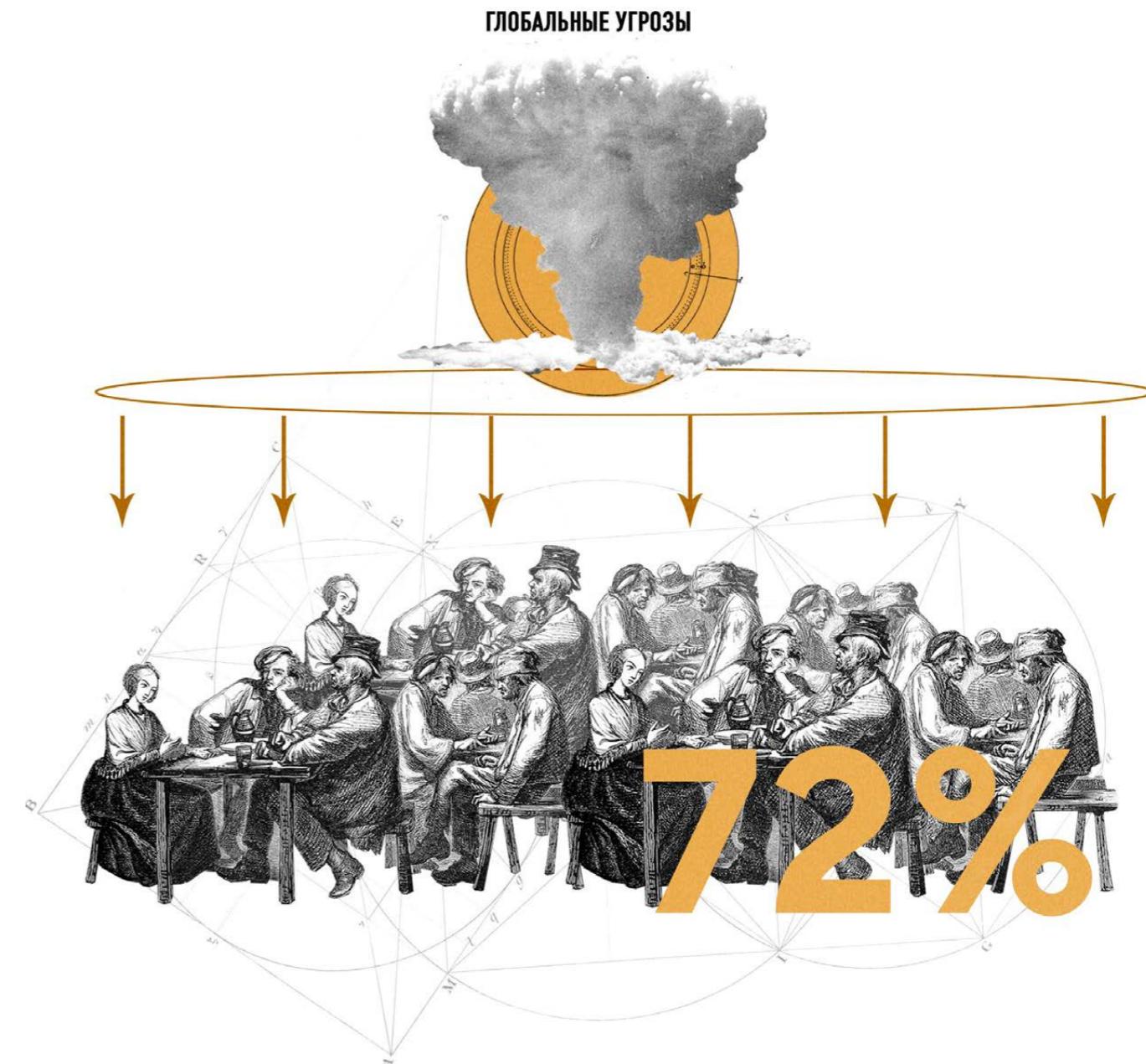
При этом, важнейшим аспектом глобальных угроз, как ранее отмечалось, выступает **реакция людей на происходящее**; причем и не просто общественности, но непосредственно большинства. Речь идет о людях, которые стремятся сплотиться в толпе, в надежде распределить тем самым силу угрозы на большее количество участников группы, надеясь, что таким способом всем станет несколько легче и проще пережить вызов судьбы. Так поступают люди, предпочитающие промолчать даже тогда, когда обладают возможностями повлиять на происходящие события. Французский социолог и философ Жан Бодрийяр недаром прямо характеризовал эту категорию людей «молчаливым большинством», массами, даже «отсканированными». Именно «мол-

чаливое большинство» является основой общности, реагирующей на глобальные угрозы. На категорию масс и рассчитывается распределение воздействия глобальной угрозы, вне зависимости от её вариации, будь то: экономический кризис, пандемия или даже война.

НЕПОСРЕДСТВЕННО РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ НА КОНКРЕТНОЙ ТЕРРИТОРИИ ВОЗМОЖНО ЛиШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, КОГДА МИНИМУМ 72% НАСЕЛЕНИЯ СОСТАВЛЯЮТ ТО САМОЕ «МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО».

Возвращаясь к событиям на Украине 2022 года, целесообразно отметить, что на территории этого государства проживает около 89,7% людей, относящихся к категории «молчаливого большинства». Немудрено, почему в Украине предпочитают находиться в условном «зрительном зале» до тех пор, пока зрительный зал не становится территорией глобальной угрозы. Для «условных организаторов глобальной угрозы» такое процентное соотношение весьма удобно с точки зрения осуществления их планов.

Соответственно, чем больший процент «молчаливого большинства» наблюдается на конкретной территории, тем проще распре-

делять последствия и неприятности после возникновения глобальной угрозы. Повторно укажем, что массы должны быть подавляющим большинством, таков ключевой фактор. Иначе распределение последствий глобальной угрозы невозможно. Наиболее чётко прослеживается данное соотношение на примере пандемии 2020 года и реагирования на данную угрозу социумами различных стран мира.

Когда в одной стране погибают люди в силу военного конфликта, в другой стране население недовольно отсутствием ряда продуктов, поставляемых производителями с пострадавшей территории. Как образно говорится, «у каждого свои проблемы». Так функционирует институт глобальной угрозы.

БОЛЕЕ ТОГО, ЛЮБАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА ЯВЛЯЕТСЯ ПОСЛЕДСТВИЕМ РАБОТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА.

С целью демонстрации выше описанного вывода, предлагается обратиться к широко известному произведению Аркадия и Бориса Стругацких «Далёкая радуга». События происходят на некой планете, где ученые физики разработали, так называемую «0 — транспортировку». Проще говоря, перемещение объектов из одного места в другое, минуя пространство. Само явление весьма важное, его можно исследовать и использовать для многих целей (что и описывается фантастами в повести). Однако после срабатывания «нуль-транспортировки» наблюдается некое последствие в виде «волны», масштабы и разрушительность которой ученые не всегда способны спрогнозировать.

Если мы проведем параллель между явлением «нуль-транспортировка» и темой текущего аналитического рассуждения, возникает чётко очерченная модель. Так, политический маркетинг мы могли бы обозначить как «нуль-физику», а глобальные угрозы как последствие в виде «волны».

Таким образом, политический маркетинг, функционирующий глобально, непрерывно порождает волны глобальных угроз. И пока таковой вектор приложения усилий в формате политического маркетинга угоден неким заинтересованным лицам «Х»; пока продолжается борьба за власть и огромные деньги и ресурсы; пока на территориях стран притягивается молчаливое большинство, т.е. массы лиц, готовых мириться и приспособливаться к любым катаклизмам — **глобальные угрозы по-прежнему генерируются на постоянной основе**. В одиночку человек противостоять подобным явлениям не в силах, также как не может противостоять тайфуну, цунами, иным природным катаклизмам. Более того, непосредственно идея природных катаклизмов и послужила основой формирования устойчивого курса политического маркетинга, использующего глобальные угрозы как инструмент влияния в глобальном масштабе. А поскольку массы апатичны, тактика и модель поведения её представителей в условиях неопределенности и непрогнозируемого будущего, известна. Поскольку человек не жалуется на природные катаклизмы, стараясь их пережить, аналогичным образом молчаливое большинство относится и к глобальным угрозам, не понимая и даже не желая вникать, в чём их природа и суть; не ведая, что за явлением «глобальной угрозы» всегда стоят конкретные люди, реализующие собственные интересы и выгоды посредством таких инструментов политического маркетинга.

«...Иное дело — когда угроза для социализации исходит от масс, то есть групп чрезвычайно многочисленных, внушающих страх и безликих, сила которых заключена, наоборот, в их бессструктурности и инертности.

В случае со средствами массовой информации традиционное сопротивление сводится к тому, чтобы интерпретировать сообщения по-своему — в рамках особого кода группы и в контексте её установок. Массы же принимают все и абсолютно все делают зреющим; им не требуется другой код, им не требует-

ся смысл; они, в сущности, не сопротивляются — они просто обрекают все на соскальзывание в некую неопределенную сферу, которая даже не является сферой бессмыслия, а выступает областью всеохватывающего гипноза/манипуляции».

— Жан Бодрийяр, «В тени молчаливого большинства или конец социального»

Dr. Олег Мальцев

“ мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы

Томас Гоббс ”

ВТОРЖЕНИЕ ПУТИНА В УКРАИНУ И НОВОЕ ЛИЦО ТЕРРОРИЗМА

На протяжении всего своего правления в качестве президента или премьер-министра Владимир Владимирович Путин был связан с рядом очень тревожных событий — от программ дезинформации и кибератак до отравления политических противников и заказных убийств. Но поведение Путина после начала полно масштабного вторжения в Украину 24 февраля 2022 года достигло новых высот. От атак на школы в Бышове и Житомире, квартиры в Сергеевке и Мариуполе до торговых центров в Киеве и Кременчуге — гражданские лица не защищены от российских ракет и артиллерии. Президент Украины Владимир Зеленский назвал эти действия просчитанными ударами оккупантов. В виртуальном обращении к Совету Безопасности ООН 5 апреля 2022 года Зеленский назвал Путина лидером террористов, и мы с ним согласны.

Согласно российской конституции, президенты могут занимать свой пост только два срока подряд. В отличие от демократических стран, уходящие президенты не могут защитить свои интересы. Если они уходят в отставку, то нет никакой гарантии, что далее их не ждет унижение или, что еще хуже, смерть. Поскольку срок его полномочий подходит к концу в 2024 году, у Путина сокращается время для реализации его списка наследия. Во главе списка стоит его хорошо известное желание восстановить бывший Советский Союз — Беларусь, Грузию и Украину. В своем ежегодном обращении к нации некоторое время назад Путин назвал распад советской империи «величайшей геополитической катастрофой века». А в прошлом году г-н Путин заявил, что этот распад

DR. ХАРВИ В. КУШНЕР

Председатель кафедры уголовного права- судия и профессор уголовного правосудия в LIU Post, Бруквилл, Нью-Йорк

«был дезинтеграцией исторической России под названием Советский Союз».

СТАРОЕ УХОДИТ, НОВОЕ ПРИХОДИТ

На протяжении всей моей долгой карьеры, связанной с террористическими актами и террористами, я неоднократно предупреждал о Советском Союзе и терроризме. С конца 1960-х годов до иранской революции 1979 года я читал лекции и писал о Российской университете дружбы народов (переименованном в 1961 году в Университет имени Патриса Лумумбы в честь конголезского лидера независимости Патриса Лумумбы, убитого в результате переворота в начале того же года), куда потенциальные так называемые солдаты удачи, а точнее террористы, отправлялись для прохождения индоктринации. Последняя заключалась в интенсивном изучении марксистской идеологии и дозе философии, соответствующей партизанской войне. Отличников часто рекомендовали для более углубленной подготовки в Комитете государственной безопасности (КГБ) по технике изготовления бомб и правильному использованию автомата Калашникова или просто АК-47. Печально известными выпускниками курса Лумумбы были Рохана Виджевира, лидер Народного фронта освобождения, возглавивший революцию в Шри-Ланке, и Илич Рамирес Санчес, венесуэльский террорист, известный как Карлос Шакал (см., например, Kushner 1994, Kushner 1995, Kushner 1998).

Советы считали, что терроризм соответствует их усилиям по поддержке национально-освободительных войн, даже если он не совместим с традиционными марксистско-ленинскими представлениями о классовой борьбе. Например, «Советы надеялись, что палестинский терроризм против Израиля укрепит их позиции в арабском мире и подорвет позиции самого ярого сторонника Израиля — Соединенных Штатов» (Kushner 1998, pp. 13–14). На самом деле, после поражения контролируемых

Советским Союзом арабских государств в Шестидневной войне 1967 года, Советы начали финансировать, оснащать и обучать террористические группы, выступающие против еврейского государства. Например, Организация освобождения Палестины (ООП) установила тесные связи с румынской тайной полицией, Секуритате и советским КГБ. КГБ готовил террористов ООП. В конце 1960-х годов КГБ также руководил тренировочными лагерями для партизан и террористов на Кубе. К началу 1970-х годов кубинцы, а также восточноевропейцы обучали терроризму в лагерях на Ближнем Востоке. Кубинцы и восточноевропейцы были цепными помощниками Советского Союза. Ион Михай Пачепа, румынский двухзвездный генерал Секуритате, перебравшись в США в 1978 году, рассказал нам, что генерал КГБ Александр Сахаровский считал, что «в современном мире, когда ядерное оружие сделало военную силу устаревшей, терроризм должен быть нашим главным оружием» (Пачепа 2006).

После иранской революции 1979 года я окончательно понял, почему Советский Союз вторгся в Афганистан 24 декабря 1979 года. Многие из моих коллег-академиков, а также правительственные чиновники в Вашингтоне не понимали этого. Очевидно, что Советы беспокоились о последствиях подъема воинствующего ислама, к которому привел бы пример иранской революции. Они беспокоились о том, что Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан последуют их примеру. Все они имеют общую этническую идентичность, религию и историю с Афганистаном. Они не хотели, чтобы беспорядки перекинулись на контролируемые ими территории с преобладанием мусульманского населения. В отличие от многих моих коллег-аналитиков и других людей в правительстве, я не был заинтересован в том, чтобы Афганистан превратился в советский

Вьетнам. Афганистан, воодушевленный поражением Советского Союза и существованием Исламской Республики Иран, принес бы Соединенным Штатам только неприятности. Кроме того, я, как и другие, не был расположен к поставке оружия, такого как ракеты «Стингер», исламским бойцам, то есть моджахедам, прибывающим на джихад со всего мира, включая Соединенные Штаты. Я не мог заставить себя поддержать внешнюю политику, как это делали многие в Вашингтоне, основанную на принципе «враг моего врага — мой друг». Я боялся «ответного удара», который и произошел в виде первой бомбардировки Всемирного торгового центра 26 февраля 1993 года.

Еще одним фактором, способствовавшим подъему религиозных исламских фанатиков и угасанию терроризма советской эпохи, можно считать действия Мохаммеда Абдель Рахмана Абдель Рауфа аль-Кудва аль-Хусейни, более известного как Ясир Арафат. Арафат, председатель ООП, поддержал вторжение Саддама Хусейна в Кувейт 2 августа 1990 года. Этим он оттолкнул от себя Запад и лишил ООП миллиардов долларов помощи, которую ей оказывали богатые арабские нефтяные шейхства. Последние,

не чужды так называемых «денег за защиту», теперь направляли свои средства Исламскому движению сопротивления, более известному под аббревиатурой Хамас, врагу ООП и ФАТХ Арафата. Это положило начало новой эре в израильско-палестинском конфликте, но, что более важно, привело к уменьшению влияния в основном светского движения на радикальную группу, склонную адаптировать стратегию и тактику террористов, движимых радикальной повесткой дня, пропитанной джихадом.

Распад Советского Союза в 1991 году на 15 независимых стран стал смертным звоном для советского терроризма. Теперь Соединенные Штаты и их союзники столкнулись с религиозно вдохновленной формой терроризма, поддерживаемой и практикуемой иранцами и другими воинствующими исламскими группами. Эти религиозно вдохновленные террористы использовали различные тактики для достижения своих целей, такие как использование террористов-смертников (см., например, Kushner 1995, Kushner 1996a, Kushner 1996b). Мое имя и моя работа стали ассоциироваться с различными формами этого нового терроризма (см., например, Morgan, 2004; Zimmermann,

2004). Этих террористов и их сторонников, тренеров и кураторов больше не интересовали прагматические соображения о том, чтобы не заходить слишком далеко в своих атаках, и другие подобные политические соображения. Философия старой тактики террора, которая эхом разносилась по залам Университета Лумумбы, финансировалась и преподавалась КГБ и странами Восточной Европы, стала пережитком прошлого.

Я был настолько обеспокоен распадом Советского Союза и тем вакуумом, который он создаст в террористическом сообществе, и его опасностью для Соединенных Штатов, что начал читать лекции всем, кто хотел слушать. Например, на Лонг-Айленде в Нью-Йорке я выступил перед Обществом бывших специальных агентов Федерального бюро расследований. В своем информационном бюллетене они писали:

«Новая порода потенциальных террористов, появившаяся в США, представляет собой сложную проблему для американского разведывательного сообщества после распада Советского Союза, о чем рассказал приглашенный докладчик Лонг-Айлендского отделения доктор Харви Кушнер, эксперт по терроризму»

«Специалист по терроризму», 1994, с. 27).

Теперь, когда террор советского типа быстро уходил в прошлое, я увидел необходимость взяться за перо, чтобы побудить правоохранительные органы и спецслужбы, с которыми я работал, переосмыслить свое понимание террористов, особенно с Ближнего Востока. Я сказал им, чтобы они по-прежнему обращали внимание на такие группы, как Абу Нидала в Детройте и уличные банды Эль Рукин в Чикаго, на которые повлияла тактика террора советского типа, и теперь обратили свое внимание на новый вид, практикующую новую форму терроризма (см. Kushner 1994).

МОЖЕТ БЫТЬ С НОВЫМ?

В прошлом, когда Советы поддерживали, обучали и развязывали команды советских террористов, они держали своих клиентов на очень коротком поводке. Последнее соответствовало концепции «балансирования на грани», которую практиковали как Советский Союз, так и Соединенные Штаты во время холодной войны. Термин «бринкманшип», который представляет собой практику доведения конфронтации до предела с целью форсирования результата, происходит от критики одним американским политиком философии другого политика «идти на грани». Кубинский ракетный кризис является хрестоматийным примером бринкманства, поскольку обе стороны конфликта позволили ситуации дойти до грани ядерной войны, прежде чем прийти к соглашению.

События эпохи холодной войны (12 марта 1947 года — 26 декабря 1991 года) с учетом ретроспективного анализа говорят нам о том, что Советский Союз никогда не организовывал, не участвовал и не санкционировал террористическую атаку, подобную атаке 11 сентября на Всемирный торговый центр и Пентагон. Атака такого масштаба противоречит стратегии сдерживания. Сама ее природа потребовала бы от Соединенных Штатов драматического ответа,

который, скорее всего, привел бы к горячей войне между двумя сверхдержавами.

Во время холодной войны целью было пройти по краю пропасти, но не дальше. **Атака типа 9/11 не входила ни в советскую политическую ДНК, ни в тактику террористических групп, которые они использовали и поддерживали. Это было бы отвратительно для советского бизнеса.** Вместо этого они поддерживали и начинали взвешенные операции, которые подтачивали Соединенные Штаты и их влияние в различных частях мира. Советская поддержка взвешенной террористической деятельности осуществлялась на Ближнем Востоке, в Западной Германии, Северной Ирландии, Африке, Центральной и Южной Америке. Особое внимание уделялось странам со значительными запасами полезных ископаемых и стратегическим расположением на международных торговых путях.

Практика бринкманшипства не противоречит терроризму, о котором говорил генерал Александр Сахаровский и который санкционировал Советский Союз. Скорее, они работали вместе, чтобы подорвать влияние США в различных частях мира. Значительная террористическая деятельность на территории США зашла бы слишком далеко. Это не значит, что о такой деятельности только говорили. Некоторые утверждают, что существовали планы саботажа, например, плотины «Голодная лошадь» в Монтане, для нарушения энергоснабжения всего штата Нью-Йорк и разрушения порта Нью-Йорка (см., например, *Andrew and Mitrokhin 2006*). Достаточно сказать, однако, что эти события не произошли.

В третьем тысячелетии мир терроризма кардинально изменился. Советских террористов, обученных и поддерживаемых Советским Союзом, которые по большей части безнаказанно действовали на Ближнем Востоке, больше не существует. На смену им пришла гораздо более догматичная порода воинствующих исламских террористов, и Путин наладил отношения с некоторыми из их главных пособников. Возьмем, к примеру, Исламскую Республику Иран. Приверженцы жесткой линии в Тегеране поддерживают агрессию Путина в Украине, поскольку она совпадает с иранской грандиозной стратегией противостояния Соединенным Штатам и проецирования силы на Ближнем Востоке и за его пределами. Ни один иранский президент с 1979 года не делал столько публичных призывов к стратегическим связям с путинской Россией, как Сайид Эбрахим Райссолсадат, он же Эбрахим Раиси.

Отношения между Россией и Ираном часто были неспокойными, а в другое время — вялыми. Сегодня обе страны работают вместе в Афганистане и Сирии, где они полностью поддерживают режим Башара Асада в борьбе с тем, что они называют антитеррористической кампанией. Их также объединяет общая заинтересованность в укреплении экономических отношений, поскольку они обе находятся под санкциями со стороны большинства стран Запада. В общем, у них больше причин работать вместе против интересов Соединенных Штатов, чем когда-либо прежде.

Вновь обретенные отношения Путина с Талибаном также являются проблематичными для США и Запада. Несмотря на то, что во

время его президентства в 2003 году Талибан был признан террористической организацией, Путин поддерживал неофициальные дипломатические отношения с Талибаном. Эти отношения вызвали тревогу в Кабуле и Вашингтоне. Вплоть до неловкого вывода американских войск из Афганистана ходили слухи о контрабанде российского оружия через таджикскую границу талибам, чтобы противостоять их борьбе с Исламским государством — провинцией Хорасан (ИГИЛ-Х) и продлить участие США. 31 марта 2022 года Россия аккредитовала дипломата от Талибана для взаимодействия с афганским правительством. Россия по-прежнему обеспокоена угрозой проникновения исламистских группировок в Россию через Центральную Азию; однако их вновь обретенное сотрудничество с «Талибаном», тем не менее, будет сулить не-приятности Соединенным Штатам и Западу.

Никто не может точно предсказать будущее. Однако можно с уверенностью сказать, что реконструированная советская империя под руководством Путина, несомненно, продолжит тайные программы дезинформации, кибератаки и заказные убийства. Более того, поведение Путина в Украине придает новый смысл высказыванию генерала КГБ Александра Сахаровского о том, что:

«в современном мире, когда ядерное оружие сделало военную силу устаревшей, терроризм должен быть нашим главным оружием».

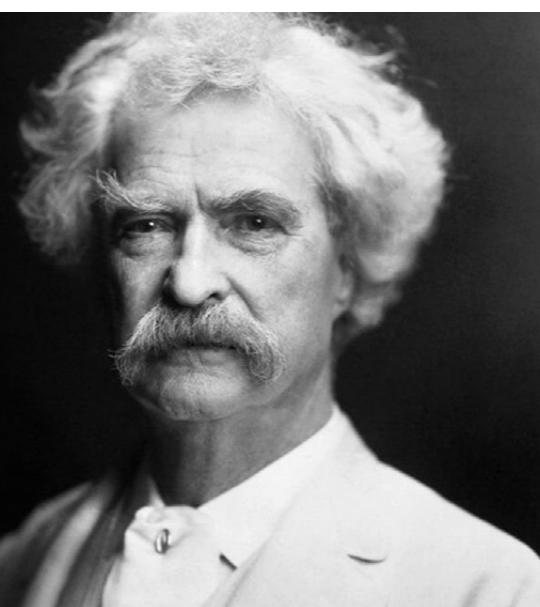
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Andrew, A. and Mitrokhin, V. (2006). *Mitrokhin archive: The KGB in Europe and the west*. UK: Penguin.
2. Kushner, H. (1994). The new Middle Eastern terrorist. *Journal of the International Association of Law Enforcement Intelligence Analysts*, 8(2), 41–46.
3. Kushner, H. (1995). The new terrorism: The shape of things to come. *Counterterrorism & Security International*. 2(3), 10–11.
4. Kushner, H. (1996a, October/December). Suicide bombers: Business as usual. *Studies in Conflict & Terrorism*, 19(4), 329–337.
5. Kushner, H. (1996b, Summer). Suicide bombers: What makes them tick? *Counterterrorism & Security International*, 3(2), 26–29.
6. Kushner, H. (1998). *Terrorism in America: A structured approach to understanding the terrorist threat*. Springfield, IL: Charles C Thomas.
7. Morgan, M. (2004, Spring). The origins of the new terrorism. *The US Army War College Quarterly*, 34(1), 29–43.
8. Расера, И. (2006, August 24). Russian footprints. National Review Online. [Online]. Available: <https://www.nationalreview.com/2006/08/russian-footprints-ion-mihai-rasera/>
9. «Terrorism Specialist». (1994, August). Terrorism specialist Dr. Harvey Kushner is Long Island chapter's guest speaker. *The Grapevine*, 1(4), 27.
10. Zimmerman, D. (2004, March). Terrorism transformed: The «new terrorism», Impact scalability, and the dynamic of reciprocal perception. *The Quarterly Journal*, 1(3), 19–40.

“
БОГ СОЗДАЛ ВОЙНУ, ЧТОБЫ АМЕРИКАНЦЫ
ИЗУЧАЛИ ГЕОГРАФИЮ

Марк Твен

”

Dr. Харви
В. Кушнер

КЛАССИФИКАЦИИ УГРОЗ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Я бы не стал уделять много внимания причине существования угроз, прежде всего потому, что нынешние угрозы существуют столько, сколько существует человек... Более того, надо сказать, что только сейчас эти угрозы приобретают глобальный и широкомасштабный характер, поскольку геополитический и геоэкономический анализ в последние годы был значительно усовершенствован, что позволяет отразить их всемирные последствия.

Но прежде, чем продолжить, позвольте мне кратко проанализировать природу рассматриваемых угроз. Прежде всего, рассмотрим существенную разницу между угрозой и риском: если угроза указывает на источник опасности или угрозы, то риск связан с вероятностью возникновения вреда или опасности. Что касается обнаружения источников этих угроз, то, на мой взгляд, их можно разделить на три категории:

Экономист и экономический консультант. Работал в группе ENI, Mediocreto centrale и Unicredit

PROF. МАССИМО ОРТОЛАНИ

Экономист и экономический консультант. Работал в группе ENI, Mediocreto centrale и Unicredit

1. Случайного происхождения, которые невозможно обнаружить — естественного происхождения.
2. Частичной идентификации.
3. Преднамеренного происхождения: обнаруживаемые и идентифицируемые.

К группе угроз, которые невозможно обнаружить, я бы отнес так называе-

мых «черных лебедей». Придерживаясь проф. Николаса Талеба, определение «черный лебедь» — это редкое, непредсказуемое событие, которое шокирует мир своей непредсказуемостью: точнее, это событие, которое выходит за рамки ожиданий ученых, историков, финансовых и технологических экспертов.

В группу «черных лебедей» были собраны такие явления прошлого, как политические «арабские весны», чернобыльская ядерная катастрофа, вернувшиеся проблемы на японской электростанции «Фукусима» (до сих пор не изжитые), война в Ливии с налетами коалиционных сил, стремящихся убрать Каддафи. Все эти события возможно и теоретически можно представить, но не предсказать. Что касается угроз от природных источников, я бы вкратце определил их как катастрофы, землетрясения, наводнения, которые очень плохо поддаются обнаружению. Примером может служить разрушительное землетрясение в Японии магнитудой 9.0.

Теперь рассмотрим все угрозы из преднамеренных источников, которые, на мой взгляд, в каждом конкретном случае прогнозируемы, хотя и в меньшей степени. Я бы отнес их к группе так называемых «серых лебедей», то есть событий, которые возможны и известны, потенциально чрезвычайно значимы, хотя и считаются маловероятными.

Теперь перейдем к вопросу о системной значимости и важности. Чтобы продолжить анализ, я предлагаю выделить только те угрозы «серого лебедя», вероятность наступления которых сравнительно высока. Принимая во внимание чувствительность восприятия к данным угрозам, а не к другим.

Говоря об обнаружении, мы неизбежно должны учитывать своеобразный аспект психологической чувствительности физического агента или политического органа к угрозе, поскольку это влияет на уровень его восприятия. В свою очередь, уровень чувствительности зависит от того, как каждый агент оценивает влияние угрозы на его текущий статус. Другими словами, он зависит от того, насколько уязвимым считает себя каждый агент по отношению к любой угрозе. Примером тому может служить восприятие Россией в качестве экзистенциальной политической угрозы разведывательных действий, проводимых в Украине.

ПРИЧИНА, ПО КОТОРОЙ МЫ ГОВОРИМ О НЕИЗВЕСТНЫХ УГРОЗАХ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНИ ЧАСТО НЕВИДИМЫ, ПОЭТОМУ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ ИХ РАННЕЕ ОБНАРУЖЕНИЕ. ЭТО ПРОИСХОДИТ ПОТОМУ, ЧТО ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ СЛОЖНОГО СОЧЕТАНИЯ МНОЖЕСТВА СЕРЫХ И ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ.

Что касается таксономии идентификации угроз, то в таблице я попытался описать различные степени обнаружения, разделив их на 6 областей: **энергетика и климат, экономика, финансы, социальная сфера, технологии**. Шестая область — это та, которую я отвел для явлений, которые могут быть классифицированы как «черные лебеди», как, например, военные конфликты и пандемический кризис.

НАБРОСОК ВОЗМОЖНОЙ ТАКСОНОМИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УГРОЗЫ

Что касается таксономии угроз, я считаю целесообразным разделить их по двум критериям.

1. Угрозы, которые могут быть связаны с **событиями или факторами**, эндогенными для самого домена, то есть возникшими независимо в данном домене.
2. Угрозы, связанные или **зависящие от экзогенных событий**, произошедших

в других областях, но взаимозависимых с анализируемой областью.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ 6 ДОМЕНОВ Я ПОДГОТОВИЛ ТАБЛИЦУ, В КОТОРОЙ В ЛЕВОЙ КОЛОНКЕ УКАЗАНЫ ФАКТОРЫ, ЭНДОГЕННЫЕ ДЛЯ ДАННОГО ДОМЕНА, А В ОСТАЛЬНЫХ ПЯТИ КОЛОНКАХ СПРАВА – УГРОЖАЮЩИЕ СОБЫТИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ В ДРУГИХ ДОМЕНАХ.

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ВЛИЯНИЯ	ПРОИСХОЖДЕНИЕ	ОБНАРУЖИВАЕМОСТЬ	ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ
Климат	Частично неизвестно (естественное происхождение)	Только частично	Очень плохо предсказуем (серые лебеди) или непредсказуемы (черные лебеди)
Энергия		Почти полностью	Полностью предсказуем, если не используется в качестве геополитического оружия
Экономический	В основном преднамеренное происхождение: геополитика и геоэкономика	Полностью обнаруживаемый – необнаружим, если (разведывательные скрытые действия)	Предсказуемость в заданной степени (экономическая война)
Финансовый	В основном преднамеренное происхождение: геополитика и геоэкономика	В основном поддающийся обнаружению необнаруживаемый если (разведывательные скрытые действия)	Предсказуем в определенной степени (финансовая война)
Социальный	Происхождение известно (геополитика), но также неизвестно (пандемические инфекции)	Обнаруживаемый (геополитика)	Предсказуема в ограниченной степени (геополитика)
Технологический	В основном преднамеренное происхождение (геополитика и геоэкономика)	Обнаруживаемый в границах предела	Предсказуемый в ограниченной степени или непредсказуемый (кибервойна)
• Военные конфликты • Пандемические кризисы	Происхождение известно (геополитика), но также неизвестно (пандемические инфекции)	Обнаружен в очень ограниченной степени	Оба в целом непредсказуемы

	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ	ФИНАНСОВЫЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ	ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ	
ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА						
	Высокие экономические и финансовые потери для продуктивных систем, исключительно высоких температур и экстремальных погодных явлений. Также в результате плохой теоретической исследовательской поддержки господствующей неоклассической экономической теории о связях между климатом и экономической системой	Беспорядочный переход к неископаемым видам топлива с рискованными промышленными экстремальными погодными явлениями. Так же в результате плохой теоретической исследовательской поддержки господствующей неоклассической экономической теории о связях между климатом и экономической системой	Возрастают риски, связанные со ставками спекулянтов на товарные рынки. Эти растущие риски становятся угрозами, когда для того, чтобы их ставки сбылись, есть интерес во влиянии факторов, определяющих их цену: таких как войны, климат и спрос	Более высокая стоимость жизни из-за требований декарбонизации для людей	Ухудшение распределения технологических достижений из-за неравномерного распределения полезных ископаемых и драгоценных металлов	Угроза экономического спада в странах ЕС, наиболее зависимых от российского газа, если Москва перекроет потоки, пусть даже временно

	ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	ФИНАНСОВЫЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ	ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ					
	Усиление национального экономического протекционизма	Острые товарные потрясения	Растущая сложность распределения страновых рисков для правильного отражения разницы между фундаментальными экономическими показателями и эффектами геополитических и геоэкономических потрясений		Эффект домино замедления европейской экономики в случае отключения российского газа по «Нет потоку-1», особенно если отключение напрямую повлияет на немецкую экономику

	ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	ФИНАНСОВЫЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ	ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ			ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ	ФИНАНСОВЫЙ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ	ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ		
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ							СОЦИАЛЬНЫЙ	Крупномасштабная вынужденная миграция				Недоступность стоимости жизни из-за более высоких цен на продукты питания		
Более короткие цепочки добавленной стоимости, объясняемые деглобализацией и пандемическим кризисом, обеспечивают большую безопасность, но за счет более низкой экономической эффективности	Недоступность стоимости жизни из-за более высоких цен на продукты питания	Неспособность успешно реструктурировать долг развивающихся стран, отягощенный более высокими ценами на импорт энергоносителей, из-за институциональной дифференциации среди иностранных кредиторов: т.е. частных компаний, с одной стороны, и государственных финансовых холдингов, в случае Китая	Неспособность глобальных многосторонних институтов (таких как ВТО, G20, G7) эффективно управлять мировой торговлей и геоэкономическими противостояниями		Последствия фиаско экономистов и институтов, которые рассматривали инфляцию предложения как преходящую, когда вместо этого она представляет собой комбинацию, состоящую из пандемии, войны, логистики и товаров	Идеологический экстремизм, подпитывающий движущие силы политического консенсуса в сторону популизма		Продолжительные периоды высоких процентных ставок и инфляции		Опасные когнитивные воздействия из-за инфодемии, кибервойн и фейковых новостей		Побуждения к популизму, связанные с венными или геостратегическими конфликтами		
						Общество становится жертвой эмоций. А политикам свойственно манипулировать впечатлительных избирателей тревогами, фурорами и постоянными заявлениями				Сильно растущая мощь больших технологий (FAGA) с точки зрения сбора персональных данных и их возможного использования в нарушение конфиденциальности		Кондиционирование политического консенсуса (политический маркетинг), направленное на создание хрупких демократических систем		
ФИНАНСОВЫЙ	ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ	ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ			Растущее увлечение нелиберальными демократиями и сильными людьми у власти		Отсутствие адекватного использования современных технологий. Онлайн-платформы могли бы связывать фермеров и предоставлять им самую свежую информацию о цепочках поставок. Спутниковые снимки могут улучшить наше понимание погодных условий и урожайности. Благодаря высококачественным семенам и сельскохозяйственным ресурсам фермеры могут производить достаточно продовольствия для всех		Угроза, связанная с изворотливой пропагандой террористов в киберпространстве: что подразумевает настоящую неизвестную войну, чтобы справиться с этим невидимым врагом		Негативные социальные последствия затягивания и обострения пандемии ковид и ее вариантов
Финансовая война как оружие гибридной войны	Невозможно корректно оценить esg-инвестиции из-за отсутствия официальной таксономии			Технологическая угроза для финансовых посредников может заключаться в провале управления технологиями	Длительные периоды связанные с энергетикой инфляции из-за российско-украинского конфликта не позволяют денежно-кредитной политике поддерживать рост, не рискуя усугубить инфляционное давление, вызванное энергетическим кризисом									
Валютные войны из-за геополитических и геоэкономических конфликтов	Недостаточно контролируемая подверженность финансовых учреждений климатическим рискам	Неспособность успешно реструктурировать долг развивающихся стран из-за институциональной дифференциации среди иностранных кредиторов: например, частных компаний, с одной стороны, и государственных финансовых холдингов в случае Китая		Угрозы, связанные с криптофинансовой деятельностью, созданной с использованием технологий распределенного реестра										

	ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ	ФИНАНСОВЫЙ	СОЦИАЛЬНЫЙ	ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ПАНДЕМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ					
Цифровое неравенство (разделение)	Неспособность использовать технологии для своевременного обнаружения и адаптации к нарастающим изменениям окружающей среды, угрожающей глобальной безопасности	Негативные экономические последствия из-за сильно растущей монополистической или олигополистической власти крупных технологий (FAGA)		Неэтическое использование телекоммуникационной инфраструктуры для политического контроля над людьми и политиками	Растущие кибер-преступления как оружие гибридной войны

	ГЕОПОЛИТИКА	ГЕО-ЭКОНОМИКА	ЭНЕРГИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА	СОЦИАЛЬНЫЕ
Военные конфликты	Неспособность политиков урегулировать конфликты мирными средствами	Геополитизация стратегических ресурсов		Военные конфликты за границей как средство отвлечения политического консенсуса от внутренних проблем
	Угроза из-за создания двух крупных противоборствующих политических блоков по всему миру	Разрыв межгосударственных торговых отношений		
		Мировой экономический системный кризис русско-украинской войны: неспособность правительств и наднациональных институтов управлять сложными современными потрясениями, возникающими в результате сочетания климатического, энергетического и начинающегося продовольственного кризисов		
Пандемические кризисы	Торговля вакцинами зависит от геополитических целей		COVID-19 и возможные новые инфекционные заболевания	Скептицизм по отношению к научным данным и научному сообществу

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ ТЕОРИИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ И БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМИ УГРОЗАМИ

Я думаю, что путь к нейтрализации этих угроз носит исключительно геополитический и геоэкономический характер. Но прежде чем перейти к анализу этого вопроса, мы должны задать три вопроса:

- **Первый** касается основного вопроса о полномочиях, то есть о том, кто является субъектами, предположительно наделенными компетенцией, властью, институциональными полномочиями и инструментами для смягчения указанных угроз.
- **Второй** вопрос касается отбора угроз, чтобы сосредоточить исследование только на тех, которые имеют сравнительно высокую вероятность произойти в самом ближайшем будущем («серые лебеди»), а также те угрозы, которые уже активны на начальной стадии.
- **Третий** вопрос касается области так называемых обратных затрат. В двух словах, каковы будут «альтернативные издержки» экономические, социальные и политические, связанные с возможными действиями по нейтрализации выбранных угроз. Другими словами, своего рода анализ затрат и выгод или целесообразности действий по их смягчению или нейтрализации.

С оперативной точки зрения, для ускорения расследований, подобных упомянутым, представляется абсолютно необходимым, чтобы Академическое сообщество создало оперативный комитет из социологов, социальных психологов, геополитиков, геоэкономистов, а также других квалифицированных экспертов, которые должны взять на себя следующие стратегические задачи:

- Критерий актуальности.** Группировка угроз в соответствии с их уровнем опасности и вероятности их возникновения
- Критерий осуществимости.** Сосредоточение внимания только на тех группах, с которыми можно реально и эффективно бороться с помощью соответствую-

щего комплекса геостратегических мер и инициатив;

с) Критерий выбора наиболее подходящего агента и институтов для управления этими угрозами. Хотя это может показаться наивной попыткой или чрезмерно амбициозной инициативой, в перспективе многосторонности я предлагаю определить различные национальные и наднациональные субъекты и организации, которые в силу своих институциональных полномочий должны быть готовы рассмотреть новые предложения по противодействию или смягчению этих угроз.

И с методологической точки зрения я предлагаю выбрать те национальные и наднациональные институты в следующем диапазоне: Комиссия ЕС, ООН (особенно Совет Безопасности ООН, а также многие ее агентства, такие как FAO, Unido и Unctad), правительства стран G7, G20, WTO, Всемирная организация здравоохранения, WB, FMI, Генеральный секретарь Всемирного экономического форума, а также стран ASEAN и Mercosur, Союза африканских государств и стран BRICS.

После определения наиболее рискованных угроз, которые необходимо смягчить, и их группировки по типологиям, команда экспертов должна подготовить для каждой группы список предложений, которые будут направлены в наиболее подходящую и соответствующую группу наднациональных институтов.

Важное методологическое замечание: при разработке таких предложений необходимо придерживаться критериев возможных сценариев, а не вероятностных. И, что более важно, учитывать реакцию расширенного многостороннего контекста. Это означает, что во избежание попыток и усилий, характерных для наивной многосторонности, следует все больше учитывать предпочтения незападных участников — таких как Китай и Индия, даже ценой выдерживания критики за отход от принципов старого либерального порядка.

Наконец, короткие статьи критических инструментов и предложений по соответствующим проанализированным вопросам

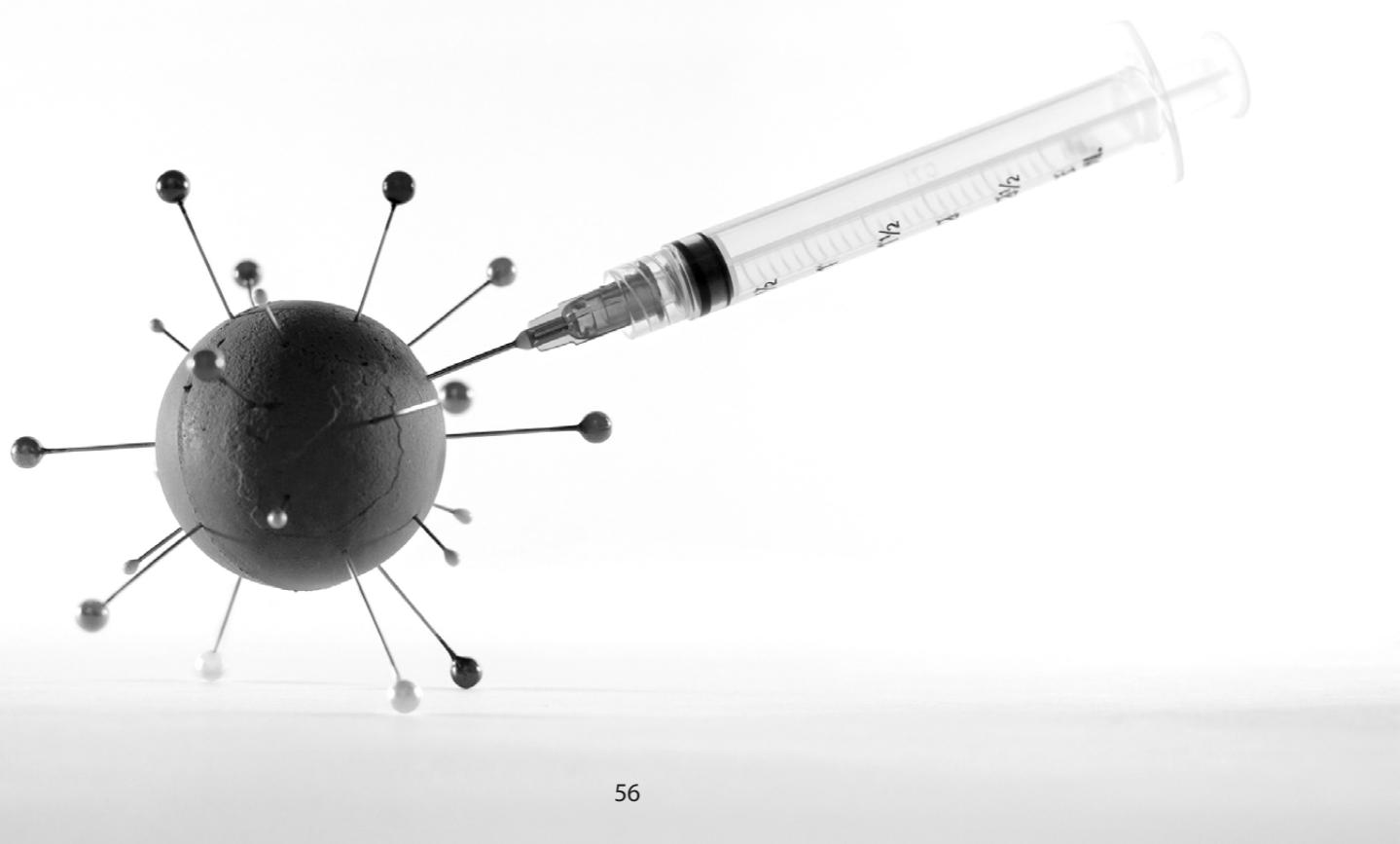
должны быть объединены в книгу Оперативным комитетом.

ВО ИЗБЕЖАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО РАЗБРОСА Я ПРЕДЛАГАЮ СГРУППИРОВАТЬ УГРОЗЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ СМЯГЧЕНИЮ, В ТРИ БОЛЬШИЕ ГРУППЫ.

1) УГРОЗА НОВЫХ ПАНДЕМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ.

Если кратко, это означает:

- медицинские, социальные и экономические последствия длительного периода устойчивости к штаммам COVID/Omicron, а также угроза новых инфекционных заболеваний.
- крупномасштабные вынужденные миграции, связанные также с экономическими последствиями пандемических кризисов и, следовательно, потенциальное увеличение экономического неравенства между богатыми и бедными странами.
- скептическое отношение к научным данным и научному сообществу во всем мире.

Предложения очень конкретных действий:

1. Для Всемирной организации здравоохранения ООН, WTO: сделать эффективным запрет на подчинение геополитическим целям международной торговли вакцинами против пандемических заболеваний: что означает возможный отказ от продажи вакцины странам, которые считаются недружественными.
2. Сделать непрерывным научное сотрудничество в области исследований вакцин между странами, придерживающимися противоположных геополитических блоков, если со временем возникнет геополитическая напряженность. В связи с тем, что вакцина должна рассматриваться как «глобальное общественное благо»

2) УГРОЗЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ТЕРРИТОРИИ: ЭКЛОГИЯ/ЭНЕРГЕТИКА

Подразумевается беспорядочный переход к неископаемым видам топлива, с рискованными внешними промышленными эффектами и острыми товарными шоками, а также опасения за глобальную безопасность из-за неспособности использования технологий

для своевременного обнаружения и адаптации экономической системы к растущим экологическим изменениям.

Предложение:

- генетически улучшить адаптацию сельскохозяйственной продукции к изменению климата и финансово способствовать продвинутому использованию спутниковых технологий для обработки сельскохозяйственной продукции и ирригации;
- субсидировать и облегчать во всем мире (и особенно в богатых странах) повторное использование и переработку в основном в секторе автомобилей и некоторых компонентов, таких как графит и электролит;
- налоговое стимулирование, по крайней мере, в богатых странах, операций по распределению страховых рисков от катастрофических бедствий, связанных с засухой, наводнениями или морозами;
- обучение учащихся средних школ причинам и мотивам, по которым важно оценивать влияние энергетического следа. Но напоминая, что след должен учитывать выбросы из всех источников производства, а не только, как в случае с автомобилями — от расхода топлива.
- что касается продукции с низким экологическим следом, то необходимо внести поправку в правила WTO, чтобы все соглашения о свободной торговле включали пункт, устанавливающий более низкие пошлины, чем ниже экологический след продукции, продаваемой на международном рынке. Такая поправка к правилам WTO должна привести к последствиям, частично эквивалентным применению пограничного налога на выбросы углерода Европейского союза к импортной продукции.
- для повышения энергетической безопасности, по крайней мере в Европейском Союзе, создавать больше инфраструктурных взаимосвязей: как трубопроводов, так и линий электропередач.

Безусловно, тут существуют грозы:

- **геополитические и геоэкономические конфронтации:** неспособность глобальных многосторонних институтов (таких как WTO, G20, G7) эффективно управлять глобальной торговлей и геоэкономическими конфронтациями. Поэтому мы получаем разрыв межгосударственных торговых отношений и усиление национального экономического протекционизма.
- **идеологические экстремизмы, подпитывающие движущие силы политического консенсуса в сторону популизма.** **Как следствие:** недоступность стоимости жизни из-за роста цен на продукты питания, вызванного военными конфликтами; более короткие цепочки создания стоимости, объясняемые дегlobalизацией и пандемическим кризисом, обеспечивают большую безопасность, но ценой потери эффективности, и со скрытой угрозой для зеленого перехода, из-за зависимости от материалов и редких земель из стран, которые подчиняют торговлю такими стратегическими продуктами геополитическим правилам.

Предложение решения: внести изменения в правила WTO, касающиеся соблюдения справедливой торговли редкоземелями и драгоценными металлами, с целью предотвращения/минимизации политически регулируемой торговли этими продуктами.

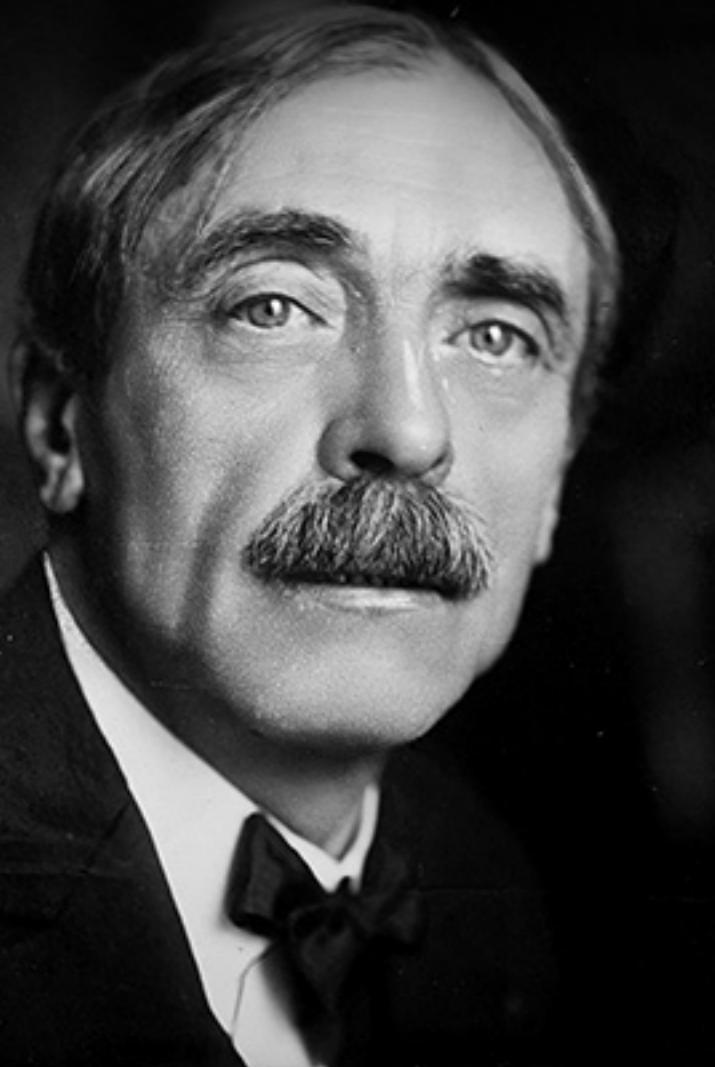
3) КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ И АНТРОПИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Сильный и решительный ответ на геополитическое влияние, особенно на африканские страны, осуществляемое Россией военными средствами, а Китаем — финансово-экономическими, со стороны Европы должен носить культурно-образовательный характер. То есть, внедрить во многих африканских странах университетские курсы по экономике и фундаментальным дисциплинам, предусматривающие завершение обучения в европейских университетах, в соот-

“ ВОЙНА – ЭТО НЕКАЯ АКЦИЯ, БЛАГОДАРЯ КОЕЙ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НЕ ЗНАЮТ ДРУГ ДРУГА, УБИВАЮТ РАДИ СЛАВЫ И ВЫГОДЫ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ ДРУГ ДРУГА И ДРУГ ДРУГА НЕ УБИВАЮТ

Поль Валери

”

ветствии с действием программы Эразмус по обмену студентами, уже действующей в Евросоюзе.

Необходимо сделать учащихся средних школ чувствительными к понятию космополитической идентичности, чтобы «посеять», насколько это возможно на всемирной основе, семена интеллектуальной иммунизации против этнически мотивированного или религиозного экстремизма.

Очень амбициозное предложение: изменить гуманитарные стандарты Женевской конференции в пользу запрета во время военных конфликтов блокировать транспортировку продовольственных товаров, поставляемых в страны, не участвующие в этих конфликтах.

Нацелено на G20 и ООН предложение столь же наивное, сколь и смелое: в отношении форм экономического/политического контроля, который страна А может оказывать на страну Б посредством иностранных инвестиций и финансовой поддержки. Предложение заключается в том, чтобы рассчитать индекс экономической/политической зависимости и определить, что при превышении определенного порога «экономической/финансовой зависимости» страна Б не может голосовать на сессиях ООН по вопросам, относящимся к стране А.

Также, можно применять инструменты разведки для выявления вариантов обхода обязательств по международным санкциям, наложенным ООН, как, например, использование специального программного обеспечения для отслеживания пользователей в криптовалютных транзакциях. Добавлю, что необходимо бороться с дезинформацией и дезинформированием.

Что касается антропного фактора, то он способствует развитию и углублению изучения психоистории, которая представляет собой слияние психологии, истории и смежных социальных и гуманитарных наук. Она исследует «почему» истории, особенно различия между заявленными намерениями и фактическим поведением. (Пример: Психобиография, детство, групповая динамика, механизмы психической защиты, сны и креативность — основные области этих исследований).

Необходимо:

- способствовать применению теории сложности к большим данным из всех социальных, экономических и технологических компонентов, чтобы заранее знать о потенциальном развитии событий, связанных с высоким риском. Примером могут служить попытки манипулирования политическим консенсусом (политический маркетинг), направленные на то, чтобы сделать хрупкими демократические системы.
- содействие заключению соглашений между централизованным глобальным государственным органом и частными организациями в каждой стране (возможно, в сотрудничестве с частными организациями, такими как крупные технологические компании, издательства, университеты и т.д.); с целью проведения проверки фактов и информации в СМИ. В качестве примера можно привести Кодекс практики ЕС по дезинформации. Но в этом отношении было бы также целесообразно использовать количественные методы, присущие теории сложности и психоистории.
- содействие дружественному обмену с помощью финансовых субсидий только для тех производств, которые действительно являются стратегическими для целей национальной безопасности, чтобы продолжать пользоваться преимуществами «эффективности глобализации».

НАПОСЛЕДОК, НЕКОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.

В мировом масштабе мы все ощущаем необходимость противостоять скрытой угрозе, вызванной неуправляемостью нынешнего гибридного экономического кризиса, не поддающегося управлению только на основе парадигмы максимизации прибыли. В связи с этим предлагается содействовать сдвигу в сторону экономического биоразнообразия, целью которого является стиму-

лирование появления социального бизнеса, для создания стоимости, разделяемой заинтересованными сторонами, а не только акционерами. Это означает одновременное отношение к людям, прибыли и окружающей среде.

В целях адаптации экономических систем к новой парадигме производства, поощрять и способствовать широкому использованию так называемого генеративного искусственного интеллекта, который учится на своих собственных открытиях, а также алгоритмов искусственного интеллекта, позволяющих в будущем достичь массовой персонализации, которая объединяет две парадигмы производства — массовое производство и индивидуальное изготовление.

Для лучшего функционирования такого важного института, каким является Европейский Союз: преодолеть тормоза в принятии решений, вызванные требованием единогласия.

Prof. Massimo
Ortolani

ОТ НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ К НОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Для того, чтобы разобраться с неизвестными войнами, для начала надо разобраться с пониманием сущности, природы и характера войны. Категория «природа» отражает сущность того, что есть война, что определяет ее отличие от всего остального.

«ВОЙНА – ЭТО АКТ НАСИЛИЯ, ЦЕЛЬ КОТОРОГО – ЗАСТАВИТЬ ПРОТИВНИКА ВЫПОЛНИТЬ НАШУ ВОЛЮ. НАСИЛИЕ ИСПОЛЬЗУЕТ ИЗОБРЕТЕНИЕ ИСКУССТВ И ОТКРЫТИЕ НАУК ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРОТИВОСТОЯТЬ НАСИЛИЮ ЖЕ» [1, С. 20].

В природе войны основными являются отношения противостояния противопо-

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии в Запорожском национальном университете, академик Европейской академии наук Украины

ложных воль, к тому же ее движение определяет политика. Характер войны, ее ведение, постоянно развивается под влиянием техники, моральных сил (права или этики), культуры и военной культуры, также меняющихся во времени и пространстве.

Рассмотрение такого вида войны как «неизвестные», требуется уточнение, кому они неизвестны: 1) всему человечеству, региону, стране, гражданскому обществу и государству, политикам или 2) эпохе, истории. В первом перечислении речь идет о масштабе и уровне непонимания и незнания субъектов, во втором случае —

о появлении изменений в природе и характере войны.

КРИЗИСЫ, ПАНДЕМИЯ, ВОЙНА — ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

Кризисы, пандемии, война, голод и другие масштабные бедствия являются трансформирующими мироустройство событиями. Как это происходило в истории талантливо показал Фернан Бродель. Современные кризисы являются процессами формирования новых идентификаторов, разделителями людей по отношению к ним (кризисам) и изменениям в их экономических отноше-

“
ВОЙНЫ ВСЕГДА СВЯЩЕННЫ ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ПРИХОДИТСЯ ИХ ВЕСТИ. ЕСЛИ БЫ ТЕ, КТО РАЗЖИГАЕТ ВОЙНЫ, НЕ ОБЪЯВЛЯЛИ ИХ СВЯЩЕННЫМИ, КАКОЙ ДУРАК ПОШЕЛ БЫ ВОЕВАТЬ? НО КАКИЕ БЫ ЛОЗУНГИ НИ ВЫКРИКИВАЛИ ОРАТОРЫ, СГОНЯ ДУРАКОВ НА БОЙНЮ, КАКИЕ БЫ БЛАГОРОДНЫЕ НИ СТАВИЛИ ПЕРЕД НИМИ ЦЕЛИ, ПРИЧИНА ВОЙН ВСЕГДА ОДНА. ДЕНЬГИ. ВСЕ ВОЙНЫ, В СУЩНОСТИ, – ДРАКА ИЗ-ЗА ДЕНЕГ. ТОЛЬКО МАЛО КТО ЭТО ПОНИМАЕТ. ВСЕ СЛИШКОМ ОГЛУШЕНЫ ФАНФАРАМИ, БАРАБАНАМИ И РЕЧАМИ ОТСИЖИВАЮЩИХСЯ В ТЫЛУ ТРИБУНОВ

Маргарет Митчелл

ях — всего того, что мы можем обозначить как связанность. Пандемии с их ограничениями во многом определяют изменения в социальности, солидарности в охране здоровья. Сейчас даже был введен новый термин «социальная дистанция». Отсюда и переход к удаленной работе и общению в онлайн пространстве.

Война трансформирует мироустройство. После каждой глобальной войны формируется новая система миропорядка, новая международная институциональная и организационная основа, международное право, политика и экономика (примерами являются Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская системы). Сейчас есть первые изменения в мировой системе безопасности в Рамштайн-Мадридских конференциях НАТО и региональных союзах.

Современный характер войны определен отношениями «захватническая-освободительная», «несправедливая-справедливая», «отстаивающая автократические или демократические ценности». Украина сейчас отстаивает суверенитет, целостность, демократию (как главенство международного права) и ведет справедливую, освободительную войну. При этом в росийско-украинской войне происходит столкновение двух теорий войны — теории войны эпохи модерна (Второй мировой войны с апгрейдом «гибридной войны») против теории современной мультидоменной войны меняющейся размерности и фрактальности. В результате уже происходит противостояния «оси автократий» (понятие, которое применил премьер-министр Австралии) с жестко автократической иерархией против сетевой войны (которая совершенствуется от горизонтальной до диагональной организации). Масштабирование меняется и в прокси измерении войны.

В социологии войны важнейшей проблемой является определение и измерение победы, успеха, поражения, разгрома. Часто приходится встречать знак равенства поражения и победы, забывая, что победа определяется созданием мира лучше предыдущего. Сейчас активно формируется новый мировой порядок.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ КАК ЗАКОННОЕ ПРЕСТУПНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Политика, начиная с Аристотеля, рассматривается в исследовании власти, прежде всего, государственной власти, ее формирования, функционирования, захвата и удержания. Маркетинг первоначально формировался как предмет исследования захвата рынка и продвижения тех или иных продуктов, услуг на нем. По сути исследование предложенного вопроса связано с отношениями «политика — экономика», тем, что рассматривается как политэкономия.

Я не буду останавливаться, но напомню линию политэкономии **Адама Смита** и марксистов (в центре которых находится получение прибыли и сверхприбыли), постмодернистской политэкономии **Жана Бодрийяра** (о сверхсверхприбыли в обществе потребления, которое создает гиперреальность симуляции рынков), политэкономии обмена и конвертации символического капитала **Пьера Бурдье**.

Современная политэкономия связана с ее позитивными теориями формирования рынков и прибыли, в том числе и в отношениях с властью. Эта «позитивность» определена развитием меры жизни как отдельного человека, так и сообществ.

Война определяет негативную политэкономию, как развитие меры смерти и разрушения меры жизни. Оружие не создает прибавочной стоимости, но разрушает жизнь людей, инфраструктуру, экономику, упрощает все институты мирного устройства с развития и функционирования на выживание.

Дорогостоящее оружие, первоначально предназначеннное для создания чувства безопасности, устаревает и требует дорогостоящей утилизации, что создает стимул для законного или незаконного рынка оружия и смерти. Так формируется искушение его применения в войне или военных конфликтах. Негативную политэкономию войны после второй мировой войны пытались сдержать геоэкономикой, но автократия может принимать властные решения не только на основе экономики, но и иллюзий в политике, в том числе и иллюзии силы. Сила разруше-

ния отличается от силы созидания, как варварство отличается от культуры развития.

Криминал всегда создает налог на применение силы или ее угрозы. Криминал, создавший автократию или пришедший к государственной власти, создает негативную политэкономию развития меры смерти.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Клаузевиц К. фон О войне. / Пер. с нем., отв. ред. А. Поляков, предисл. М. фон Клаузевиц]. М: Эксмо; С-Пб: Terra Fantastica, 2003. 864с.

Prof. Максим
Лепский

ЯЗЫК И СТАГНАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: КОНТЕКСТ ПОЛИТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Ассоциированный профессор Национального медицинского университета им. А. Богомольца. Академик Европейской академии наук Украины, член Американской психологической ассоциации и Американской академии клинической психологии.

Он также является членом Всемирной федерации психического здоровья (США) и Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия)

Xочу отметить, что одна из самых распространенных трактовок понятия науки заключается в том, что это деятельность, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о реальности. Когда я был студентом, нам говорили, что наука — это создание новых знаний на основе существующих.

ДВА ЯЗЫКА НАУКИ

И в этом контексте необходимо обратить внимание на то, что ученый, как создатель этого знания, всегда обращен либо к ретроспективе — поиску ответов в знаниях прошлого, либо к перспективе — как уверенности в том, что новое знание обязательно скоро появится и нам всем нужен новый микроскоп, новый технологический способ познания чего-либо. По сути, мы имеем дело с существованием двух языков науки. Один — язык расшифровки и распознавания, другой — язык ожидания и описания новых явлений.

Говоря о языке науки, я хотел бы обратиться к статье **М. П. Норманда** «Язык науки» (2017). Автор предлагает интересное определение. Наука — это то, что делают ученые, и особенно то, что они говорят о том, что они делают. Наука — это способ говорить о мире, который позволяет слушателю быть более эффективным в нем.

Понимание науки — это прежде всего вопрос понимания языка науки. На вопрос о том, может ли наука существовать в том виде, в котором она существует сейчас, необходимо найти ответы на вопросы глобализации научных тем.

Может ли национальный язык науки способствовать интеграции научных сообществ в глобальное научное пространство? Насколько оправданно говорить: «У нас все именно так, это наша методология».

- Сколько языков науки может существовать в той или иной научной области?
- Что может быть интегратором научных языков в конкретной области?
- Насколько оправдана интерференция научных языков?
- Может ли язык науки существовать отдельно от языка образования?
- И может ли международный рынок труда служить мерилом интеграции национального языка науки и образования в международное пространство? Последний вопрос кажется мне наиболее перспективным.

Следующим актуальным вопросом является

вопрос научной мобильности и научного сотрудничества современных ученых. Пожалуйста, ознакомьтесь с работой «Глобальное сравнение научной мобильности и сотрудничества в соответствии с национальным научным потенциалом» (Chinchilla-Rodríguez, 2018). Я также обращаю внимание коллег на доклад ЮНЕСКО «Наука: Гонка со временем для более разумного развития, 2021 год. В этих документах можно найти актуальную информацию о состоянии науки в мире.

Заслуживает внимания, что максимальное количество патентов, которые находят свое воплощение в производстве и бизнесе, принадлежит Китаю, США, ЕС и Республике Корея. Возможно, в этом ключе стоит задуматься о проблеме монополии в науке.

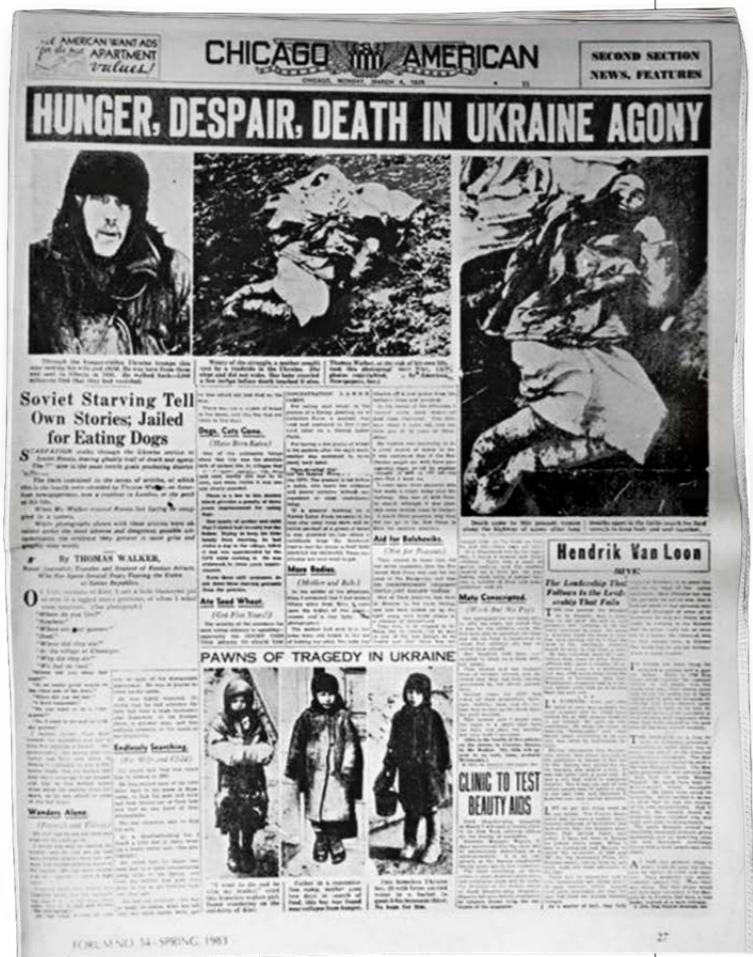
Примечательно, что в этом отчете Украина представлена как одна из 15 стран с наибольшим вкладом в тему робототехники. Мы занимаем 4-е место. В целом, в ближайшее время наука уходит от фундаментальных тем в сторону изучения последствий глобальных политических и экономических конфликтов.

ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНЫЙ ФАКТ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ СОСТОЯНИЕ СТАГНАЦИИ СРЕДИ УЧЕНЫХ

Так, согласно одному из отчетов, только 22% ученых продолжают свою публикационную активность после 15 лет научной карьеры, а 78% ученых прекращают публикационную активность. Это очень интересный вопрос, почему так происходит.

Возможно, это можно объяснить выгоранием ученого. А может быть, тема и на-

правление, над которым он работал 15 лет, вдруг становится непопулярной или уже достаточно изученной.

Среди украинских ученых мы часто наблюдаем феномен, когда человек, защитив докторскую диссертацию или получив звание профессора, «почивает на лаврах». Со временем такие ученые начинают заниматься не новыми исследованиями, а самоплагиатом — бесконечным перепечатыванием одних и тех же исследований, особенно теоретических работ, только под новыми названиями с минимальными изменениями в тексте научных трудов. И часто мы сталкиваемся с автором, у которого 300 статей, но на самом деле это 50 статей, которые всегда немного изменяются и переиздаются как новые публикации.

Возможно, причина в глобальной политизации научных проблем. И большинство ученых не готовы каждые три-пять лет переключаться с темы на тему. Например, в Украине во время президентства Виктора Ющенко с 2004 года большинство социальных, гуманитарных и поведенческих иссле-

дований было посвящено Голодомору. Многие ученые, разрабатывавшие эту тему, получили высокий h-индекс. Однако после ухода Ющенко социальный заказ на тему Голодомора уменьшился, и мы видим резкое снижение цитирования по этой теме.

При президенте Януковиче была популярна тема федерализации и регионализации. Позже, с началом военных действий, социальные и поведенческие исследования обратились к теме национальной идентичности, военной психологии и посттравматического стрессового расстройства. В Украине большинство ученых стали экспертами в области этнологии, политологии, лингвистики, темы иммигрантов и психологии войны.

В 2020 году мы переключились на тему Ковида, а в 2022 году, в связи с началом военных действий со стороны Российской Федерации, тема Ковида в Украине абсолютно потеряла свою актуальность. Как

правило, это приводит к резкому изменению направления научных исследований кафедр, аспирантов и докторантов. Будущие темы для науки будут создаваться преимущественно политикой. Наука в Украине переходит на военный и послевоенный дискурс. Ученые резко меняют свою специализацию. Сейчас популярна и актуальна тема нового типа города, логистики, новых концепций безопасности города. Каким может быть оптимальное население города.

В то же время тема романтиков и теоретиков заговора в науке вечна. Мне кажется, что ученый-глобалист и прикладной человек могут быть успешными. Что касается будущих исследований, то я не удивлюсь, если в скором времени мы начнем изучать «инопланетную угрозу», как однажды иронично заявил академик Мальцев.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Normand M. P. (2017). The Language of Science. Perspectives on behavior science, 42(3), 675–688. <https://doi.org/10.1007/s40614-017-0123-8>
2. Chinchilla-Rodríguez, Z., Miao, L., Murray, D., Robinson-García, N., Costas, R. and Sugimoto, C.R. (2018). A Global Comparison of Scientific Mobility and Collaboration According to National Scientific Capacities. *Front. Res. Metr. Anal.* 3:17. doi: 10.3389/frma.2018.00017
3. UNESCO Science Report 2021. *The race against time for smarter development — Red de Desarrollo Social de América Latina y el Caribe (ReDeSoc)*. (n.d.). <https://dds.cepal.org/redesoc/publicacion?id=5481>

Prof. Виталий
Лунев

“ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭТОЙ ВОЙНЫ, ВЕЛИЧАЙШЕЙ В ИСТОРИИ, ДОЛЖЕН РОДИТЬСЯ НОВЫЙ МИР, КОТОРЫЙ ОПРАВДАЕТ ЖЕРТВЫ, ПРИНОСИМЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ. ЭТОТ НОВЫЙ МИР БУДЕТ МИРОМ, В КОТОРОМ НЕ БУДЕТ ЭКСПЛУАТАЦИИ СЛАБЫХ СИЛЬНЫМИ, ДОБРЫХ ЗЛЫМИ, ГДЕ НЕ БУДЕТ УНИЖЕНИЯ НЕИМУЩИХ ПЕРЕД ВЛАСТЬЮ БОГАТЫХ, ГДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ УМА, НАУКИ, ИСКУССТВА БУДУТ СЛУЖИТЬ ВСЕМУ ОБЩЕСТВУ В ЦЕЛОМ ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ И УЛУЧШЕНИЯ ЖИЗНИ, А НЕ ОТДЕЛЬНЫМ ЛЮДЯМ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ БОГАТСТВ. ЭТОТ НОВЫЙ МИР НЕ БУДЕТ МИРОМ УНИЖЕННЫХ И ПОРАБОЩЕННЫХ, ОН БУДЕТ МИРОМ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ И НАРОДОВ, РАВНЫХ ПО ДОСТОИНСТВУ И УВАЖЕНИЮ ”

Никола Тесла

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДОВ САМОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ: ПРИЧИНА ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ВАРИАНТЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЭТИХ ЯВЛЕНИЙ. ТЕОРИИ БОРЬБЫ С ГЛОБАЛЬНЫМИ УГРОЗАМИ И ИХ ОСНОВОПОЛОЖНИКИ

УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ ДИСКУССИОННОЙ ПАНЕЛИ:

- Prof. Dr. Джером Крейс
- Dr. Олег Мальцев
- Prof. Массимо Ортолани
- Dr. Эндрю Хоскинс
- Dr. Синиша Малешевич

PROF. DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС (США)

Президент Европейской академии наук Украины, ответил на вопросы с социологической точки зрения.

Он отметил, что проблема пандемий очень подобна другим глобальным угрозам, которые связаны с потенциальными и реальными военными конфликтами. Одной из основных причин, почему пандемия Covid19 стала настолько разрушительной для мира, является геополитика и новая холодная война между Соединенными Штатами и Китаем. И конфликт произошел из-за отсутствия сотрудничества и обмена информацией.

«Вторая глобальная угроза — это война или вторжение, или как бы это не называли — конфликт между Россией и Украиной».

Он отметил отсутствие понимания (особенно в Соединенных Штатах, где он находится), почему этот конфликт произошел и продолжается, отсутствие каких-либо знаний истории самого региона и воюющих стран. И это также касается и такой глобальной угрозы, как пандемия. Профессор отметил, что американская общественность имеет очень ограниченное представление

о geopolитической ситуации и о том, что происходит в Китае, и о том, что конфликт между Востоком и Западом имеет длинную историю.

«Причина, почему эти угрозы возникают, заключается в том, что общественность, которая поддерживает эти конфликты, битвы между великими нациями, делает это из-за недостатка знаний. А те знания, которые у них есть, происходят из-за предвзятых точек зрения, а также пропаганды. Общественность должна быть убеждена в том, что есть весомая причина для этих конфликтов и их поддержки»

Джером Крейс отметил, что в современном мире одновременно возникают разные глобальные угрозы. И проблема в том, что общественность поддерживает эти конфликты из-за незнания объективной информации из независимых источников.

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ (УКРАИНА)

Ответил на вопросы, как криминолог (фактический единственный в Украине), как ученый, имеющий обширный опыт работы в сфере безопасности. Он работал непосредственно с криминальной средой и глобальной криминальной преступностью в мире. И изучал это не в лаборатории в институте, а в режиме полевых исследований.

Свое развернутое мнение на этот счет Dr. Мальцев высказал в одной из последующих статей — **«Глобальные угрозы: предпосылки и последствия»**.

Он отметил, что, «все, что мы наблюдаем, делают люди, обычные люди, которые, когда-то родились, росли и в итоге во что-то превратились. И тут можно прочитать целую лекцию по криминологии и политологии о том, как хороший парень из колледжа, университета стал плохим политиком. Но, к сожалению, нет на это времени. И шутка, которую я сейчас скажу, уже звучала на наших конференциях тысячу раз: **криминология изучает преступников-неудачников. И есть другая наука — политология, которая изучает преступников удачливых**.

Если рассматривать глобальную угрозу как бизнес, она, вероятно, будет существовать до тех пор, пока будет приносить пользу определенным людям. И получается, что у каждого свой бизнес.

Нам нужно научиться говорить правду и воспринимать эту правду.

«Любая глобальная угроза — это не природный катаклизм, а искусственно созданное людьми явление, которое является последствием политического маркетинга»

За явлением «глобальной угрозы» всегда стоят конкретные люди, реализующие собственные интересы и выгоды посредством инструментов политического маркетинга.

Не существует непредсказуемых войн. Все войны предсказуемы. Мы можем ошибиться в форме войны, но будет она или нет, зависит только от двух сторон, которые в этом участвуют. Цивилизованные люди садятся и договариваются, а вот если люди не хотят договариваться, то войны не избежать.

Также одной из причин глобальной угрозы может быть непонимание различий менталитетов. Даже страны, говорящие на одном или очень похожем языке, могут иметь совершенно разные менталитеты. Незнание компонента менталитета приводит к конфликтам (см. статью **«Что происходит в мире? Изменения в глобальной системе безопасности»**)

Говоря о теориях глобальных угроз, Dr. Мальцев отметил, что их достаточно большое количество. А с развитием когнитивной психологии стало еще больше.

Но их можно свести в три компонентных составляющих. Первая — исторические теории. Это длинная теория о конфликте двух миров — славянского и англо-саксонского. Вторая — криминологическая — это когда хорошие парни хотят победить плохих парней, а они не хотят подчиняться. И есть экономические теории войн. И я думаю, что ни одна из этих теорий в одиночку не отвечает на вопрос о том, как управлять глобальными угрозами. Потому что в любой глобальной угрозе существует и криминологическая составляющая, и историческая, и экономическая. И смотреть только с одной стороны на проблему — значит не видеть всего остального.

PROF. МАССИМО ОРТОЛАНИ (ИТАЛИЯ)

Поделился своими тезисами и проанализировал характер рассматриваемых угроз.

«Рассмотрим разницу между угрозой и риском. Угроза — указывает на источник опасности. Риск — это вероятность того, что будет причинен вред или возникнет опасность».

Три категории угроз по степени их выявляемости:

- 1) Случайные/естественные (происхождение неизвестно/невозможно идентифицировать).
- 2) Частично выявляемые.
- 3) Целенаправленно созданные угрозы — причину можно выявить/идентифицировать.

Цитируя определение Нассима Талеба:

«Черный лебедь» — это редкое, непредсказуемое событие, которое шокирует мир своей непредсказуемостью: точнее, это событие, которое выходит за рамки ожиданий историков, финансовых и технических экспертов и ученых».

К группе «черных лебедей» относятся: серия антиправительственных протестов под названием «Арабская весна», Чернобыльская трагедия и авария на АЭС Фукусима-1, «Ливийская война» — все это можно было бы теоретически представить, но никак невозможно предсказать. Естественные природные угрозы: землетрясения, наводнения и т.д.

Целенаправленно созданные угрозы (их сложно, но можно предсказать), я их отношу к группе «серых лебедей». Серый лебедь — потенциально очень значительное событие, которое считается маловероятным, но все же возможным.

DR. ЭНДРЮ ХОСКИНС (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Отметил, что сегодня мы находимся в состоянии непостижимой войны из-за трех основных цифровых (диджитал) факторов:

- 1) масштаб;
- 2) сложность;
- 3) повсеместный характер.

Если война недоступна и неизвестна с точки зрения восприятия, понимания и памяти, то она становится безудержной, ее нельзя

сделать понятной, извлечь уроки или остановить. **То есть, она становится вечной.**

Основные глобальные угрозы возникают из двух радикально меняющихся полей восприятия.

- **Первое** — это ослепительно яркое освещение войны в свете фар социальных сетей. В этой среде избыток — это ключевое оружие и барьер к пониманию. В состоянии постоянного доступа к не-прекращающемуся потоку изображений и информации, практически не остается времени для паузы и критического осмысливания.
- **Второй** механизм — это сравнительно тихая революция в военных и военизированных данных, и искусственном интеллекте. Посредством искусственно-го интеллекта наблюдение и контроль усилились, и гражданское население все больше становится объектом коммерческой и военной эксплуатации технологий в воздушном и космическом пространстве. **Ключевым фактором «неизвестной войны» является масштаб производимых цифровых данных и информации.**

Человечество никогда не производило и не делилось таким количеством информации о себе и о своих переживаниях. Если в двадцатом веке СМИ производили контент для

нас (зрителей), чтобы мы его потребляли, то сегодня произошел фундаментальный переворот, поскольку платформы социальных сетей дают нам инструменты для того, чтобы мы сами производили контент. Пандемия и текущая война производится именно таким образом.

Я называю это «военной лентой» — и у каждого своя версия. Именно таким образом эта война была создана для расщепления реальности в социальных сетях — война всегда находится в вашей собственной персонализированной ленте, в которой переплетены новости о мире и новости о себе.

«Это «продвинутый вид войны по подписке», когда вы сами выбираете, подписываться на свою собственную версию войны в ленте или вообще избегать ее. Это делает ее самой персонализированной войной в истории»

DR. СИНИША МАЛЕШЕВИЧ (ИРЛАНДИЯ)

Отметил, что есть много потенциальных угроз. Остановился он на двух, которые изучил — организованное насилие и национализм.

1. Организованное насилие

- разрушение экосистемы и войны за ресурсы;
- войны из-за изменения климата;
- усиление принудительной силы государства.

Что здесь стоит выделить:

- **новые технологии насилия:** нечеловеческие устройства; робототехника, кибернетика, ИИ — сокращение присутствия человека на театрах военных действий (дроны, беспилотные подводные лодки, патрульные роботы, роботы-тральщики, автономные снайперские системы); больше роботов — больше войн.
- **апокалиптические сценарии** — почти все идентичные — крах общественного строя и гоббсовская среда непрекращающегося насилия. Большинство

научно-популярных телешоу, фильмов и романов имеют тенденцию изображать мир будущего очень похожим, в основном постапокалиптическим образом: с крушением структур управления люди автоматически обращаются к насилию. Центральное предположение, лежащее в основе этих изображений будущего, состоит в том, что распад закона и порядка неизбежно приведет к жестокой и кровавой борьбе за выживание.

- **социальный порядок существует вне, ниже и вне государственных структур.** У первых охотников-собирателей не было государства для контроля за их общественной жизнью, и они все же были способны развивать и поддерживать общественный порядок без насилия

2. Национализм

Происхождение наций и национализма и их влияние на геополитику:

- массовое национальное сознание развилось лишь в конце 19 века, охватив все социальные слои. Романтизм — нация есть органическая культурная единица. Просвещение — волонтистское и плюралистическое определение нации как рационального объединения общих законов и культуры в пределах четко определенной территории.

КРИЗИСЫ, ПАНДЕМИЯ, ВОЙНА: ЧТО БУДЕТ СЛЕДУЮЩИМ?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ КАК ЗАКОННОЕ ПРЕСТУПНОЕ ЯВЛЕНИЕ

«Я долго думал, как же объяснить, что будет дальше. Пожалуй, отвечая на этот вопрос, я воспользуюсь цитатой **Жана Бодрийяра**, который сказал: Любая игра, в которую нравиться играть одним и до поры до времени согласны играть другие ... Вот, что будет дальше...».

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ (УКРАИНА)

Такими словами Dr. Олег Мальцев начал свой доклад на второй онлайн — панели международной конференции **«Неизвестные войны»**. Dr. Мальцев (Украина) напомнил, что он об этом уже говорил на одной из прошлых конференций (конференция «PALE-2020») — **следующим событием может стать любой безумный сценарий, в который согласятся верить люди**. Особенно, если учесть тот факт, что сегодня политическое влияние оказывают такие сервисы, как Википедия. Ведь, например, общественность верит в то, что американцы 6 раз летали на Луну (о чем написано в онлайн-энциклопедии) при том факте, что Дональд Трамп еще не так давно делал заявления о том, что на спутник Земли США отправится к 2050 году. Эти два обстоятельства должны вызывать у общественности вопросы, но у большинства людей их не возникает.

Отвечая на вопрос о политическом маркетинге, Dr. Мальцев отметил, что:

«за последние 100 лет большая часть всех глобальных событий в мире являются

следствием политического маркетинга. В нашем обществе почему-то появились хорошие преступники и плохие преступники. И это произошло не сейчас».

Он обратил внимание коллег на **свое исследование менталитетной составляющей**, в котором говорится о том, что мифология — основа менталитета, и неотъемлемая часть сознания и мировоззрения человека.

Существуют мировые базовые мифы. Людям хочется верить в добрых и справедливых королей, в таких личностей как Король Артур, Ричард Львиное Сердце. Но помимо доброго и хорошего короля есть еще добрый и справедливый преступник — Робин Гуд. В такого доброго преступника тоже очень хочется верить всем людям.

«Мой друг и коллега профессор Антонио Никасо на одной из конференций сказал, что «на Западе, в Британии, в Европе, в США люди считают, что человек, который имеет деньги, имеет право на власть. А те, кто получают власть, и за счет этой власти зарабатывают деньги — называются **преступниками**». И я тогда сказал, что я не видел ни разу, чтобы кто-то заработал деньги, а потом получил власть. Всегда было наоборот.

Нам нужно научиться принимать правду такой, какая она есть.

И прекратить всякие инсинуации по этому поводу. Мы видим сегодня на мировой арене добрых политиков с преступными лицами.

Родоначальником политического маркетинга были США. Вспомним того же премьера Великобритании, который ушел в отставку, или ее Величество королеву Великобритании, в личной собственности которой находится остров Сарк, а различные преступные организации используют этот остров для регистрации финансовых учреждений — банков и страховых компаний, и просто отмывают посредством этих структур деньги, полученные от их преступной деятельности. И это не думы, а известно из **доклада итальянского криминолога, международного эксперта по вопросам организованной преступности, профессора Антонио Никасо** в Одесском региональном отделении Украинской Академии Наук в 2019 году.

За последние 100 лет большая часть всех глобальных событий в мире являются следствием политического маркетинга, и до тех пор, пока преступность будет иметь политический уровень, говорить о борьбе с другим криминалом просто не имеет смысла. А развязывание войны с другим государством с целью экономической выгоды, это прямое преступление, достойное трибунала ООН»,

— подытожил Dr. Мальцев

О политическом маркетинге у академика Мальцева написана не одна книга. Еще на самой первой конференции, организованной Европейской академией наук Украины, ученый сказал, что к каждой конференции будет писать книгу. И свои слова каждый раз сдерживал. Исключением не стала и эта. Несмотря на условия, в которых он находится (напомним, ученый живет и работает в Украине), в преддверии конференции он написал статью «Глобальные угрозы: предпосылки и последствия» (которая опубликована в рамках докладов Панели 1 конференции, прим. редактора), а также две книги: «Политический маркетинг» и «Городское противостояние», которые стали логическим продолжением серии «Маэстро. Последний пророк Европы» и «Тайна или преступление. Настоящая жизнь и экономика». В них академик Мальцев очень подробно рассмотрел, что такое «Политический маркетинг».

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ (УКРАИНА)

Prof. Виталий Лунев, отвечая на первый вопрос, вначале своего выступления отметил:

«Мне кажется, ответ на этот вопрос содержится в монографии Dr. Олега Мальцева «Как меня заставили изучать психо-

логию Европы. Момент истины». Однако, вопрос прогноза текущих событий связан с переносом акцентов на Азию.

И в этом контексте многое будет зависеть от оси конфликта «США — Китай» и оси «Великая Британия — Украина — Российская Федерация». Тем не менее, я бы хотел найти ответы на геополитические вопросы и вопросы политического маркетинга не в самой политике, а в культуре».

Профессор посмотрел на вопрос сквозь призму французской школы психоанализа Жака Лакана. Он подчеркнул, что независимо от наших осознаваемых религиозных убеждений, мы выросли в лоне культуры, которая ориентирована на мифы о происхождении человечества и мифы, содержащие проекции будущего, которые строго привязаны к какому-то конкретному сценарию. Это очень парадоксально, но во времена прогноза кризиса, пандемий, войн из-за неспособности символизировать происходящее в реальности, человек переходит на режим «коллективных представлений» (по Дюркгейму) и режим мифологического мышления.

Поэтому, по мнению ученого, вероятными будут те прогнозы, которые максимально близки к сценариям традиционных мифологических систем. Например, страны христианского мира связаны с известной мифологемой об ожидании Четырех всадников Апокалипсиса из Откровения Иоанна Богослова, где:

- Всадник на белом коне: Болезнь/Завоеватель
- Всадник на рыжем коне: Война/Раздор
- Всадник на вороном коне: Голод
- Всадник на бледном коне: Смерть

С учетом того, что за последние 60–80 лет особенно благодаря усилиям протестантских направлений христианства и кинематографа, идея глобального сценария будущего к концу мира, апокалипсису, перекрайке мира стала максимально известной, сейчас даже неверующие люди часто вспоминают этих четырех всадников.

«Любой сценарий должен быть одобрен, разрешен и только тогда он будет по-корно принят. А степень успешности реализации сценария будет напрямую зависеть от степени совпадения с базовыми мифами человечества. Таким способом человек пытается сделать невероятное — соединить прошлое и будущее с целью избавления от тревоги», — считает Prof. Виталий Лунев.

Говоря о политическом маркетинге, ученый отметил, что это не что иное, как известное в прошлые века явление пиратства, которое обрело несколько другую форму:

«Если раньше мы рассматривали политический маркетинг как стратегию электорального завоевания, то сейчас есть смысл говорить о политическом маркетинге, как продаже и навязывании готовых политических моделей в период пандемий, кризисов, ожидания третьей мировой войны. В этом ключе для меня политический маркетинг — это не что иное как пиратство и завоевание континентов, которое раньше называлось эпохой великих географических открытий или миссионерства».

Prof. Виталий Лунев считает, что идея политического маркетинга нынешнего времени — это идея изумления. И если террор в руках политики это преступление, то изумление преступлением не является.

DR. МЭРИ КАЛДОР (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Dr. Мэри Калдор обратилась к теме «Каскадных кризисов» —

именно так их назвал Президент Байден. По ее мнению, они свидетельствуют об исчерпании модели развития XX века (массовое производство, потребительство и милитаризм).

«Подобные кризисы в прошлом приводили к крупным войнам. Сегодня военные технологии стали очень разрушитель-

ными, и мы видим, разные конфликты по всему миру — и это гибридные войны — которые постоянно повторяются. Эти войны — некая смесь мародерства, религиозного экстремизма и так далее», — говорит Dr. Мэри Калдор.

Доктор отметила, что эскалация грозит уничтожением. Альтернативой является тупик — «вечные войны» — своего рода социальное состояние, характеризующееся преступностью, грабежами и сектантским насилием. Говоря о политическом маркетинге, Dr. Калдор подчеркнула, что тут мы имеем дело с олигархией или клановым капитализмом, чью деятельность можно наблюдать в ряде стран (и привела пример с президентом Сирии Эль-Асадом и Президентом РФ Владимиром Путиным). И это та форма маркетинга, которая в том числе происходит посредством войны. Война в Украине сильно отличается от других войн, которые я изучала (например, Афганистан или Африка).

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ (УКРАИНА)

Prof. Максим Лепский в ходе своего выступления подчеркнул, что кризисы, пандемии, война, голод и другие масштабные бедствия являются трансформирующими мироустройство событиями.

«После каждой глобальной войны формируется новая система миропорядка, новая международная институциональная и организационная основа, международное право, политика и экономика (примерами являются Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская системы)», — отметил профессор Лепский.

Поэтому ученый отметил, что помимо возможных социальных процессов, стоит также ожидать изменения международных институций и организаций, таких как ООН или Красный крест.

Отвечая на второй вопрос — о политическом маркетинге как о законном преступном явлении — профессор предложил взглянуть на этот вопрос с точки зрения политэкономики. Prof. Максим Лепский обратил внимание на любопытный пример в истории — на личность короля Бельгии Леопольда Второго. Если в Бельгии, где его ограничивали демократические правила, он слыл лучшим демократом и организатором развития, то в Конго он был известен как жестокий убийца, который реализовывал рабский режим. Как один человек может быть единовременно гениальным реформатором и мародером?!

DR. ЛЮСЬЕН УЛАХБИБ (ФРАНЦИЯ)

Dr. Люсьен Улахбид подчеркнул, что ответы на вопросы о причинах существования глобальных угроз освещены в книге «Маэстро. Последний пророк Европы», которую написал Dr. Олег Мальцев (Dr. Улахбид выступил при написании книги научным редактором).

В настоящее время, по словам ученого, мы наблюдаем, описанные в 8-й главе книги события, «восхитительные катаклизмы», когда некоторые государства оправдывают свои действия, ставя безопасность выше закона, а население планеты вынуждено это терпеть.

«Этот мир состоит из глобальных угроз, хотим мы этого или нет. Единственное, что мы можем сделать как люди — это искать объективную информацию, мыслить критически и не быть частью массы, как сказал бы Жан Бодрийяр» — подчеркнул ученый.

СМИ, журналисты, политики кормят людей огромным количеством различной информации, с которой соглашается молчаливое большинство. А после этого люди, находясь под психологическим давлением, готовы согласиться со всем, что им обещают власть имущие.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ДАННЫЙ МОМЕНТ В МИРЕ? ПРОГНОЗИРОВАНИЕ. ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ? КАКИМ БУДЕТ НОВЫЙ ПОРЯДОК? ЧТО ДЕЛАТЬ: КАК ПЕРЕЖИТЬ ПЕРЕМЕНЫ И ИЗВЛЕЧЬ ДЛЯ СЕБЯ ПОЛЬЗУ?

УЧАСТИКИ ТРЕТЬЕЙ ДИСКУССИОННОЙ ПАНЕЛИ:

- Dr. Стивен Бест
- Dr. Харви Вульф Кушнер
- Трулс Ли
- Dr. Хейкки Патомаки

«Мы превращаемся в технологических животных, которые ищут свою выгоду. У нас есть только месяцы, а не годы, чтобы решительно отреагировать на кли-

матическую чрезвычайную ситуацию»

— считает философ, профессор гуманитарных наук и философии Техасского университета в Эль-Пасо Dr. Стивен Бест.

Как раз его доклад вызвал дискуссию среди ученых на третьей онлайн-панели международной междисциплинарной конференции **«Неизвестные войны»**, посвященной глобальным угрозам. Но, обо всем по порядку.

DR. СТИВЕН БЕСТ (ТЕХАС, США)

По мнению Dr. Стивена Беста сейчас мы стоим на перекрестке истории Земли и человечества и поэтому нам нужны радикальные социальные и психологические изменения. Споры о том, вступили ли развитые общества в новый «постмодернизм», меркнут перед тем фактом, что люди привели к завершению эпохи голоцена, которая началась 11 000 лет назад, поэтому речь идет не просто о смене культурной парадигмы, а о рассвете новой геологической эпохи и конце цивилизованной жизни, какой мы ее знаем.

Он отметил, что всего 200 лет промышленного капитализма нанесли смертельный удар по равновесию Земли, а всего 70 лет назад человечество стало подобно метеориту, который с гигантской силой бьет по плане-

те, не позволяя биоразнообразию и экосистемам исцелиться и достичь равновесия. К середине XX века человечество перешло в радикально новую эпоху в истории Земли — эпоху антропоцен — этот критический момент известен как «Великое ускорение».

Влияние человека, по мнению ученого наиболее ярко проявляется в двух судьбоносных изменениях: шестое массовое вымирание в истории Земли и изменение климата, которое происходит из-за деятельности человека, и вызвано большим количеством выбросов углекислого газа в атмосферу. Dr. Стивен Бест подчеркивает, что человечество пока не добилось практически никакого прогресса в решении второй, более очевидной для людей проблемы.

«Даже мир с потеплением в 2 градуса создаст сотни миллионов климатических убежищ, массовый голод от засухи,

резкий рост заболеваемости, массовую смертность и беспрецедентную нагрузку на социальные системы. Это приведет к социальным беспорядкам, хаосу, росту террористических атак и войнам за ресурсы между странами, борющимися за последние крохи ресурсов. Это потребует контроля над населением и неизбежно приведет к росту авторитарных правительств. Все чаще законы и мораль будут уступать место социал-дарвинизму, и укоренится гоббсовская война всех против всех. Мир будет разделен на «климатический апарtheid», состоящий из немногих представителей элиты, которые смогут пережить изменения, и миллиардов людей, которые им поддадутся», — говорит Dr. Бест.

Препятствия на пути перемен не являются научными или технологическими; проблема скорее политическая, считает ученый. Более того, как известно, военный конфликт в Украине вызвал панику в ряде стран Европы из-за их энергозависимости от России. Dr. Стивен Бест отметил, что это стимулировало многие страны, включая США, Великобританию и ЕС, наращивать производство ископаемого топлива.

DR. ХАРВИ ВУЛЬФ КУШНЕР (НЬЮ-ЙОРК, США)

Харви Вульф отметил, что доклад Dr. Стивена Беста его даже слегка напугал, что непросто сделать, с учетом специфики его деятельности. Вся карьера ученого связана с террористическими актами и террористами. С конца 1960-х годов до иранской революции 1979 года он читал лекции и писал о Российской университете дружбы народов (переименованном в 1961 году в Университет имени Патриса Лумумбы в честь конголезского лидера независимости Патриса Лумумбы, убитого во время переворота в начале того же года), куда потенциальные так называемые солдаты удачи, а точнее террористы, отправлялись для прохождения индоктринации.

«Я согласен с Dr. Стивеном Бестом во многом, но я смотрю на ситуацию совершенно с другой стороны. Стандарты, которые существовали раньше, больше не существуют — понятия семьи, религии, СМИ и т. д. совсем другие сегодня и это является причиной почему мы оказались в том мире, который есть сегодня. Мы живем в мире, где технологии обогнали наше мышление. Сегодняшний мой iPhone имеет больше памяти, чем мой IBM, за которым я раньше работал. Стив, вы показали жуткую картину того, что нас ждет. Я всю жизнь занимаюсь терроризмом и имею дело с самыми ужасными качествами человека, но я не думаю, что конец будет таким плохим.»

— отметил Dr. Харви

ТРУЛС ЛИ (СИРАКУЗЫ, ИТАЛИЯ)

Норвежский журналист предложил подойти к вопросам с философской точки зрения и взглянуть на западный менталитет. В своем докладе он ссылался на работы Питера Слотердайка и Мартина Хайдеггера.

«Вульгарный ум не видит мира, он видит лишь сущее», — говорил последний.

Слотердайк описывает нас сегодня — избалованных и легкомысленных, «более неустойчивых, изменчивых и более неверных в своем существе, чем любое животное прежде». Хайдеггера больше заботило то, что все мы, подчиненные собственной воле, утратили способность отражать или действительно видеть сущность или характер технологий — как нечто гораздо более навязчивое для нашего образа жизни, чем просто технические инструменты или «протезы». Трулс Ли сказал, что его точка зрения «где-то посередине между Стивом Бестом и Харви Кушнером»:

«Думаю, сложно изменить мышление людей. Хайдеггер, например, не шел про-

тив технологий. Он говорил и да, и нет. Инструмент «нож» — не проблема — важно, как люди используют его», — говорит Трулс Ли.

DR. ХЕЙККИ ПАТОМЯКИ (ФИНЛЯНДИЯ)

«В 2006 году я сделал вывод, что трансформационный импульс глобального гражданского общества закончился. В ответ на это я написал книгу «Политэкономия глобальной безопасности», — говорит Dr. Хейкки Патомяки

Ученый считает, что в следующие 20 лет мир может пойти по нескольким сценариям:

Сценарий А:

- конфликты между государствами шаг за шагом продолжают нарастать.
- появляются региональные конфликты и глобальные перегруппировки и альянсы
- процесс включает события, в ходе которых продолжают меняться социальные

смыслы, менталитет, силы, механизмы и институты.

- создаются условия для глобальной военной катастрофы.

Сценарий В:

- мирные и демократические реформы глобального экономического управления возможны без крупной глобальной катастрофы, они смягчают напряженность

Сценарий С:

- фокусируется на более медленных процессах (изменение климата) и более локализованных глобальных катастрофах (например, ограниченная ядерная война). (изменение климата только как часть сценария В).

«Похоже, что до сих пор происходило то, что аспекты и компоненты обоих сценариев материализуются одновременно», — говорит Dr. Хейкки и отмечает, что возможно, изучение глобальных проблем, противоречий и угроз поможет создать движение, способное изменить системы управления мировой экономикой.

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ: КАК ЖИТЬ В СИСТЕМЕ, В КОТОРОЙ В ОДНОЧАСЬЕ ИСЧЕЗЛИ ВСЕ ПРАВИЛА? ВОЙНА ВИРТУАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО: ЧТО ПОБЕДИТ И ПОЧЕМУ?

СПИКЕРЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПАНЕЛИ:

- Dr. Prof. Джером Крейс
- Dr. Олег Мальцев
- Dr. Раньери Рассанте
- Dr. Элизабет Хаас-Эдершайм
- Dr. Джанфранко Лицца
- Dr. Александр Сагайдак

Говорить правду людям — это не только мужественный поступок, но и жизненно важный и необходимый для каждого человека, оказавшегося в условиях глобальной угрозы. Жизнь во лжи и неопределенности влечет за собой множество последствий, одним из которых являются «неизвестные войны».

Возникает вопрос: что делать? Что мы должны сделать? Чтобы найти ответ, очень важно понимать, с чем мы имеем дело, и быть объективным, делясь своими взглядами и подтверждая их конкретными решениями.

PROF. ДЖЕРОМ КРЕЙС (США)

Президент Европейской Академии Наук Украины (EASU) Prof. Джером Крейс (США) отметил, что в социальном мире, в котором мы сегодня живем, все равно существуют какие-либо правила, но мы с ними либо не знакомы, или же это правила, которым мы не можем следовать. Но они есть всегда. А люди страдают от случайной или целенаправленной дезинформации.

По словам ученого опросы в New York Times показывают, что **люди больше не доверяют (если вообще когда-либо доверяли) правительству или «экспертным» источникам**. Prof Крейс упомянул книгу

«Vivere l'incertezza» («Проживая неопределенность»), в которой описано что «общество потеряло веру в государство, и в науку из-за разногласий между учеными об угрозах окружающей среды и другими проблемами. Мы видим, как это повторилось во время пандемии COVID-19 и конфликта в Украине. Многие мнения оплачиваются представителями власти, которых поддерживают другие финансовые модели».

Также Prof. Джером Крейс упомянул книгу **«Маэстро. Последний пророк Европы»** — о Жане Бодрияре, в которой автор — Dr. Олег Мальцев — глубоко раскрывает тему о том, как виртуальное сегодня становится реальным для людей, и которую порекомендовал прочитать всем коллегам. В ходе своего выступления Prof. Крейс также упомянул спикера первой панели Prof. Хоскинса, описавшего виртуальную реальность, которая сегодня принимает различные формы (TikTok, Instagram и др.), что, по сути, сейчас создает новую вселенную информации.

«Это как альтернативное существование, где не только СМИ стало сообщением, но и само общество является просто информационной системой, подобной матрице. И тот, кто понимает, как работает эта система, может использовать эту систему разными способами», — говорит ученый.

DR. ЭЛИЗАБЕТ ХААС-ЭДЕРШАЙМ (НЬЮ-ЙОРК, США)

Dr. Элизабет Хаас-Эдершайм (Нью-Йорк, США) обратилась к теме Web3 — новой идее итерации Всемирной паутины

на основе блокчейна. По ее мнению, три ключевые группы влияют на политику компаний, работающих в социальных сетях:

- рекламодатели, которые контролируют потоки доходов этих платформ у источника;
- неправительственные организации, общественные организации и избиратели могут оказывать давление на правительство США, чтобы оно регулировало содержание социальных сетей;
- пользователи, которые могут решить покинуть платформу. Но это происходит редко — такие компании, как Facebook или YouTube, могут терпеть скандал за скандалом, прежде чем потребители начнут бурно реагировать.

«Мы начинаем думать о Метавселенной, которая может стать более децентрализованной — как надеются энтузиасты WEB3 — или воспроизвести модели доминирования на рынке WEB2», — говорит Dr. Хаас-Эдершайм.

По ее мнению есть два сценария дальнейшего развития этой области. В первом сценарии текущие игроки — Apple, Meta и другие — будут контролировать большую часть Метавселенной. В альтернативном сценарии триумф Web3 и децентрализованные экосистемы заменят гигантов прошлого, а новые игроки превратят Метавселенную в мозаику децентрализованных сообществ, каждое из которых будет определять свои

нормы. Каждая модель сопряжена с компромиссами, говорит Dr. Элизабет Хаас-Эдершайм. И тому, на кого в итоге выпадет ответственность в виде модерации контента, придется балансировать между децентрализацией и эффективностью, конкуренцией и безопасностью, демократией и опытом. Говоря об управлении, Dr. Хаас-Эдершайм сказала фразу, которая вызвала дискуссию с Dr. Олегом Мальцевым:

«Управление — это принятие решений вместе», — считает профессор.

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ (УКРАИНА)

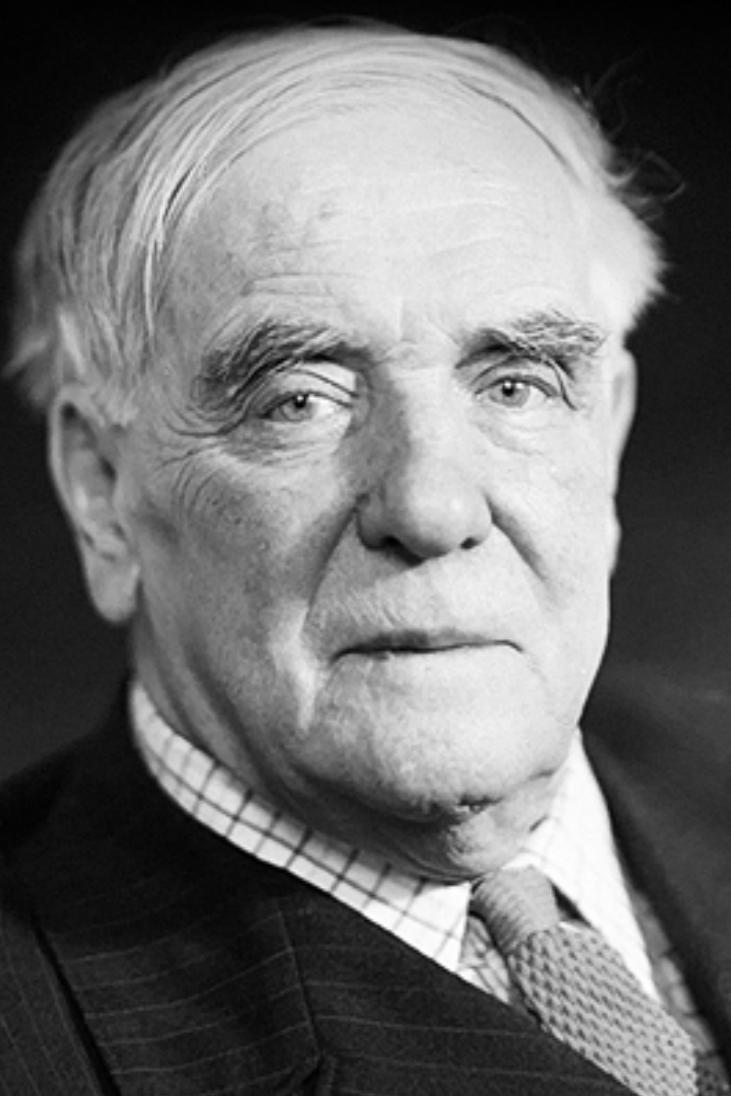
«Я занимаюсь проблематикой управления уже более 25 лет и считаю, что именно из-за этого все проблемы — из-за принятия решений вместе. При всем моем уважении к профессору Эдершайм. Но, представьте себе, если в море на корабле люди будут принимать решение все вместе? Я думаю, что с таким управлением корабль быстро пойдет ко дну. Американская модель управления у меня вызывает «восхищение». Мы вместе выбираем президентов. Все делаем вместе. А, когда случается что-то неприятное, за это никто не отвечает. Я считаю, что американская экономика не смогла бы работать, если бы она жила по этому

“ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НЕ МЕНЕЕ ОПАСНЫ, ЧЕМ СРЕДСТВА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Пётр Леонидович Капица

”

принципу. Но, вероятно, всем приятно думать, что они тоже принимают решение. Поэтому, полагаю, что настоящий американский подход такой: пусть все думают, что они тоже принимают решение».

В ходе своего доклада Dr. Мальцев поднял тему ответственности за ложь и сегодняшнем положении ученых. Он отметил, что за последние десятилетия не знает ни одного случая, чтобы государственный чиновник или журналист понес наказание за ложь обществу или своему народу:

«Два вопроса панели звучат в контексте одного предложения: что делать дальше? А так как здесь все практики, я так понимаю, что они целыми днями занимаются разрешением вопросов, что делать? Я посмотрел предыдущие три панели, в двух участвовал. И вот я думаю, кто-то скажет из ученых о том, что нужно начать говорить людям правду?! **Мы с вами просто зажились в обществе тотальной лжи.** Сегодня люди воспринимают в качестве действительности то, что им говорят, а не то, что есть на самом деле. И, когда мы говорим о каких-то правилах, они могут быть очень разными. Например, можно на уровне государства запретить говорить правду».

Мы имеем дело с заранее запрограммированной правдой. Но когда это касается обычных людей, они имеют право думать так, как хотят, мы не можем запретить людям думать. Но мы можем серьезно разобраться на законодательном уровне с теми, кто предоставляет эту информацию. Например, журналисты. За последние 10 лет я не помню, чтобы какой-то журналист понес наказание за то, что он лгал. И вот эта всеобщая ложь современной журналистики — она создает огромные проблемы в обществе на сегодняшний день. В этой связи нужно поговорить и о государственных чиновниках. Я тоже не видел ни одного государственного чиновника, которого посадили за то, что он обманывал свой народ. Видите, ложь без-

наказанна. Получается, что я, как ученый, должен доказывать каждую свою мысль, причем по несколько раз. А все остальные люди, и политики в том числе, могут говорить все, что угодно. И им верят — без доказательств. **Все, что происходит в мире, возможно только при условии полного невежества масс.**

Такое положение дел в итоге приводит к тем событиям в мире, иногда фатальным, которые сегодня происходят, и которые мы все наблюдаем. А о преступных приказах, который отдают государственные чиновники — я вообще молчу. Обратите внимание, что в последние 80 лет применение военной неконтролируемой силы стало совершенно безнаказанным.

По сути, ситуация, которая сегодня существует в мире, основана на банальных желаниях степеней влияния. **Военному, или человеку, который занимается безопасностью, все происходящее в мире очевидно. Но говорить об этом вслух у нас не принято.**

И пока все это будет продолжаться, мы будем иметь этот глобальный конфликт. И не важно, на какой базе он будет существовать. На базе пандемии, на базе войны, на базе вторжения инопланетной цивилизации... Будет меняться форма, а сущность будет оставаться та же самая.

Никому в голову не приходит отрегулировать эти моменты, которые я описываю. Ученые этих вопросов даже не поднимают. А те, кто поднимают, становятся изгоями

в науке — что тоже крайне странно, потому что наука — вещь дискутивная.

Ученые, которые обосновывают решения политиков — это нонсенс. А сегодня получается так, что ты либо будешь нищим ученым, либо ученым, который обосновывает чьи-то политические идеи. По сути, другие ученые не интересуют политиков. Когда Герд Гигеренцер написал свою книгу о том, как ученые обманывают всех людей, я думал, что она произведет фурор в мире. Но нет. Ее купили, прочитали, положили на полки и решили промолчать.

Я уже говорил много раз, пока мы не изменим эту демократическую форму правления, где все ведут себя в информационном поле безнаказанно, ничего хорошего в этом обществе не возникнет. Будет все только хуже и хуже. Можно сделать один простой вывод:

«пока все, что я описал, будет ключевыми факторами влияния в мире, мир будет находиться в таком виде, в каком он находится сегодня — в состоянии войны».

DR. РАНЬЕРИ РАЗЗАНТЕ (БОЛОНЬЯ, ИТАЛИЯ)

«Виртуальное — это новая форма реальности, которая помогает нам понимать и иметь дело с реаль-

Monday 20 January 2020 The Daily Telegraph

Technology Intelligence

Rise of the robots is inevitable if Google and Facebook won't say who is behind their clicks

It is unknowable how many online bots are fraudulent, writes James Thompson in San Francisco

I imagine you are a local locksmith and you have a computer mouse in your toolbox. Shredding your long-term memory of the mouse, you turn appeal to your local community's sense of tradition, or perhaps you are a local politician who goes to great lengths to get up to speed with the latest and greatest news of the hour. You might even be a local entrepreneur who has to constantly keep up with the latest news. But in the digital age, you might be able to do nothing at all.

For example, in the United States, Google has a feature called "Smart Reply" that suggests responses to your messages. It's a great feature, but it's also a great way for bots to hijack your inbox. And that's just one example of how bots are changing the way we interact with the world.

But the problem is, we don't know how many of these bots are actually fraudulent. And that's a problem for Google and Facebook, who are both facing accusations of using bots to manipulate their search results and social media feeds. And that's a problem for the rest of us, too.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going to continue to fuel the problem of fake news and manipulation.

It's a problem that's been around for a while now, but it's only recently become a major issue. And that's because of the rise of AI and machine learning, which has made it easier for bots to mimic human behavior and pass as real people.

And that's why it's important for Google and Facebook to be transparent about who is behind their clicks. If they can't do that, then they're only going

определенного расширяет наши возможности», — считает Dr. Раньери Рассанте.

Ученый отметил важность того, чтобы законодательные органы следили за актуальностью законов и установки существующих правил — не должно быть того, что остается нерегулируемым. Особенно это касается киберпространства. По мнению ученого, представителям правительства необходимо создать некий альянс против кибервойны, который бы был основан на создании нормативно-правовой базы, адаптированной к опасной эволюции угроз.

«Виртуальная реальность станет нашей «второй кожей», образуя новый мир; и по этой причине без этого невозможно будет обойтись в будущем: с прогрессом технологических инноваций, которые охватят всю человеческую жизнь. Я бы предпочел, чтобы реальное одержало победу. Иными словами, поскольку современный мир теперь невозможен представить без виртуального, то я считаю, что необходимо обеспечить, чтобы именно человек управлял маши-

нами, а не наоборот», — говорит Раньери Рассанте.

DR. АЛЕКСАНДР САГАЙДАК (УКРАИНА)

Dr. Александр Сагайдак (Украина) обратился к концепции социальной аномии. Согласно этой концепции, главной причиной аномии является конфликт между существующими социальными процессами и культурными ценностями, когда вторые уже не в силах регулировать, направлять и ограничивать первые.

«Я думаю, что вряд ли кто-то будет спорить, что процесс аномии уже начался, мы уже в него вступили», — говорит ученый.

Наиболее разрушительным содержанием процесса аномии является глубокая и масштабная социальная фрустрация, охватывающая целые слои общества. Когда широкие общественные массы, выполняя существующие социальные нормы, уже не получают тех социальных благ, на которые они рас-

считывают. Как отмечает ученый, в эпоху информационного общества эта фрустрация «захватывает» массовое сознание гораздо быстрее, чем в совсем ещё недавние по историческим меркам времена.

Dr. Александр Сагайдак также ссылался на Эриха Фромма, который в своих исследованиях отмечает как главную опасность аномии — шизоидное отчуждение от подлинного ощущения жизненности.

«В этом мы уже переходим ко второму вопросу нашей дискуссии — соотношении и действенности виртуального и реального, потому что шизоидизация сознания как раз и предполагает опору на виртуальную, искусственно созданную картину действительности. Картину, где симулякры заменяют собой факты, где царит чёрно-белая диахрония, где антагонизм «мы-оны» доводится до манихейской онтологичности. Разумеется, виртуальная картина мира всегда терпит крах в столкновении с реальностью. Также, как иллюзия не выдерживает со-прикосновения с фактом. И вопросом здесь должен быть не тот, что сильнее — виртуальная или реальная картина мира — а тот, сколько способна поддерживать видимость приоритетно реальности виртуальная картина, пока действительная реальность не разрушит её», — говорит Dr. Александр Сагайдак.

DR. ДЖАНФРАНКО ЛИЦЦА (РИМ, ИТАЛИЯ)

Отвечая на первый вопрос, профессор сказал, что не согласен с идеей того, что сейчас человеческое существование движется к нерегулируемым условиям. Правила для существования изменяются из-за новых интересов и экономических проблем, культурного и технологического развития и все более ненадежных условий на нашей планете, говорит ученый. Он отметил, что тем странам, которые не относятся к ведущим с экономической и технологической

точек зрения, сложнее привыкать к новым правилам.

«Развитие средств связи в реальном времени, скорость транспорта, наличие новых источников сырья и энергии, получаемая от обладания оружием массового поражения, меняют методы и отношения. Таким образом, использование новых моделей потребления и, прежде всего, последствия политической и экономической пропаганды уже манипулируют человеческим мышлением, позволяя им достигать новых целей, которые будут создавать новые правила человеческого существования», — говорит Dr. Лицца.

Dr. Лицца считает, что в будущем виртуальность в значительной степени заменит действительность, и будущие поколения будут считать реальным то, что для нас сегодня является лишь цифровым.

По мнению ученого, не существует решения для технологического и иного развития единого для всего мира, в котором численность населения достигнет около 8 миллиардов человек к концу нынешнего года.

«В прошлом воины происходили медленнее, было время подумать, теперь скорость на первом месте, о главном думают потом. Мир изменился, и сегодняшним детям предстоит выполнить работу, которую сейчас мы даже не можем себе представить. Мощь современного оружия показывает, что одна серьезная ошибка может вызвать хаос», — говорит Dr. Джанфранко Лицца.

СПОСОБНА ЛИ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА ПРОДОЛЖАТЬ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРЕЖНЕМ ВИДЕ ИЛИ ТРЕБУЮТСЯ КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ? КАКИМИ БУДУТ НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ, КОТОРЫМИ НАМ ПРИДЕТСЯ СТОЛКНУТЬСЯ ПРИ НОВОМ ПОРЯДКЕ И К КОТОРЫМ МЫ НЕ ГОТОВЫ?

СПИКЕРЫ ПЯТОЙ ПАНЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ:

- Dr. Патрик Хаттон,
- Prof. Виталий Лунев,
- Dr. Гвидо Джанассо,
- Dr. Максим Лепский

DR. ПАТРИК ХАТТОН (ВЕРМОНТ США)

Dr. Патрик Хаттон (Вермонт США) в своем докладе ссылался на работы Роберта Хейлбронера, Билла Мак-Кибена, Фрэнсиса Фукуямы. Роберт Хейлбронер в своей книге 1972 года «Исследование человеческих перспектив» сделал несколько прогнозов, в частности, он предвидел длительный переход от общества изобилия послевоенной эпохи к обществу дефицита на рубеже 21-го века с проблемами:

- Изменение климата и экстремальные погодные явления.
- Массовая миграция людей из бедных стран в богатые.
- Конкуренция между странами за ограниченные ресурсы.
- Терроризм и вечная война.

Он утверждал, что решение таких проблем потребует долгосрочного планирования и больших жертв, а значит, и переориентации приоритетов науки.

«Мы можем сказать, что ученые взялись за решение этих проблем, но общественность сопротивляется», — считает Dr. Патрик Хаттон.

Отвечая на второй вопрос, ученый обратился к теме генной инженерии. Фрэнсис Фукуяма говорил, что новые технологии могут легко изменить человеческую природу, чтобы она соответствовала идеологическим ожиданиям, а это опасная перспектива. По его мнению, биотехническая революция имеет потенциал для проекта социального контроля.

«Другая проблема: создание «лучшего» ребенка через генную инженерию. Это будет переход от генетической случайности к генетическому выбору. Но кто будет выбирать? Выбор за богатыми и знаменитыми, которые будут создавать генетический «сверхкласс»? Или вмешается государство, чтобы было некое распределение «особенностей»?», — говорит Патрик Хаттон.

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ (УКРАИНА)

Prof. Виталий Лунев (Украина) обратил внимание на тот факт, что наука не однородна и у каждой отрасли своя эволюция, свои задачи и свой язык. Безусловно, на нее влияют также запросы общества, которые отличаются в зависимости от территории. Он привел пример с Украиной, где, например, проблемы, связанные с изменением климата, не так актуальны, как другие.

По мнению ученого, будущие темы для науки будут создаваться преимущественно политикой. Он привел пример того, как в Украине при разных президентах наблюдалась политизация научных проблем.

«Например, в Украине, во время президентства Виктора Ющенко с 2004 года большинство социальных, гуманитарных и поведенческих исследований были направлены на тему голодомора. Многие ученые, кто разрабатывал эту тему, получили высокий индекс Хирша. Однако, после ухода Ющенко социальный заказ на тему голодомора уменьшился и мы видим резкий спад цитирования по этой теме», — говорит Prof. Виталий Лунев.

Говоря о будущем формате науки, ученый отметил:

«Я могу предположить, что в ближайшее время мы будем вынуждены отойти от фундаментальных тем в сторону тем, которые связаны с решением и осмыслением проблем, которые возникают в условиях глобальных политических и экономических конфликтов».

DR. ГВИДО ДЖАНАССО (КАТАР)

По мнению Dr. Гвидо Джанассо (Катар) в следующие 50 лет в науке будет больше изменений, чем за последние 400 лет.

«Мы столкнулись с интересной ситуацией, полной парадоксов. Наука принесла нам невероятный прогресс, но в то же время, никогда раньше мы не сталкивались с таким количеством вызовов и угроз», — говорит Dr. Гвидо Джанассо.

Ученый отметил, что в то же время, человечество сейчас сталкивается с серьезными проблемами. Он выделил четыре. Одна из них была описана Dr. Хаттоном, которая называется «Концом природы». Вторая — это социологическая демографическая проблема — связана с ожиданиями большей продолжительности жизни и с тем, что технологии заменяют человека на рабочих местах. Следующая — политическая проблема (яркий пример — конфликт в Украине), когда сталкиваются две стороны: авторитарная

и демократическая. И последняя проблема этического характера, выраженная в вопросе: когда должна наука остановиться, касательно интеграции человека и машин.

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ (УКРАИНА)

Prof. Максим Лепский (Украина) отметил, что наука всегда была ответом в различных формах на глобальные проблемы мира.

«Исследование «Экспедиционного корпуса» под руководством академика Олега Мальцева в 2021 году в Нидерландах показало, как революция XVI века против Испанской империи определила государство. Нидерландская наука смогла создать конкурентное преимущество против могущественной Испанской империи. Новое государство получило колоссальные научные преимущества. И примеров, когда под влиянием глобальных кризисов наука меняла свою институциональную форму, очень много», — говорит Prof. Максим Лепский.

Ученый считает, что сейчас науке нужны кардинальные изменения. Он отметил следующие:

- соединение и гармонизация научного и информационно-поискового мировоззрений;
- необходимость научной государственной политики для сохранения целостности и развития общества;
- необходимость научной международной организации науки для глобального разделения научного труда и единства для формирования человечества;
- верификация виртуального и гиперреального мира с помощью научных средств.

ТЕРРОРИЗМ, ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ФИЛОСОФИЯ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Интервью Dr. Олега Мальцева с Dr. Максимилиано Корстанье

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Писатель, криминолог, психолог, журналист-расследователь, бизнес-стратегический консультант, адвокат. Академик Европейской академии наук Украины

DR. МАКСИМИЛИАНО КОРСАНЬЕ

Писатель, эксперт по терроризму, главный редактор научного журнала о безопасности в туризме. Он является автором более 1200 статей и 35 книг

Dr. Мальцев: Я очень рад нашему знакомству. Мы могли бы поговорить с Вами о Бодрийяре и о Вашей специализации — о Ваших взглядах на терроризм, и о том, что происходит сегодня в мире.

Dr. Корстанье: Я тоже очень рад знакомству. Да, конечно. Мы можем об этом поговорить.

Я личноностью Жана Бодрийяра заинтересовался, когда он говорил, что трагедии 9/11 не произошло. Это стало для меня крайне интересным. И я также заинтересовался тем, что Бодрийяр называл «замечательной катастрофой». Помимо этого, в США я работал с неким социологом Энрико Па-

лантери, который является отцом учения о катастрофах. В живых, к сожалению, его уже нет.

Что самое важное сделал Жан Бодрийяр? Я считаю — это три вещи: понятие «обратимости», понятие о «восхитительной катастрофе», и третья — это концепция о псевдособытиях.

Dr. Мальцев: Давайте каждую концепцию рассмотрим подробнее.

Dr. Корстанье: Первое, это концепция «обратимости». Ее легко можно понять на примере политических структур. Например, любая политическая структура (будь это в Аргентине, США или Турции — в любой стране), чем больше эта структура как институт расширяется, тем больше возникает внутри разрушения. Мы это четко видим на примере пандемии COVID-19. США, на первый взгляд, сильная страна, но из-за какого-то вируса она находится сейчас (на 2020 год, прим. редактора) в очень плачевном состоянии.

Dr. Мальцев: Я правильно понимаю, что чем больше конструкция, тем она уязвимее?

Dr. Корстанье: Да, можно и так сказать. В том числе. Нужно понимать, что мы сами себя разрушаем. Мы, создавая некую структуру, начинаем ее разрушать. И нужно понимать, что это понятие «обратимости» — оно не принадлежит Жану Бодрийяру. Происхождение этого термина идет еще от древних

философов, а Бодрийяр его просто использовал для иллюстрации примеров.

Dr. Мальцев: Мы можем переходить ко второй концепции — «восхитительной катастрофе».

Dr. Корстанье: Данная тема о «восхитительной катастрофе» — одна из тех, которая сильно привлекала Жана Бодрийяра. Когда были взорваны Башни-близнецы, Бодрийяр, безусловно, смотрел не на сам террористический акт, но хотел изучить то, как терроризм влияет на общество. Существует также пример, когда в Чикаго полицейская группа пыталась найти преступников: она делали все возможное, чтобы предотвратить преступление еще до того, как его совершил. И Бодрийяр говорит, что СМИ публикуют некоторые новости, создавая мифы для людей, индоктринируя эти вещи для людей, которые никогда не существовали.

Dr. Мальцев: Какова цель этих «восхитительных катастроф»? Это рукотворные вещи или они происходят по стечению каких-то обстоятельств? Т.е. это инструмент в чьих-то руках или неизбежное последствие нашего общества?

Dr. Корстанье: Я так не считаю. Но с точки зрения Жана Бодрийяра, все эти происшествия выдуманы СМИ для того, чтобы создать псевдореальность. Но, опять же, повторюсь, что я не склонен придерживаться такого же мнения.

Dr. Мальцев: Мы поговорим с вами отдельно о том, какая ваша точка зрения на этот счет. А пока давайте перейдем к третьей концепции.

Dr. Корстанье: Когда мы говорим о псевдособытиях, то это напрямую связано с «восхитительными катастрофами», а также с понятием «конец истории». Дело в том, что по Бодрийяру наша реальность — пустая, и по этой причине она мутит в псевдореальность, а из этой псевдореальности образуются такие события как пандемия COVID-19, как террористический акт 9/11, которых не существует. Они создаются СМИ, а люди это потребляют, потому что по большей своей части — это массы: они не задаются вопросами своей истории. Соответственно — живут только в будущем.

Dr. Мальцев: Но мы ведь прекрасно понимаем, что взрывы Башен в Нью-Йорке были физически видны, и Бодрийяр был достаточно высококультуральный человек. Может он что-то иное имел в виду?

Dr. Корстанье: Жан Бодрийяр имел в виду,

что мы не знаем причин этого события. Да, Башни были взорваны. Но мы не знаем, почему это произошло. Скорее всего, Бодрийяр думал, что это было сделано для создания шоу. Также как Дональд Трамп придумывает новости, которых не существует, чтобы создать шоу и эту реальность наложить на людей. Бодрийяра критиковали очень многие люди, но я думаю, что он имел в виду именно то, что причина неизвестна.

Dr. Мальцев: Почему же неизвестна? События, которые последовали после взрыва Башен-близнецов, хорошо известны всему миру — это война в Ираке.

Dr. Корстанье: Есть же такое понятие как «симулякр», который порождает другие события. Т.е. на самом деле этого события не существует. И террористические атаки все создаются для того, чтобы оправдать принятие новых правил.

Dr. Мальцев: Абсолютно верно. По сути, мы имеем необходимость войны в Ираке, потому что нам нужна нефть и прочие вещи. Это эко-

номика. Это политика. Что мы делаем? Нам же нужно как-то начать войну в Ираке. Следовательно, берем Башни-близнецы, организовываем террористический акт. Это приводит в ужас Соединенные штаты Америки, народ требует отмщения. Американская армия вторгается в Ирак, не встречая никакого сопротивления. В Ираке всех наказывает — справедливость восстановлена, установлено новое правительство. Американские корпорации получают за это весь нефтяной бизнес Ирака в полном объеме. Так как тогда президентом США был Джордж Буш младший, а он тихо, и его бизнес — это нефть, то, по-моему, все крайне логично.

Dr. Корстанье: Именно это хотел донести Жан Бодрийяр. Это то, что позволяет вторгаться и создавать односторонние новые правила, будь то Ирак или Афганистан. Именно так.

Dr. Мальцев: Позвольте я задам вопрос. Вот у нас есть глобальные мировые угрозы. Как, с Вашей точки зрения, мы бы могли их систематизировать? Есть ли у Вас некая их классификация?

Dr. Корстанье: (...)

Dr. Мальцев: Давайте, тогда я классифицирую. Первое — это терроризм. Второе — это эпидемии.

Dr. Корстанье: Да, я согласен.

Dr. Мальцев: Третье — это некие «шоу». Что я здесь подразумеваю? Это то, что вы называете «климатом», «климатическими катастрофами», глобальным мировым мошенничеством. Это все — театральные постановки. Все же прекрасно понимают, что никакой климатической угрозы у нас не существует, но все сознательно создают это «шоу» для того, чтобы организовывать на этом сборы и получать большие средства, чтобы их распределить. И таких способов — масса. По сути, это придуманная проблема, которая специально глобализируется для того, чтобы

собирать на решение этой проблемы деньги, а потом все бюджеты распределять. Это некая театральная постановка, в которую все должны резко поверить.

Dr. Корстанье: Да, я с этим согласен.

Dr. Мальцев: Давайте поговорим как раз об эпидемии COVID-19. Как Вы думаете, почему возникла эта проблема?

Dr. Корстанье: Произошла глобальная истерика. И я написал об этом заметку для Университета Лидс. Конец капитализма наступил, потому что произошел конец гостеприимству. Закрыли все границы. Если вы помните, раньше иранские террористы охотились за знаменитостями и даже за королевой. А сейчас получилось так, что каждый человек стал террористом, каждый человек может быть разносчиком болезни, каждый человек уже убийца, потому что он может быть заражен вирусом.

Dr. Мальцев: По сути, все началось в некой провинции Китая. И если бы Китай был разумным государством, закрыл бы свои границы на въезд и выезд то, безусловно, в итоге ничего бы подобного не произошло. Потому что разнести вирус по миру можно только с помощью самолета. Если бы прервали авиасообщение с Китаем, пока там все

не выздоровеют, никакой бы пандемии не было. Это первый этап.

Второй этап. Попыхнула Италия в Европе. И если бы правительство Италии тоже изолировало бы очаг и вылечило бы в нем всех людей, то в Европе бы также не было коронавируса. Но итальянское правительство этого почему-то также не сделало.

Dr. Корстанье: Да, вы все верно говорите. Китай настолько поздно отреагировал, что, когда все уже началось, бизнесмены свободно ездили туда и обратно. Вторая проблема в том, что в США и Европе система здравоохранения уже была настолько шаткой, что мы не справились.

Dr. Мальцев: Тогда очень интересно получается. После Китая и Европы вирус пошел дальше и распространился по миру с помощью аэросообщения. Если взять самые примитивные цифры — количество заболевших коронавирусом (по сути, все эти данные лживые), но возьмем официальную статистику: в Америке заболело какое-то количество людей. Если взять процентное соотношение этих «заболевших» к общему

числу населения США, то у нас получается лишь 1% от всей массы людей в государстве, или даже меньше. В таком случае мы можем назвать это эпидемией?

Dr. Корстанье: Честно, у меня даже нет ответа на ваш вопрос. Есть много теорий о том, что произойдет с миром, что половина населения болеет... Сам вирус COVID-19 меня не интересует, скорее интересуют его последствия.

Dr. Мальцев: Вот «произойдет» — это будущее время. Итак, у нас есть некое будущее. По сути, эпидемии нет. Но есть «будущая» эпидемия. Нас пугают этой будущей эпидемией, выдавая ее за эпидемию настоящего времени. Это то, что есть сейчас, здесь. Вот что происходит. Средства массовой информации говорят, что потенциально вы можете попасть в некую эпидемию, в которой умрет огромное количество людей, но почему-то все это говорится в настоящем времени, а не в будущем. Т.е. они говорят, что у нас уже сейчас эпидемия. Мы смотрим на те же лживые цифры Всемирной организации здравоохранения и, если брать государство США, то это

лишь до 1%. И это общее число не умерших, а именно заболевших. Если же брать Украину, то у нас будет какой-то мизерный 0,000...% населения, заболевших этим вирусом. Но всех — пугают будущим. Здесь возникает вопрос: как они рассчитывают это будущее? Т.е. откуда им известно, что это будет будущее? Просим их предоставить методику расчета, т.е. как они считают? В ответ нам говорят, что методики — нет. Вместо методики у них есть мнение специалистов. Каких специалистов? Не понятно. И часто об этой проблеме высказываются не вирусологи (кто должен об этом говорить), а специалисты вообще каких-то других, непрофильных областей. Например, недавно в Англии написали статью о пандемии, и авторами ее были специалисты по глобальному потеплению. Какое отношение они имеют к эпидемиям, я не знаю. Но вот, что получается: нам создают некую симуляцию, выдавая будущее за настоящее. В результате мы имеем такую конструкцию. Я бы хотел узнать Ваше мнение об этой конструкции.

Dr. Корстанье: То, что вы нарисовали — это как раз то, о чем говорил Жан Бодрийяр, о восхитительной катастрофе. Это и есть суть

симулякры. Именно так она и создается. Дело в том, что людей загнали в машину будущего, которая не существует, она нереальна. Именно так все и происходит.

Dr. Мальцев: Тогда у меня возникает вопрос. А можем ли мы сказать, что это некий инструмент маркетинга?

Dr. Корстанье: Думаю, да. Это некий инструмент, который позволит реструктурировать мировой порядок.

Dr. Мальцев: Спасибо. Я очень рад был знакомству. И благодарю Вас за удаленное время и Ваши пояснения.

Dr. Корстанье: Спасибо и Вам. Был рад знакомству.

Апрель, 2020 год.

*Dr. Олег Мальцев,
Dr. Максимилиано
Корстанье*

ОБРАТИМОСТЬ, ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ КАТАСТРОФА И ПСЕВДОСОБЫТИЕ

МАРИНА НИКОЛАЕВНА ИЛЬЮША

руководитель НИИ «Международное судьбоаналитическое сообщество»

Частенько слышим: сегодня мир изменился. Подумаешь — новость. Он, что же, до сих пор не менялся? Да менялся, ещё как. Мир изменяется постоянно. И это — не открытие наших современников. Ещё древние о таком явлении говорили-писали в подробностях. Гераклит не позднее 480 года до нашей эры утверждал, что всё течёт и всё изменяется. И что нельзя дважды войти в одну реку. Казалось бы, кому же со школьных лет не надоела эта притча. А вот, поди ж ты — всякий раз изумление: мир изменился!

Вот жил-был в Европе человек некий, которому очень не нравилась такая закономерность. Вся его душа, весь его ум протестовали против неё. Много лет трудился, открывая людям правду. Поначалу его слышали немногие, — даже те, кому это тоже было не очень по душе, но которые с младых ногтей были убеждены: се ля ви, такова, мол, жизнь. Увы, многие люди почему-то (почему-то!) предпочитают смиряться со сложившимся злом, нежели принимать добрые перемены. И однако же, вода камень точит: с течением времени все больше

Да. Но — при всей этой диалектике — есть всё же и вещи неизменные. Например, человеческая власть, человеческая жестокость, человеческие пороки и прочее, увы, не вполне человечное и даже вполне бесчеловечное, но — чисто человеческое. Людям при власти, считающим себя умнее всех и действующим «определенными» методами, часто кажется, что никто вокруг этого не знает, не замечает и не понимает...

и больше людей прислушивались к словам человека, о котором — речь. И оказался он в небольшом числе самых одиозных борцов за правду в мире. Вот во имя этой самой правды, будучи философом и социологом, он не побоялся противопоставить себя всему мировому сообществу, так или иначе уживающемуся с неправдой. И звали его, и зовут **Жан Бодрийяр**.

Явления, которые мы будем рассматривать в данной статье, имеют новый оттенок. Но кому же не известно о том, что все новое — это хорошо забытое старое. Например, когда мы наблюдаем использование тезиса безопасности, как мотива резких изменений в государстве, припомните Франциска I: разве после поражения в битве при Павии Карлу V он не поступил точно также, как впоследствии пишет Жан Бодрийяр? Франциску I принадлежат слова: «Франция превыше всего!» — и поэтому он не будет выполнять взятые на себя обязательства. А разве не на тезисе безопасности Республики Труда зиждилось долгое время её практическое правосудие, никакого отношения к правосудию не имевшее (не говоря уже об обязательствах, которые взяли на себя в канун революции её вожди). Адольф Гитлер тоже провозгласил: «Германия превыше всего!», после чего поставил на конвейер угнетение, изоляцию и убийства людей. И перед своим исчезновением оставил в руинах ту самую Германию, да и разрушенную половину Европы в придачу.

При этой смете — можно ли, не будучи семи пядей во лбу, заметить что-либо новое, доселе не наблюдалось в том, что происходит сегодня вне нас? Однако стоит только развернуть обертку этой «конфеты» в мире, где повсеместно царят иллюзия, симуляция и гиперреальность, и уже непонятно, что правда, а что — нет. Разобраться в этом под силу только такому великому человеку, как Жан Бодрийяр.

ДАЛЕЕ ПОЙДЕТ РЕЧЬ О ТРЕХ КРАЙНЕ ВАЖНЫХ ЯВЛЕНИЯХ И ПОНЯТИЯХ, ВВЕДЕНИХ ЖАНОМ БОДРИЙЯРОМ — «ОБРАТИМОСТИ», «ВОСХИТИТЕЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ» И «ПСЕВДОСОБЫТИИ».

Начнем с такого понятия, как «обратимость». Из механики и кибернетики давно известно, что чем сложнее система, тем быстрее она ломается. Чем массивнее конструкция, тем она более уязвима. Но самое главное — здесь нет понятий маневренности и немедленного реагирования. В своих трудах Жан Бодрийяр писал, что государства в том виде, в котором они сегодня существуют, неспособны реагировать на глобальные угрозы, такие как, например, пандемия. Все это очень напоминает сцену из фильма Богомолова «В августе 44-го», когда он говорит: «Сколько у нас органов нужных! А еще больше ненужных... Трех человек поймать не можете».

Проведём эксперимент, ради чистоты которого скальпелем сослагательного наклонения вскроем прошлое. Ну, как в школе учили — с помощью частицы «бы», через субъективное отношение, представим возможное, предположительное, желательное или описываемое действие.

Если бы, например, Сталин в конце 1920-х приказал ликвидировать пандемию и дал бы на это... скажем, трое суток. Знатоки той эпохи не посоветовали бы сомневаться в том, что та эпидемия была бы ликвидирована. И именно — не позднее трех суток. А может быть — и за двое суток. Досрочно. Потому что Советский Союз обладал уникальной системой реагирования.

Когда Сталин оказался у власти, близкой к абсолюту, страну лихорадили всевозможные проблемы, беды-злосчастья. Каким могло быть наследство русско-японской, империалистической, гражданской войн и интервенции — плюс непрерывная склоки вождей в верхах (пока не перерезали друг друга, как баранов). В их числе — и эпидемии чумы на Востоке, басмачества на Востоке и бандитизма повсеместно. Через очень короткий промежуток времени эпидемии ликвидировали, басмачей частью прогнали, частью «пустили налево». То же — бандитов. Да, можно сказать — навели порядок. Сталин отработал уникальную систему и механизмы реагирования на глобальные и внутренние угрозы, которыми на сегодняшний день ни одна страна в мире не располагает. **Дело в том, что в те времена все хорошо знали: оргвыводы последуют незамедлительно, соответственную оценку получит твоё отношение к делу.** Конечно, не только поэтому, но и поэтому тоже граждане старались выполнять свою работу очень качественно. Как говорится, себе дороже...

Сегодня глобальные угрозы носят для государства разрушающий характер. Центральный аппарат, пассивные структуры, различные департаменты и современное общество, похоже, просто не способны точно и быстро реагировать на сложные ситуации. Не только и не просто предположения разумных и трезвых граждан, но теперь уже и практика — критерий истины — наводит на мысль об элементарной неспособности

созданной структуры бороться с пандемией. И о невозможности реконструкции созданной и ныне действующей системы. Чтобы все перестроить, необходимо, как пелось в одном партийном гимне, все разрушить до основания, а затем построить заново. Потому что нечто вроде хаоса порождает и поддерживает сама структура, призванная с ним бороться. И касается сие не одного лишь богоспасаемого нашего Отечества; стоит только вспомнить, с какой скоростью отреагировали на эпидемию в Италии, Германии и других странах: прошел почти месяц, пока они спохватились, а реагировать нужно было в тот же день, когда об эпидемии стало известно. Локализовали бы Италию — ничего бы этого не произошло. Вместо этого, напуганные итальянцы стали... массово эмигрировать из Италии. И, соответственно, разнесли эпидемию по всей Европе. **Именно эти механизмы обратимости точно предвидел и подробно-убедительно описывал Бодрийяр:**

когда политика фатальна, тогда все идеи, все задумки этой политики против них же и обращаются.

Обратите внимание на очень важный момент обратимости, о котором писал Бодрийяр. Когда итальянское правительство, наконец-то, поняло, что случилось (дошло!), и осознало масштабы всей ситуации, оно, конечно же, постаралось предпринять какие-то меры. Но за этим последовали акты гражданского неповиновения. В 28 местах лишения свободы начались бунты уголовников, грабежи и погромы. Родственники заключенных начали выбивать стекла в полицейских участках. В это время на Юге Италии еще вообще не было эпидемии. Но премьер-министр Италии сказал: «Делайте, что хотите», и итальянцы массово рванули на Юг. Что привело к быстрому распространению вируса и заражению людей в других регионах страны. Особенно сильно пострадал Неаполь. Таким образом, неверные действия правительства привели к тому, что была заражена практически вся Италия, и теперь это исторический факт. Именно на примере Италии лучше всего видно, как сработала обратимость.

Другой яркий пример имел место тоже в Италии: дедушке с положительным диагнозом Covid-19 попросту наскучило лежать в больнице. Он сбежал. И не просто сбежал, нет: посетил всех своих дорогих и любимых родственников. Само собой, перезаражал их — всех. Пришлось отлавливать и дедушку, и его родственников. Данный пример показывает, что поведение премьер-министра абсолютно идентично поведению этого дедушки. Но ведь дедушка не обличен доверием общества и обязанностями государства. В этом и заключается обратимость.

Братья Стругацкие в своих произведениях «Беспокойство» и «Улитка на склоне» описывали такое понятие, как «одержание».

Одержанение — процедура, происходящая с аборигенными деревнями после депортации женщин. Обычное значение слова «одержимость» — состояние, промежуточное между увлеченностю и психическим заболеванием. По-видимому, жители Леса не знают о депортации до момента ее начала, их представление об одержании тоже, по-видимому, далеко от истины: «Треугольная поляна была залита черной водой, и вода прибывала на глазах, наполняя глиняную впадину, затопляя дома, бесшумно крутясь на улицах. Кандид беспомощно стоял и смотрел, как исчезают под водой окна, как оседают и разваливаются размокшие стены, проваливаются крыши... Плавно прогнувшись, бесшумно канула в воду крыша плоского строения. Над черной водой словно пронесся легкий вздох, по ровной поверхности побежали волны, и все кончилось. Перед Кандидом было обычное треугольное озеро... «Я знаю, как это называется», — сказала Нава. У нее был такой спокойный голос, что Кандид поглядел на нее. Она и в самом деле была совершенно спокойна и даже, кажется, довольна. — «Это называется ОДЕРЖАНИЕ», — сказала она; «...А может быть, и тогда они не спохватятся — просто скажут: «Нельзя здесь больше жить — Одержанение». И уйдут строить новую деревню...».

(с) «Улитка на склоне» (серия книг «Мирь братьев Стругацких»).

«Одержение» и «обратимость» — абсолютно тождественные понятия. Рано или поздно подобного рода структура сама себя потопит — таков непреложный закон нашего капиталистического общества потребления в современной его форме. Сегодня наступила посткапиталистическая эра. Жан Бодрийяр называл ее «фрактальной». Люди вышли за рамки капитализма. Капитализм — это свободный рынок и свободная конкуренция на рынке. Но вся проблема в том, что сегодня... рынка не существует. Люди всё чаще ощущают и даже понимают: глобальные угрозы — терроризм, пандемия, «театральные шоу», техногенные катастрофы, землетрясения, космическая незащищённость Земли — нынешнему государству неподвластны. Именно обратимость не позволяет каким-либо способом на это реагировать, встречать опасности, как говорят военные, на дальних подступах, предупреждать проблему и принимать меры на ранней стадии. Нынешние государства неспособны быстро и качественно справляться с этими проблемами. Иными словами, не способны делать то, ради чего их и наняло общество. Паниковать, метаться, творить хаос и губить самих себя общество может и без государства...

Другой крайне важный и очевидный момент связан с тем, что все эти вещи являются инструментами маркетинга в руках частного капитала. В одном из интервью с профессором **Максимилиано Корстанье (Maximiliano Korstanje)** академик Мальцев О. В. спросил: «Эпидемия — это инструмент маркетинга?», и профессор ответил просто-ясно-определенным:

«Да, это некий инструмент, который позволит реструктурировать мировой порядок»

По сути, подтверждая то, что этот инструмент маркетинга находится в руках неизвестных людей «Х», которых никто не знает. Это специально инспирированная система, позволяющая капиталу добиваться сверхприбыли, задействовав целые государства. Своего рода гибридные войны, под видом несения всем демократии, на самом деле направлены на захват рынка и ресурсов государства.

Например, почему 11 сентября 2001 года башни-близнецы Всемирного торгового центра в США подверглись террористической атаке? Так ли уж нелогичны те, кто предположил, что Джордж Буш-младший, задействовав частную спецслужбу, спровоцировал террористический акт? Только вдумайтесь в суть этого предположения: сам президент США угрошил три тысячи своих соотечественников! И уже доказано, что взрыв Башен произошел изнутри, а не по причине того, что в них врезались самолеты. Об этом даже был снят документальный фильм «Фаренгейт 9/11», который, «по странному стечению обстоятельств», запрещен к просмотру в Соединенных Штатах Америки.

Дело в том, что нельзя просто так что-то взять и взорвать. Необходимо, чтобы обязательно были виновные. А виновных нужно, как говорится, тащить к ответу. Учитывая «великолепные» отношения Д. Буша и семьи Усамы Бен Ладена, у которых, как известно, был совместный бизнес, стало возможным обосновать войну в Ираке подобного рода терактом. Появился враг, который напал на США, создав такую жуткую катастрофу

и трагедию для всего государства, после чего американская армия атакует Ирак, не встречая практически никакого сопротивления. Оккупируя Ирак, они устанавливают там новую администрацию и по сей день прекрасно себя чувствуют на этой территории.

Как известно, на тот момент времени в Ираке не было ни одного американского солдата, они давным-давно покинули Ирак. В свою очередь, в Германии была организована база «Рамштайн», где собирались наемники со всего мира, которых на американском самолете отправляли в Ирак. За это им платили \$5000 в месяц, а впоследствии давали американское гражданство.

Ещё немного истории: далеко не всеми забыта гипотеза в виде слухов, разошедшаяся в своё время в обществе — о том, что гибель одного из мощнейших флотов Америки в Перл-Харборе (декабрь 1941 года) связана с нежеланием большинства Парламента США воевать с Японией. Пресса сообщала о неудачных попытках Президента убедить парламентариев в необходимости объявления такой войны. Массированная атака японской морской авиации, погубившая за один-два часа линкоры, крейсера, эсминцы, тральщики и несметное число состава, привела парламент к объявлению Америкой войны с Японией. Во что это вылилось и чем завершилось — знает даже и самый ленивый. Разумеется, нормальному человеку трудно поверить в то, что ради того или иного политического акта глава державы иже с ним могут, пардон, выкинуть такой номер. Но ведь дыма без огня — не бывает...

Как отогнать от себя мысли о том, что сегодня для решения своих оперативно-тактических и финансовых задач правительство может использовать подобного рода методы — масштабные катастрофы, чтобы все всполохнуть. Для выстраивания системы необходим капитал (или человек, им обладающий), который приводит к власти свое правительство и президента, при этом обладает собственным аппаратом, не имеющим никакого отношения к государственному, и состоит из разного рода частных структур, в том числе и военных, которые вне контроля государства и вне политики. Это некие Х-системы, которые никому не известны.

Схема работы далее очень проста. **Х-структура создает угрозу безопасности, она же назначает и виновных, так как у нее свой президент, свой аппарат, государство в ее распоряжении, и все это действует для того, чтобы выполнить поставленную задачу.** Возникают своего рода две клешни, как две руки — видимая и невидимая, которые якобы создают угрозу безопасности. Обыватель начинает нервничать, тревожиться. Безопасность становится превыше всего, что позволяет нарушать закон, любые законодательные акты, в том числе и международные, обосновывая это безопасностью и целесообразностью. Потрясающая экономическая схема, в которой можно нарушать все что угодно, чтобы получить желаемый результат. Такого рода схемы проворачивались в США тысячи раз, начиная еще с войны на Балканах, когда они обстреляли Белград крылатыми ракетами. Правительство США не раз использовало такой подход для решения собственных задач.

Рассмотрев понятие обратимости, и разобравшись, какие методы используются для решения разного рода задач в мире, мы подошли к следующему явлению, которое называется «восхитительная катастрофа».

Восхитительная катастрофа — это миф о катастрофе. Катастрофу можно ожидать, можно пережить, а можно и придумать. Определенные визави предпочитают придумывать катастрофы самостоятельно, потому что катастрофы им очень нужны для обоснования своих действий. Таким образом, возникла целая теория и целая наука, исследующая катастрофы.

Существуют также частные спецслужбы, которых обучают совершать диверсии на очень высоком уровне подготовки. Что такое диверсия на высоком уровне подготовки? К примеру, это может быть какая-то техногенная катастрофа. Подобные спецоперации проводятся настолько мастерски, что никому и никогда даже в голову не придет — это был спланированный теракт или диверсия. Все произойдет абсолютно естественно.

Технологические диверсии становятся главной инструментальной частью

бизнеса. Сегодня они уже превратились в элемент маркетинга. Это ново только для людей, несведущих и не понимающих, о чём идет речь. Советский фильм «Одиночное плаванье» был снят по такому сценарию и хорошо показывает, что для подобного рода диверсий СМИ, сообщения и все условия готовятся заранее. Все, что сегодня происходит в мире, никаким новшеством не является. Фильм «Одиночное плаванье» демонстрирует, как готовится и организовывается восхитительная катастрофа: некий сенатор вытаскивает из заграницы двух военных, служащих далеко от этой территории, чтобы их не посадили на электрический стул в США, и ставит им задачу организовать потопление лайнера с помощью крылатой ракеты при определенных обстоятельствах и в определенное время, чтобы обвинить во всем Россию, а затем... да-да, увеличить закупку оружия государством. Такие же приемы используются в бизнесе. Чтобы заставить Конгресс США покупать оружие, необходимо создать инцидент, который спровоцирует Конгресс США на закупку нового стратегического вооружения.

Сегодня существуют тайные школы и системы подготовки частных спецслужб, куда отбирают людей. Их обучают и повышают их квалификацию для выполнения тайных операций, а затем они организовывают все элементы маркетинга, например, такие как пандемия.

Под термином «**тайные операции**» следует понимать всякую деятельность, которая проводится или поручается для проведения правительством против враждебных иностранных государств или групп, или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются таким образом, чтобы исключить любую ответственность правительства Соединенных Штатов за них и чтобы, если откроется роль правительства Соединенных Штатов, оно имело право отказаться нести любую ответственность за них. В частности, эти операции могут включать любую

скрытую деятельность, относящуюся к пропаганде, экономическим военным мерам, прямым превентивным действиям, включая саботаж, антисаботаж, разрушение и эвакуационные меры, ниспровержение враждебных государств, включая помощь подпольным движениям сопротивления, партизанам и эмигрантским либеральным группам, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в притесняемых странах свободного мира. Такие операции не будут включать конфликты с помощью известных вооруженных сил, шпионаж, контршипионаж, а также предлоги и ложь для развязывания военных операций.

(из директивы 10/2 Совета национальной безопасности США).

Жан Бодрийяр называл это «фракталами». Фрактал — это геометрическое время, определенная ситуация; когда жизнь состоит только из ситуаций, сменяющихся фрагментов, как в калейдоскопе. Фрактал проще всего определить, как геометрическую форму, содержащую в себе повторяющиеся элементы в любом масштабе. В книге «Пароли. От фрагмента к фракту» Бодрийяр пишет:

«Мы обращены, с одной стороны, к фрагменту, а с другой стороны — к фракталу».

Философия Бодрийяра как раз описывает этот период человечества как фрактальную эру, то есть фрагментарную жизнь, и представляет ее как фрагменты от катастрофы до катастрофы, от пандемии до пандемии, от неготовности к новой неготовности. Жизнь выглядит, как кадры из фильма, короткие интервалы времени, кратковременные ситуации или фрагменты.

Согласно трудам Жана Бодрийяра, существует молчаливое большинство, или отсканированные массы. Они составляют 75%, и это они выбирают таких правительей, которые в их жизни, переменной по самой природе, ничего менять не хотят. Например, они проголосовали за Меркель, которая теперь в ситуации пандемии не знает, что делать и совершает незаконные действия. Наверное, это потому, что ни один немец из 75% не желает изменений в своей жизни, так как их все устраивает — кредиты, зарплата, автоматическая жизнь. А точнее, их все устраивало до пандемии. Людей, которых что-то не устраивает, загоняют в более худшие условия, таким образом, «закручивая им гайки». И тогда они начинают

кричать «отдайте нам наше плохое вчера!». Потому что молчаливое большинство не желает никаких перемен — оно хочет есть попкорн и смотреть шоу.

Используя такие методы работы, правительство и частные структуры губят не только дело и сограждан — в конечном счёте, сами себя погубят. Потому что, как писал Бодрийяр, терроризм, восхитительные катастрофы и прочие вещи сотрясают мир и очень сильно пугают общество. Общество начинает бояться и думать, что с этим делать, а этого ни в коем случае допустить нельзя. Нельзя, чтобы общество начало думать, главное, чтобы оно было послушным.

Пандемия 2020 года заставила общество думать. Общество строго разделилось на две части — сторонников пандемии и противников пандемии. В Сети образовалось два лагеря. Сторонники одного лагеря говорят: «Вы лжете! Никакой пандемии нет!». Сторонники другого лагеря утверждают: «Пандемия — это очень серьезно! Пик пандемии еще впереди!». Поэтому поводу выступают даже профессора и нобелевские лауреаты. Идет открытое противостояние двух сторон.

Такие методы можно использовать очень редко — раз в пятьдесят или сто лет. Но люди, которые применяют подобного

рода методы работы, допустили краеугольную ошибку — они начали это слишком часто использовать. Почему? Вероятно, это позволяет зарабатывать большие деньги.

Важно понимать то, что это не государственные структуры, а частные лица, которые владеют и правительством, и частными спецслужбами, и иными средствами реализации подобного рода задач. Сегодня государства неспособны противостоять тому, что происходит в данный момент времени. Поэтому у людей возникают вопросы «зачем нам государство?», «зачем нам правительство, которое не может справиться с такими проявлениями агрессии и террористическими угрозами, как пандемии и прочее?». Как тут не припомнить эпизод кинофильма «Николай Бауман». В ходе волнений 1905 года проезжающий Москвой в экипаже генерал-губернатор с супругой увидели, как на простой телеге с соломой несётся Савва Морозов. Тот самый, купец первой гильдии и раскапиталист. Савва Тимофеевич в запале прокричал что-то о безобразиях на его предприятиях: мол, рабочие митингуют, ломают импортные станки, купленные за валюту. И в ответ на лепет генерала — «Правительство бессильно!» Морозов зычно бросает:

«Правительство не может быть бессильно. Если оно бессильно, то это — не правительство, а дермо!».

Оно конечно, то дело происходило ещё в мрачную эпоху царизма. Но ведь и сегодня очень многие наши современники возмущены действиями правительства. Или, точнее, его лжедеятельности, непродуктивности так как оно не смогло ничего сделать в борьбе с пандемией, кроме как изолировать частично население государства в собственных квартирах, объявив карантин. Но сколько общество может просидеть в четырех стенах у себя дома? Да и за последние три десятка лет с гаком — так ли уж оно позаботилось о том, чтобы у всех граждан была для этого соответствующая квартира? Многие, очень

многие почувствовали: тупик. Дальше — рухнет экономика. Правительству, которое привело страну в такую ситуацию, вероятнее всего, нужно уходить в отставку.

Так выглядит восхитительная катастрофа, которую сегодня создают при помощи средств массовой информации. Для создания восхитительной катастрофы задействуются три элемента:

- **сценаристы;**
- **СМИ;**
- **ученые.**

Система состоит из трех элементов. В ее вершине стоят сценаристы, у которых две руки — СМИ и ученые. Сценаристы разрабатывают сценарий, который реализуют СМИ, а ученые подкрепляют его своим компетентным мнением. Подводят, так сказать, теоретическую базу. Для обоснования тех или иных данных нужны ученые, которые будут писать статьи, книги, давать интервью, выступать на конференциях и обосновывать, почему нужно сделать именно так, как необходимо для сценаристов. Посредством СМИ идет массированная атака на психику человека, что обеспечивает нахождение населения в постоянном страхе.

С другой стороны, создается контрсистема, которая начинает критиковать пандемию, выпуская новости, что в Испании пустые больницы, а в Италии давно уже нет коронавируса, тем самым загоняя человека

во фрагментарное состояние, а по сути, в состояние хаоса. За этим хаосом стоят конкретные люди, которые заинтересованы в этой ситуации. Конечно, никто не отрицает, что Covid-19 существует, но его уже настолько мифологизировали, что он приобрел некую физическую и человеческую форму. Люди уже верят в существование коронавируса, как некоей потусторонней системы.

Третье явление называется «псевдособытие». **Псевдособытие** — это заранее спланированное постановочное мероприятие, которое создается специально для привлечения внимания средств массовой информации (медиа) и проводится с учётом их интересов. **Псевдособытие** — это крайне интересное явление, когда мы имеем дело с событием, которого не было никогда, но необходимо сделать так, чтобы люди считали, что оно было.

В своей работе «Общество потребления» Жан Бодрийяр обращает внимание на то, что в современном мире необработанное событие уже не подлежит массовому потреблению. Только будучи отфильтрованным и переработанным средствами массовой информации в завершенный продукт, событие становится «доступным потреблению». Бодрийяр отмечает, что реальность заменяется неореальностью, созданной с помощью псевдособытий, псевдоистории, псевдокультуры, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а произведены как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиума. Например, мировое правительство — это симулякр и псевдовещь, которую они же сами и разработали. Всегда можно что-то придумать и доказать людям, что это существует. Псевдособытие — это отражение симуляции. Если пандемии нет, то ее нужно придумать. Если события нет, то его придумывают. Это и есть псевдособытие.

Теперь мы подошли к самому главному вопросу: почему это возможно? В книге «Дух терроризма» Жан Бодрийяр описывает шкалу, по которой он выстраивает уровень интеллекта человека — от уровня безумия, глупости до нормального состояния общества. Нормальное состояние общества —

это общество, где существует несколько простых парадигм.

- **Первая парадигма: в обществе называются своими именами.** Никакого тумана! Смотреть на вещи только прямо, называть их только своими именами. Если бы капитаны «Титаника», «Адмирала Нахимова» и «Петра Васёва», к примеру, исповедовали бы этот принцип — сколько людей остались бы живы-здоровы, а не приняли бы лютую смерть в воде. Когда все называется своими именами, исчезают иллюзии.
- **Вторая парадигма: нормальное общество — это общество справедливости.** Прежде всего это касается равенства перед законом: в любом общественном строе, в любой форме правления правила должны быть едины для всех — начиная с президента и заканчивая дворником. В обществе, где каждый живет так, как хочет, и по каким хотят правилам, всегда происходят нехорошие и противоречивые законы ситуации.
- **Третья парадигма: у каждого человека должен быть выбор.**

Бодрийяр предъявлял требования обществу, где каждый человек имеет право выбирать, называть все своими именами, и должны быть единые правила для всего общества. Жан Бодрийяр считал, что, если бы общество соответствовало трем парадигмам, все изменилось бы кардинально, и такие явления, как обратимость, восхитительная катастрофа и псевдособытие были бы невозможны. Можно было бы создать трудоспособное, счастливое общество и процветающее государство. А пока эти параметры нарушаются, люди будут обречены жить в том обществе, в котором живут сегодня. Если это можно назвать человеческой жизнью...

Марина
Николаевна
Ильюша

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, АНТРОПОЦЕН И КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

DR. СТИВЕН БЕСТ

Автор, философ, оратор, общественный интеллектуал. Профессор Техасского университета в Эль-Пасо. Член президиума и академик Европейской академии наук Украины

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ГОЛОЦЕН

Вот что я считаю самым значительным из того, что происходит сейчас в мире, и это не может быть более эпичным и значимым. Из-за неустанного воздействия человеческой деятельности, которая, что особенно важно, включает в себя огромный выброс в атмосферу газов, разрушающих тепло, люди привели к наступлению новой геологической эпохи. Заметьте, я сказал геологическую, а не историческую, мы говорим об истории Земли, а не человеческой истории, или, скорее, о точке, где эти две истории катастрофически сталкиваются.

Споры о том, вступили ли передовые общества в новый «постмодернизм», меркнут перед тем фактом, что люди привели к концу

эпохи голоцена, которая началась 11 000 лет назад, с окончанием плейстоценовой эпохи и последнего ледникового периода. То, что мы называем «цивилизацией», возникло в новых климатических условиях эпохи голоцена, с появлением сельскохозяйственного общества, и вся его история разворачивалась в эту эпоху. Но теперь человечество столкнулось с совершенно новой планетарной реальностью, связанной с изменением климата и его серьезными угрозами для так

называемого цивилизованного порядка. Таким образом, речь идет не просто о смене культурной парадигмы, такой как постмодернизм, или историческом разрыве, таком как модерн или постмодернизм, а скорее о расвете новой геологической эпохи и конце цивилизованной жизни, какой мы ее знаем.

Стандартные определения цивилизаций являются праздничными и отмечают скачок человеческой культуры от дикости и варварства к нормам, технологиям и порядку развитых обществ. Европоцентристское видение истории приравнивает изменения к прогрессу и рассматривает современный западный капиталистический мир как вершину человеческой эволюции.

Более адекватно мы можем определить цивилизацию как радикально новую социальную форму, возникшую около десяти тысяч лет назад во многих регионах мира. Эта новая социальная форма, известная как сельскохозяйственное общество, быстро распространилась и стала доминирующей социальной организацией. Небольшие, мобильные, охотниче-собирательские общества, которые составляли всю предшествующую историю человечества, были вытеснены крупными земледельческими и пастушескими популяциями, которые поселились на од-

ной территории. Вместо того, чтобы брать то, что давала природа, сельскохозяйственные общества начали изменять природу путем одомашнивания растений и животных.

Переход от сбора пищи к ее производству позволил значительно увеличить численность населения, повысить уровень социальной сложности и привести к возникновению первых иерархических обществ. Сельскохозяйственные общества также были первыми обществами, ориентированными на рост, требующими все больше земли и ресурсов, что привело к войнам, рабству и первым политическим империям. Быстро развивающиеся навыки, изменения природы породили антропоцентрическое мировоззрение. Эти идеологии определяли человека как радикально отличного от мира природы, который они, и все западные общества, с тех пор рассматривали как нечто, что можно эксплуатировать и контролировать в человеческих целях.

АНТРОПОЦЕН

Цивилизация развилась в условиях плейстоцена, наступившего после ледникового периода, и стала возможной, поскольку новая эпоха голоцена принесла более теплую погоду и стабильный климат. Возможности человека значительно расширились с появлением сельского хозяйства, но опасности, скрытые в развитии иерархических, экспансионистских и неустойчивых социальных форм, проявились в полной мере. К середине 20-го века, всего 70 лет назад, человечество перешло в радикально новую эпоху в истории Земли, широко известную как эпоха антропоцена. Буквально, Антропоцен означает «новый» или «недавний» «век человека». Этот термин был придуман химиком-атмосферником Полом Крутценом, чтобы обозначить разрыв в истории — не в «узком времени» человеческой истории, а скорее в «глубоком времени» геологической истории и определить причину этих изменений.

Крутцен и другие утверждали, что вызванные человеком изменения в земной системе имеют настолько глубокое воздействие и длительную продолжительность, что

можно говорить о новой эпохе в истории Земли, которую вызвали сами люди.

«Воздействие человека на Землю больше не ограничивается местными экосистемами, а скорее превратилось в силу, изменяющую Землю в целом».

Однако, каким бы разрушительным ни было воздействие человека на протяжении последних пятидесяти тысячелетий, человек стал дестабилизирующей силой планетарных изменений только в середине двадцатого века, всего 70 лет назад, в послевоенном мире экспоненциального роста населения, потребительства и быстро развивающегося глобального капитализма. Этот критический момент в истории человечества и Земли известен как «Великое ускорение».

Концепция антропоценена жизненно важна для обозначения эпохальных изменений в жизни человека и Земли и бросает вызов подходам, которые жестко разделяют экологическую и социальную историю. Она предупреждает нас о том, что мы стали геологическими агентами, вызывающими огромные планетарные изменения, и поэтому должны тщательно продумать последствия наших действий. В нормативных формах, выдвинутых с неотложностью и страстью, она призвана пробудить человечество к осознанию серьезных опасностей и кризисов, с которыми оно сталкивается в эту новую эпоху, и к решительному и коллективному ответу.

Среди множества способов, которыми люди нарушили работу различных систем Земли, воздействие человека наиболее ярко проявляется в двух судьбоносных изменениях.

• **Первое заключается в том, что люди привели к шестому массовому вымиранию в истории Земли.** Последнее произошло 66 миллионов лет назад, когда удар метеорита уничтожил динозавров и 75% всех видов. Но в отличие от всех предыдущих пяти крупных вымираний, новое массовое вымирание

вызвано людьми, которые охотятся на вымирающие виды, уничтожают среду их обитания и т.д.

- **Вторым крупным изменением**, которое люди вызвали на планетарном уровне, является глобальное потепление и изменение климата.

Прежде чем перейти к этому обсуждению, я должен сделать необходимую оговорку: такие термины, как «человечество» или «влияние человека на мир», являются вводящими в заблуждение абстракциями, которые объединяют огромные различия в ответственности за экологическое разрушение. Ссылки на «человечество» должны быть квалифицированы, чтобы подчеркнуть социальные формы, корпорации, государства, регионы и экономические классы людей, наиболее ответственных за экологическое разрушение. Очевидно, что богатые западные общества оставляют гораздо больший экологический след, чем бедные «неразвитые» страны. На долю Китая, Европейского Союза и США приходится 41,5% от общего объема выбросов парниковых газов, в то время как на долю 100 самых бедных стран приходится лишь 3,6% от общего объема выбросов. Выбросы углекислого газа среднего жителя США в 100 раз превышают выбросы среднего жителя Уганды, а всего за один-два дня типичный житель США производит больше выбросов, чем житель Демократической Республики Конго за целый год. И так далее ...

«Ошеломляющий масштаб воздействия человека на земные системы хорошо документирован лучшими научными организациями мира, такими как Межправительственная группа экспертов по изменению климата — или МГЭИК».

Вот лишь несколько документально подтвержденных фактов:

- Менее, чем за столетие, с 1927 по 2022 год, человеческое население выросло с 2 до 8 миллиардов человек, и каждый день к нему прибавляется еще 200000 человек.

- 1 миллиону видов сегодня грозит вымирание, причем многим из них — в течение десятилетий. Невероятно, но сейчас люди и скот составляют 96% всех млекопитающих на Земле (60% — скот, 36% — люди), а численность диких млекопитающих сократилась всего до 4%. Люди — 0,01% всего живого — за время своего катастрофического пребывания на планете стерли с лица земли 83% видов.
- В апреле 2018 года уровень углекислого газа в атмосфере достиг в среднем 410 частей на миллион, что является самой высокой концентрацией за последние четыре миллиона лет в эпоху плиоцена. Последний раз концентрация была такой высокой 3 миллиона лет назад, в эпоху плейстоцена, когда Арктика, Северная Арктика и Гренландия были свободны от льда. Средний уровень моря был на 50 футов выше, чем сегодня, и Арктика была покрыта лесами, а не льдом.
- За последние 50 лет средняя глобальная температура повысилась в 170 раз по сравнению с естественным фоном, а человек каждые десять лет выбрасывает в атмосферу 100 миллиардов тонн углерода.

КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Хотя продолжающееся шестое массовое вымирание жизни и последствия радикальной утраты биоразнообразия не очевидны в нашей повседневности, изменение климата — очевидно.

Как я уже упоминал, цивилизация развивалась в условиях после ледникового периода, в эпоху голоцена, с его теплым и стабильным климатом, в отличие от плейстоцена. В течение последних 11000 лет преобладал стабильный, благоприятный для жизни климат, но в эпоху антропоценена климат Земли стал крайне нестабильным и враждебным для человека и всего живого.

С момента возникновения промышленного капитализма в конце XVIII века, общественного строя, основанного на сжигании ископаемого топлива, люди извергли в атмосферу достаточное количество углекислого газа и других теплоулавливающих га-

зов, что привело к глобальному потеплению и изменению климата. Неустанный выброс парниковых газов в атмосферу продолжает расти до рекордных уровней. Более половины всех выбросов углекислого газа в атмосферу произошло только за последние 30 лет. В 2021 году объем выбросов составит 36,3 миллиарда тонн, что является самым высоким показателем в истории. **Уровень углекислого газа сейчас на 50% выше среднего доиндустриального уровня и выше, чем когда-либо за последние 4 миллиона лет.** Всего за два столетия эта система искощаемого капитализма привела к повышению средней глобальной температуры на 1,3 градуса Цельсия по сравнению с периодом до индустриальной революции. Этот рост может показаться незначительным, но его более чем достаточно, чтобы вызвать такие огромные изменения, как экстремальные волны жары, мега-засухи, массовые лесные пожары, таяние ледяных шапок, повышение уровня моря и усиление наводнений.

С 19 века ученые понимают непосредственную роль углекислого газа и других парниковых газов в нагревании планеты.

Сегодня научные доказательства антропогенного потепления являются ошеломляющими; консенсус среди ученых составляет 99% — практически все ученые, не состоящие на службе у корпорации Эксон.

С 1950-х годов ученые предупреждали человечество о рисках глобального потепления. В 1990-х годах они определили, что повышение температуры на 2 градуса является критической пороговой точкой, которую нельзя перейти, чтобы предотвратить резкое изменение климата и его катастрофические социальные последствия. К 2009 году почти все правительства мира одобрили этот показатель в 2 градуса и обязались сократить выбросы, чтобы удержать потепление ниже этой пороговой точки. Не добившись практически никакого прогресса, почти 200 стран объединились в 2015 году для подписания **Парижского соглашения**, каждая из которых обязалась сократить выбросы, чтобы удержать глобальную температуру на уровне 2 градусов, а в идеале — на уровне 1,5 градусов.

Прошло уже 7 лет с момента подписания эпохального Парижского соглашения,

и можно было бы ожидать, что ответственная группа мировых лидеров уже добилась заметного прогресса, не так ли? Однако, все далеко не так.

- Парижские обещания были ошибочными с самого начала и в лучшем случае приведут к потеплению на 2,7 градуса. Более того, их модели зависели от развития технологий поглощения углерода, которые еще далеки от реализации.
- Ни одна крупная страна не достигает этих целей; на самом деле, все они нацелены на то, чтобы значительно превзойти их. Например, в период между 2010 и 2019 годами общий объем чистых антропогенных выбросов ПГ был выше, чем в любое предыдущее десятилетие.
- Слишком часто климатические обещания и риторика используются лишь для прикрытия корпоративных преступлений, а амбициозные цели «чистого нуля» отвлекают от насущной необходимости немедленного глубокого сокращения выбросов.
- Мировая экономика растет, а не сокращается, и поэтому выбросы будут продолжать расти. Две самые густонаселенные страны мира, Китай и Индия, быстро модернизируются и пополняют ряды среднего класса миллионами людей с растущими потребительскими аппетитами.
- Мировое потребление мяса продолжает расти. Мировая мясная промышленность является основным виновником практически всех экологических проблем, таких как вырубка лесов и очень многих других, включая глобальное потепление. Глобальная мясная и молочная промышленность ежегодно создает 7,1 гигатонны парниковых газов — 14,5% от общего объема антропогенных выбросов.

2 градуса, которые когда-то были верхним пределом, который нельзя превышать, теперь являются нижней границей и утопической мечтой.

За последние два года МГЭИК выпустила 3 доклада, которые, по сути, являются последними предупреждениями для

“ ВОЙНА, ДАЖЕ САМАЯ ДЛИТЕЛЬНАЯ, ЛИШЬ ОБОСТРЯЕТ ПРОБЛЕМЫ, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ ОНА НАЧАЛАСЬ, А РЕШЕНИЕ ИХ ОСТАЁТСЯ ВРЕМЕННЫМ, НАСТУПАЮЩИМ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА ”

Иво Андрич

мировых лидеров. МГЭИК призвала промышленность и правительства немедленно произвести «глубокое, быстрое и устойчивое сокращение выбросов», иначе к концу века мы окажемся на пути к потеплению на 3 градуса. МГЭИК утверждает, что мир должен остановить продолжающийся пик выбросов к 2025 году, сократить их наполовину до 2030 года и достичь чистого нуля выбросов к 2050 году. Как будто это не является достаточно сложной задачей, учитывая «привычный образ мышления» промышленности и государств, достижение нулевого уровня требует огромных объемов удаления углекислого газа из атмосферы, но такой технологии пока не существует.

На сайте **Climate Action Tracker** говорится, что «*без усиленных действий правительства в 2030 году выбросы парниковых газов в мире будут в два раза больше, чем это допустимо в соответствии с Парижским соглашением, предусматривающим ограничение в 1,5 градуса. Мир движется к потеплению на 2,4 градуса с целями на 2030 год и даже выше, на 2,7 градуса, при нынешней политике*». И, опять же, мы можем достичь 3 или даже 4 градусов к концу века.

Очевидно, что изменение климата — это не проблема будущих поколений, оно проявляется уже сейчас в драматической форме. Экстремальные погодные явления, которые мы все наблюдаем и переживаем в последние несколько лет, являются результатом потепления «всего» на 1,3 градуса. Представьте себе мир с потеплением на 2, 3 или 4 градуса. Даже мир с потеплением в 2 градуса создаст сотни миллионов климатических убежищ, массовый голод от засухи, резкий рост заболеваемости, массовую смертность и беспрецедентную нагрузку на социальные системы. Это приведет к социальным беспорядкам, хаосу, росту террористических атак и войнам за ресурсы между странами, борющимися за последние крохи ресурсов. Это потребует контроля над населением и неизбежно приведет к росту авторитарных правительств. Все чаще законы и мораль будут уступать место социал-дарвинизму, и укоренится гоббсовская война всех против всех. **Мир будет разделен на «климатический апарtheid», состоящий из немногих представителей элиты, которые смогут пережить изменения, и миллиардов людей, которые им подадутся.**

И все же, что невероятно, корпорации и национальные государства все быстрее и быстрее подталкивают нас к пропасти. Исследование, проведенное «Guardian» в начале этого года, раскрыло планы по резкому увеличению добычи нефти и газа энергетическими гигантами и лидерами как развитых, так и развивающихся стран. В условиях бешеной глобальной «золотой лихорадки» по добыче нового ископаемого топлива промышленность и государства стремятся увеличить объемы добычи ископаемых видов энергии вместо того, чтобы заняться декарбонизацией своей экономики. Это приведет мир к еще одному десятилетию зависимости от ископаемого топлива, быстро исчерпает оставшийся бюджет выбросов в 1,5 градуса и уничтожит все наши шансы на ограничение катастрофического глобального потепления.

Дальше будет еще хуже. Российское вторжение в Украину в феврале этого года вызвало панику в таких странах, как Германия, и узаконило продолжающуюся зависимость от ископаемого топлива. Нарушение энергоснабжения наряду со стремительным ростом цен стимулировало многие страны, включая США, Великобританию и ЕС, нара-

щивать производство ископаемого топлива. Здесь, в США, контролируемый республиканцами Конгресс на протяжении последних трех десятилетий отклонял законопроекты, направленные на решение проблемы изменения климата. Байден не сделал ничего, кроме как на словах говорил об изменении климата, и только что отправился в Саудовскую Аравию просить больше нефти.

ПРОГНОЗ: НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

10000 лет безудержной социальной экспансии, роста населения, потребления ограниченных ресурсов и ошибочных планов по завоеванию и овладению природой кардинально изменили планету. И только 200 лет промышленного капитализма нанесли смертельный удар по равновесию Земли. Но в эпоху антропоцене эти иллюзии опровергаются пробудившейся земной системой, дающей отпор паразитическим социальным порядкам — со все более разрушительными последствиями для биоразнообразия и самого человечества.

Мы идем во сне к катастрофе на тающей и горящей планете. **Климат меняется гораздо быстрее, чем мы, и время на исходе.** У нас есть всего несколько месяцев, а не лет и уж точно не десятилетий, чтобы решительно отреагировать на чрезвычайную климатическую ситуацию и в лучшем случае не превысить порог в 2 градуса. Даже если каким-то чудом мир прекратит извергать все разогревающие Землю выбросы, изменения и воздействие человека на Землю сохранятся на бесчисленные тысячелетия в будущем.

Это не «алармистское» мышление, это трезвый реализм, основанный на научных фактах. Самым опасным взглядом на чрезвычайную ситуацию с климатом, помимо отрицания, является оптимизм и наивная вера в человеческую изобретательность, согласно которой изменение климата — всего лишь ухаб на пути прогресса и безграничного роста.

Препятствия на пути перемен не являются научными или технологическими. Мы знаем, в чем проблема, что ее вызвало и как ее решить. **Проблема скорее политическая, причем в двух смыслах.** Во-первых, глобаль-

ные элиты агрессивно блокируют переход к пост-углеродному миру. Они используют тактику отрицания, задержки и дезинформации. Они сожгут все до последнего куска угля, прежде чем откажутся от своей власти и привилегий. Они нигилисты и социопаты.

Мы не можем полагаться на элиты в решении проблемы, потому что элиты и есть проблема. 25 лет глобальных климатических конференций, договоров и невыполненных обещаний, которые не привели ни к каким существенным изменениям, являются тому доказательством. Экономическая гегемония неотделима от политической гегемонии, потому что корпорации требуют от государств, политиков и судов полного подчинения их интересам. Их огромная финансовая мощь и лоббистская сила гарантируют подчинение.

МЫ НЕ МОЖЕМ РЕШИТЬ КРИЗИС В ПРИРОДНОМ МИРЕ, НЕ РЕШИВ КРИЗИС В СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ КРИЗИСОМ ДЕМОКРАТИИ. РАЗУМ, НАУКА, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ВОЛЯ ЗДРАВОМЫСЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ ТРЕБУЮТ СРОЧНЫХ ПЕРЕМЕН, НО ОНИ БЕССМЫСЛЕННЫ ДЛЯ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭКОЦИДНЫХ СИЛ.

И здесь мы имеем второй аспект политической природы кризиса — общественное незнание и апатия по отношению к климатической чрезвычайной ситуации слишком велики, а массовое сопротивление ископаемым топливным компаниям и их политическим марионеткам недостаточно. Какие бы общественные движения ни существовали в настоящее время, они остаются бессильными для осуществления системных изменений. Мы должны пробудить и гальванизировать миллионы людей по всему миру и организовать их в радикальные социальные движения. Каждая защита демократии — это шаг в правильном направлении, и каждая доля градуса потепления, которое мы можем предотвратить, стоит того, чтобы за нее бороться.

Для борьбы с изменением климата не существует технических решений. Нам нужны радикальные социальные и психологические изменения. Мы стоим на перекрестке исто-

рии Земли и человечества. Мы стоим перед неизбежными критическими точками экологического и социального коллапса. Действия, которые человечество сейчас коллективно предпринимает — или не предпринимает — определят, будет ли наше будущее и будущее биоразнообразия исправимым или трагически мрачным и недостойным жизни. Величайший вызов в истории нашего вида стоит перед нами: как мы можем преодолеть наш менталитет доминанта, наше отчуждение от мира природы и наши неустойчивые социальные системы, чтобы гармонизировать наше существование друг с другом, другими видами и тяжело раненным миром, пока наши действия не стали слишком незначительными и слишком поздними?

Стоящий перед нами вызов почти также невообразим, как и последствия его не выполнения. И очевидно, что нет никаких гарантий того, что мы справимся с этой задачей. Мы можем потерпеть неудачу и жалко барахтаться в отбросах экологического и социального распада. Действительно, отрезвляет сопоставление масштабов угрозы, которую представляет собой жизнь; малое количество времени, оставшееся для осуществления решительных перемен; слабость мировой реакции; повсеместное отрицание экзистенциальной угрозы, которую представляет собой изменение климата для человечества; и сила ископаемых топливных компаний блокировать изменения и затянуть их смертельную хватку на человечество.

Эволюция человечества не является данностью — ни в наивном модернистском смысле, что социальная жизнь со временем будет все более улучшаться благодаря безграничному процветанию, ни в буквальном смысле, что она вообще будет продолжаться. **Вместо того чтобы стать «перспективным приматом», о котором трубят гуманистические антропологи, мы находимся на грани превращения в неудавшийся вид** — вид, который неправильно распорядился своим интеллектом, растратил свой эволюционный потенциал, не сумел противостоять объективным реалиям и оказался неспособен измениться и адаптироваться прямо сейчас — в этот решающий момент «сделай или умри», «прорыв или крах».

Хотя с нашей точки зрения результат ужасен, *Homo sapiens* может не хватить воли, интеллекта или солидарности, чтобы ответить на беспрецедентные вызовы антропоцен. Таким образом, нас может постигнуть то же забвение, которое поглотило наших многочисленных предков гоминид и гомо, и в которое люди отправили бесчисленные тысячи других видов. В эпоху антропоцен люди — это метеорит, который с гигантской силой ударяет по планете, но мы продолжаем ударять по ней снова и снова, никогда не позволяя биоразнообразию и экосистемам исцелиться и достичь равновесия. Вполне возможно, размышляет один писатель, «долгосрочное эволюционное восстановление природного мира должно ждать нашей собственной гибели». Если рассматривать нынешний планетарный кризис с точки зрения животных и Земли, то гибель человека может стать самым лучшим событием, которое только можно себе представить. Она позволит исцелиться и восстановиться, что со временем может привести к новому кембрийскому взрыву биоразнообразия.

«Еще долго после того, как исчезнут последние следы человека-животного, — предполагает Джон Грей, — многие из видов, которые он стремится уничтожить, будут существовать, наряду с другими, которые еще не появились. Земля забудет о человечестве. Игра жизни будет продолжаться».

Действительно, добавлю я, если человечество как коллективное целое не научится жить правильно, как добропорядочные граждане в рамках планетарного биосообщества, оно вообще не имеет права на жизнь, поскольку его существование является паразитическим и разрушительным.

Не существует ни тела, ни судьбы, к которой мы придем во славе, какими бы запоздалыми, оборванными, покрытыми синяками и черными пятнами мы ни были. Нет ни ангелов-проводников, которые защитили бы нас от неудач, ни Бога, который спас бы нас от полной темноты, ни технофиксации (такой как геоинженерия или улавливание углерода), чтобы предотвратить катастрофическое изменение климата и социальный коллапс. Но нет и неумолимых законов или колес судьбы, которые предопределяют катастрофу и гибель. Мы должны изменить наш курс, и мы можем это сделать — если критическая масса людей во всем мире сможет осознать кризис и отреагировать на него с той степенью срочности, солидарности, организованности и воинственности, которая необходима для преодоления сил хаоса и разрушения и направления общества по радикально иному пути, чем тот, на котором мы стоим на этом критическом перепутье в истории Земли и человечества.

Это большое «если». Окно возможностей быстро закрывается, а наш выбор, возможности и шансы сужаются по мере того, как зловещее облако антропоцен становится все темнее и ближе.

Dr. Стивен Бест

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В 2020-Х ГОДАХ: ПРОГРЕССИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПРОТИВ ВСЕ БОЛЕЕ ВЕРОЯТНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ КАТАСТРОФЫ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

- В сценарии «А» конфликты между государствами шаг за шагом продолжают нарастать. Этот процесс характеризуется региональными конфликтами и глобальными перегруппировками и альянсами.

PROF. ХЕЙККИ ПАТОМЯКИ

Социолог, активист и профессор мировой политики и глобальной политической экономии в Университете Хельсинки

Процесс включает события, в ходе которых продолжают меняться социальные смыслы, менталитет, силы, механизмы и институты. По мере развития этих процессов создаются условия для глобальной военной катастрофы.

- В сценарии «В» мирные и, возможно, демократические реформы глобального экономического управления возможны без крупной глобальной катастрофы. Эти реформы смягчают тенденции и напряженность, которые ведут к сценарию «А», и даже могут помочь их преобразовать.

- Сценарий «С» фокусируется на более медленных процессах (изменение климата) и более локализованных глобальных катастрофах (например, ограниченная ядерная война). Здесь я рассматриваю, например, изменение климата только как часть сценария «В».

Возможно, что изучение глобальных проблем, противоречий и угроз поможет создать движение, способное изменить системы управления мировой экономикой. В 2020-х годах самым ярким примером этого является глобальное климатическое движение. Реализация глобального кейнсианского миропорядка потребует времени. Пока же мировая история в основном идет по пути сценария «А».

Мой вывод: меры по укреплению доверия, переговоры об ограничении вооружений, активность неприсоединившихся стран необходимы, поскольку адекватная реализация сценария «В» займет 10–20 лет даже в лучшем случае, но нам также нужны новые формы трансформационного политического агентства.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В 2006–2007 годах, прияя к выводу, что трансформационный импульс глобального гражданского общества закончился, по крайней мере, на данный момент, я написал книгу «Политэкономия глобальной безопасности» (Routledge 2008). В этой книге я изложил три основных сценария возможного и вероятного будущего в 2020–2040-х годах.

Сценарий «А» фокусируется на возможных путях эскалации межгосударственных конфликтов, которые постепенно соберут условия для глобальной военной катастрофы. Сценарий «В» основан на альтернативной идеи, что мирные и, возможно, демократические реформы управления мировой экономикой возможны без крупной глобальной катастрофы, и что эти реформы смягчат тенденции сценария «А», а возможно, даже помогут их преодолеть. Если оставить в стороне сценарий «С» (другие тенденции к глобальной катастрофе), то, как представляется, до сих пор происходило то, что аспекты и компоненты обоих сценариев материализуются одновременно.

Основные механизмы, подталкивающие мир к сценарию А, включают:

- I) неравномерный рост, экономические дисбалансы и противоречивые ответы на них (например, «ловушка Фукидida»);
- II) конкуренция за все более дефицитные ресурсы и поглотители, причем эта конкуренция принимает формы, отчасти аналогичные прежним имперским практикам;
- III) подверженные кризисам глобальные финансы и шаткая роль доллара США в мировой валютной системе;
- IV) дедемократизация и возрастающая роль корыстных интересов;
- V) секьюритизация, создание врагов и гонка вооружений.

В своих последующих работах, особенно в книге «*Disingrative Tendencies in Global Political Economy*» (Routledge 2018), я попытался объяснить, как **неравенство Томаса Пикетти** $r > g$ может помочь понять взаимодействие различных факторов в сложных открытых системах (r — норма прибыли на богатство, а g — годовой экономический рост). Чем больше разница $r-g$, тем в большей степени рост неравенства является самоподдерживающимся процессом. Когда действует простое неравенство Пикетти, это означает, что прошлое все больше определяет настоящее, а накопленное наследственное богатство растет быстрее, чем производство и доходы. Увеличение

разницы между r и g особенно вероятно в медленно развивающихся системах.

Концентрация богатства и капитала имеет далеко идущие политические последствия. Богатство может трансформироваться в политическое влияние и в либеральных демократиях, причем не только через трудовые отношения, но и через политическую систему.

«КОГДА ПРАВИЛА, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ ДЕНЕГ НА ПОЛИТИКУ, МЕНЯЮТСЯ В ПОЛЬЗУ БОГАТЫХ И КОМПАНИЙ, ПРОЦЕСС ЛЕГКО СТАНОВИТСЯ САМОУСИЛИВАЮЩИМСЯ, ПОСКОЛЬКУ ПОРОЖДАЕТ СВЯЗИ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗЬЮ: ПРЕДЫДУЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДЕЛАЮТ ВОЗМОЖНЫМИ НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТОМ ЖЕ НАПРАВЛЕНИИ».

После «шоковой терапии» начала 1990-х годов неравенство $r > g$, предложенное Пикетти, всего за несколько лет стало преобладающей реальностью во многих частях бывшего советского пространства. В 1990-е годы показатель g был резко отрицательным. Рост глобальных финансовых рынков и новая волна финансализации позволили тем, кто разбогател в 1990-е годы (или позже), покупать и продавать имеющиеся активы в надежде на быструю прибыль; использовать крупные финансовые потоки и переводить средства в офшорные центры и налоговые убежища, включая, например, Женеву или лондонский Сити; инвестировать в рынки жилья по всему миру. Они получили такую же норму доходности g на свои активы, как инвесторы и представители элиты в других частях мира. Это принесло выгоду не только олигархам, но и финансовым центрам и налоговым гаваням, в то же время ослабляя местное и национальное экономическое развитие.

Неравномерность роста, растущее неравенство и неолиберальная экономическая политика замедлили рост в странах ОЭСР и некоторых других частях мировой экономики. В сценарии «А» неравномерность роста порождает дипломатическую напряженность между устоявшимися центрами мировой экономики и новыми центрами

роста. Эта конкуренция формируется под влиянием внутренних событий, например, в Индии, России и ЕС, а также многое зависит от реакции США на подъем Китая. В одном из сценариев США потерпят экономический крах и отреагируют агрессивно, что вызовет быстрый процесс секьюритизации и антагонизации. Конкуренция между крупными государствами и блоками приведет к дальнейшей секьюритизации, созданию врагов, новым союзам и гонке вооружений.

ОТ СОМНЕНИЙ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ К СЕКЮРИТИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЮ АЛЬЯНСОВ

Динамика развития событий после холодной войны отчасти обусловлена различными критическими ответами на односторонность неолиберального мирового порядка. В тесно взаимосвязанной мировой экономике ни один крупный кризис, война или развитие не являются изолированными. Для развития каждого конфликта, кризиса или войны требуется время. Например, в начале 2000-х годов Россия выступила против универсальных либеральных претензий и связанных с ними двойных стандартов и форм самодовольства (особенно в отношении Косово, Ирака и попыток смены режима, а также в отношении экономической политики). В ответ на это она стала продвигать плюрализм через многополярность и балансировку сил. Однако это лишь один из аспектов сложных процессов, включающих механизмы политической экономии, конфликты из-за принципов и государственное обоснование (*raison d'état*).

Сценарию «А» соответствует ряд эпизодов и событий, включая мировой финансовый кризис, кризис евро, рост националистического популизма, авторитарные процессы по всему миру, в том числе в Китае и России, и эскалация гонки вооружений (включая гонку вооружений и обороны в космосе). Кризис Covid-19 еще больше усугубил некоторые из основных тенденций, например, усилив

неравенство и вызывая националистическую реакцию, в том числе со стороны ЕС.

До вторжения России в Украину я писал, что все более острые конфликты в Восточной Европе и Южно-Китайском море имеют потенциал перерастания в полномасштабную войну, вплоть до ядерной. Сейчас этот потенциал актуализирован в Европе, и возможность глобальной военной катастрофы становится все более вероятной. Продолжать идти по этому пути не представляется особенно благоразумным.

Однако развитие событий в реальном историческом времени чрезвычайно сложно. Вспомните, как администрация Трампа потерпела поражение на выборах. Кроме того, решение США вывести войска из Афганистана после многолетних колебаний демонстрирует сложность и указывает на неэффективность и дороговизну военной силы во взаимосвязанном мире. Примечательно, что у России дела обстоят не лучше. В эпоху Путина Россия была вовлечена в полдюжины локальных войн. Эти конфликты стали тяжелым экономическим и политическим бременем для России. Уже в 2014–2020 годах экономический рост был незначительным, что сказалось на популярности Путина. В то время как в 2022 году на политической сцене доминирует «сплочение вокруг флага», российская экономика, по прогнозам, сократится примерно на 12% и еще на 1% в 2023 году (падение более чем на 200 миллиардов долларов США). Даже если кажется, что в войне больше нет ни экономического, ни

другого смысла, все еще можно выбрать ее из-за организационной глупости или впасть в дрейф — примерно так же, как европейцы «сомнамбулически» вступили в Первую мировую войну.

Более того, мы знаем, что режимы могут реагировать на политическую оппозицию, экономические трудности, высокое и, возможно, растущее неравенство усилением националистических настроений, создавая эффект «сплочения вокруг флага» и приводя к секьюритизации по всему миру (рассмотрим, например, Бразилию, Индию, Китай и Турцию). Нечто подобное наблюдается и в ЕС. Хотя ЕС сталкивается с внутренней оппозицией националистов, а также — хотя и в совершенно ином смысле — «экономных» стран-членов, он ищет «стратегическую автономию», предполагающую секьюритизацию в масштабах ЕС потенциальных угроз, таких как миграция, Китай или Россия, тем самым способствуя глобальному геополитическому развитию.

Динамика глобальной безопасности предполагает регрессивное необучение и частичный возврат к межгосударственной практике конца 19-го и начала 20-го века (учитывая ядерное оружие и т.д., в определенном смысле это также новый виток холодной войны). Однако последние события в политической экономии также привели к тому, что, по крайней мере, потенциально возможно прогрессивное обучение. В частности, стало ясно, что макроэкономический «консенсус» 1990-х годов не сработал. Нетрадиционная денежно-кредитная политика возникла, когда центральные банки реагировали на угрозу дефляции и мировой финансовый кризис и его последствия (кризис евро). В той мере, в какой ценные бумаги, купленные центральными банками, включают государственный долг, такая политика способствовала стимулированию и бюджетному дефициту в соответствии с кейнсианской теорией.

Кризис Covid19 2020–21 годов вызвал дальнейшие изменения, в то время как нетрадиционная денежно-кредитная политика, казалось бы, стала более или менее постоянной. В 2020–21 годах в США, ЕС и других странах происходили дальнейшие эксперименты

с экономической политикой (например, «вертолетные деньги»). В 2022 году, однако, из-за растущего уровня инфляции центральные банки проявляют нерешительность. Макроэкономический «консенсус» 1990-х годов закончился, и все же власти могут прибегнуть к неолиберальному «бизнесу как обычно» и сделать выбор в пользу высоких процентных ставок и жесткой экономии. Возможный новый глобальный экономический кризис, скорее всего, еще больше обострит антагонизмы и станет еще одним шагом на пути к глобальной катастрофе.

ПРОГРЕССИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В 2020-Х И 2030-Х ГОДАХ

Тем не менее, есть и другие признаки прогрессивного обучения. Например, наконец-то было осознано, что национальное налогообложение подвержено противоречиям во взаимосвязанной мировой экономике. Представители гражданского общества и международные организации, такие как ОЭСР, не упускают из виду проблему уклонения от уплаты налогов с 1990-х годов. Соглашение ОЭСР/G20 2021 по корпоративному налогообложению является примером перехода от противоречий к социальным и политическим изменениям. Публично заявленная цель — «прекратить глобальную гонку на дно в области корпоративного налогообложения». Хотя соглашение лишь определяет

дно и правила игры, не отменяя ее, оно, тем не менее, является примером обучения, ведущего к коллективным действиям. Таким образом, соглашение является шагом в направлении сценария «В».

Сценарий «В» предполагает мирные — и, возможно, демократические — реформы глобального управления, происходящие в отсутствие какой-либо крупной глобальной катастрофы.

«Возможно, что изучение глобальных проблем, противоречий и угроз будет достаточным для возникновения движения за преобразование и перестройку систем глобального управления».

В 2020-х годах самым ярким примером этого является глобальное движение в защиту климата. Любое масштабное движение может в конечном итоге убедить многие правительства изменить существующие и создать новые международные и глобальные законы, тем самым повлияв и на динамику глобальной безопасности. Ряд ограниченных будущих экономических кризисов и войн может спровоцировать дальнейший рост движений, как и постепенное развитие климатического кризиса — по крайней мере, при политически благоприятных обстоятельствах. Обучение может происходить и «сверху», как показывает соглашение ОЭСР/G20. Некоторое обучение уже способствовало изменениям в преобладающих рамках макроэкономической политики и стимулировало глобальное сотрудничество в борьбе с уклонением от уплаты налогов, неравенством и корпоративной властью.

Поскольку мир все больше разделяется на два альянса, вновь возникает острая необходимость в принятии мер по укреплению доверия и контролю над вооружениями, чтобы сдержать все более опасную динамику глобальной безопасности. Мирное соглашение между Россией и Украиной о прекращении насилия также стало бы необходимым шагом в этом направлении. Дезинтеграция в виде, скажем, Brexit или санкций и контрсанкций в отношении России показала, что мы видим не мир холодной войны, а мир сложной взаимозависимости. Эта взаимоза-

висимость формирует мировые отношения власти, например, через цепочки создания стоимости, наложение различных национальных юрисдикций, глобальные сети информационного и финансового обмена, а также глобальное формирование совокупного эффективного спроса. Из-за регрессивного развития с 1990-х годов эта взаимозависимость стала оружием. Шаги, предпринятые для регулирования этой взаимозависимости, были крайне неадекватны с точки зрения противодействия основным механизмам, толкающим мир к сценарию «А».

Перефразируя Г. Г. Уэллса, можно сказать, что «цивилизация находится в гонке между обучением и катастрофой». Дело не в том, чтобы пассивно ждать следующей узловой точки в мировой истории или точно предсказывать, что, где и когда произойдет, а в том, чтобы внести свой вклад в наше коллективное обучение и гарантировать, что мы сможем избежать полномасштабных глобальных катастроф. В своей недавней книге «Три поля глобальной политической экономии» (Routledge 2022) я рассказываю о том, как существующие поля ГПЭ основаны на коллективном обучении, которое представляет собой холодное движение мировой истории. В этом кроется надежда — это особенно верно для обучения на основе кризисов и критики — однако никакие изменения не достижимы без трансформационного агентства в мировой политике.

Я бы утверждал, однако, что устойчивое глобальное будущее невозможно без фундаментального перехода от доминирующего национального мифоса к глобальному мировоззрению и сопутствующего создания институтов с преобразующей политической силой. Для осуществления такого сдвига хорошо подходит всемирная политическая партия. Хотя проблемы, связанные с формированием трансформирующей всемирной партии, очень глубоки, риски бездействия серьезны, а вознаграждение за успех огромно.

Prof. Хейкки
Патомяки

ТЕКУЩИЕ И НАДВИГАЮЩИЕСЯ ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗОВАННОМ НАСИЛИИ

PROF. СИНИША МАЛЕШЕВИЧ

Автор, философ, оратор, общественный интеллектуал. Профессор Техасского университета в Эль-Пасо. Член президиума и академик Европейской академии наук Украины

долгосрочные тенденции организованного насилия в обществе с акцентом на постапокалиптические сценарии.

РАЗРУШЕНИЕ ЭКОСИСТЕМЫ И БУДУЩЕЕ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ

Мир сталкивается со многими текущими и надвигающимися угрозами. В этой короткой статье я сосредоточусь на одной из областей, которую я изучаю — социальной динамике организованного насилия — с целью выявления некоторых современных и будущих тенденций. В первой части статьи я кратко расскажу о разрушении экосистемы и развитии новых военных технологий, которые, вероятно, окажут значительное влияние на будущие войны. Во второй части я обсажу некоторые

Одной из наиболее важных угроз, стоящих перед миром, является постоянно усиливающееся разрушение экосистемы. За последние несколько десятилетий можно было наблюдать постоянную и в значительной степени кумулятивную деградацию экосистемы через продолжающееся истощение

воды, воздуха, пахотных земель и других природных ресурсов. Беспредецентные климатические изменения уже повлияли на таяние ледников, повышение уровня моря, эрозию почвы, вырубку лесов и усиление наводнений. Климатические изменения также стали заметны по всему миру: участились стихийные бедствия, включая землетрясения, засухи и цунами, а постоянный рост температуры привел к невыносимо жаркому лету и очень холодной зиме во многих частях света (Stuart, 2021; Wallace-Wells 2019). Это постоянное крупномасштабное разрушение экосистемы, вероятно, повлияет на характер организованного насилия в будущем.

Многие ученые уже исследовали возможную будущую динамику войн, в центре которых стоят ограниченные ресурсы на все более негостеприимной и едва пригодной для жизни планете. Так, Вельцер (2017) и Дайер (2011) назвали такие насилиственные конфликты в ближайшем будущем «климатическими войнами», которые, вероятно, будут происходить в мире, страдающем от перегрева. Манн (2022) и Кларе (2002) назвали эти будущие конфликты «войнами за ресурсы». Все эти исследования сосредоточены

на вероятном росте числа насилиственных конфликтов из-за ограниченных природных ресурсов и предлагают в основном экономические объяснения этого явления. Считается, что нехватка пищи, воды, свежего воздуха, пахотных земель и безопасной среды обитания приведет к неизбежным конфликтам всех против всех. Хотя все это очень ценный вклад, они предлагают слишком инструменталистское понимание социального действия и не уделяют достаточного внимания культурной и исторической изменчивости социальных изменений. Экономический анализ насилиственных конфликтов преуменьшает значение государственной власти, а также чрезмерно подчеркивает инструментальные мотивы отдельных людей. В этом типе анализа экономическая корысть противопоставляется культурным убеждениям и политической власти. Например, этот тип исследований часто интерпретирует глобализацию, рост национализма и укрепление государственных институтов как взаимоисключающие процессы. Однако, как показывают последние исследования о государстве, глобализация не уменьшила государственную власть, а, напротив, помогла укрепить организационный потенциал многих государств.

В отличие от своих коллег XVIII или XIX веков, которые не могли полностью облагать налогом своих граждан, охранять свои границы или собирать даже базовую информацию о жителях, современные национальные государства значительно увеличили такие инфраструктурные полномочия (Malešević 2019, 2017, 2013). Более того, государственным аппаратам удалось проникнуть практически во все сферы общественной жизни, начиная с образования, здравоохранения, экономики, СМИ, спорта, иммиграции, экологического планирования, культуры, политики занятости, наблюдения за городом и заканчивая постоянно усиливающимся полицейским контролем этнических и сексуальных отношений. Новые технологии и глобальная значимость средств массовой информации способствовали увеличению организационного потенциала национальных государств. Что еще более важно, несмотря на риторику и практику неолиберализма,

наиболее мощные государства продолжают контролировать использование и доступ к жизненно важным ресурсам, и все они за последние три десятилетия увеличили свои военные и полицейские силы (Hall 2013; Hirst and Thompson 2009). Следовательно:

ДЛЯ ЛУЧШЕГО ПОНИМАНИЯ ДИНАМИКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В БУДУЩЕМ НЕОБХОДИМО СМЕСТИТЬ АКЦЕНТ С ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАЛИЗМА В СТОРОНУ БОЛЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.

В частности, следует проанализировать решающую роль, которую играет принудительно-организационная власть в трансформации организованного насилия (Malešević 2022, 2017, 2013, 2010). Роль национального государства и его принудительно-организационного потенциала остается решающей в понимании динамики войн, поскольку большинство вооруженных конфликтов возникает в результате геополитических трансформаций. В этом контексте разрушение экосистемы, вероятно, повлияет на трансформацию государственной власти, в результате чего некоторые государства, непосредственно пострадавшие от экологических катастроф, могут разрушиться, в то время как другие государства, менее подверженные таким изменениям, вероятно, увеличат свой потенциал контроля. Другими словами, разрушение экосистемы приведет к асимметричному опыту: одни государства будут вкладывать значительные средства в новые организационные и технологические устройства для контроля над своим населением и границами, а другие государства, пострадавшие от повышения уровня моря, засух, наводнений и невыносимых температур, потеряют многие из своих организационных возможностей по охране своих территорий.

В такой радикально изменившейся геополитической обстановке, вероятно, будет наблюдаться большая зависимость от новых технологий ведения войны в таких областях, как робототехника, нанотехнологии, кибернетика, искусственный интеллект

и фармакология. Новые разработки в этих технологических областях также позволят сильным государствам больше полагаться на нечеловеческие устройства в военных действиях, которые ограничивают количество человеческих жертв. Это не новая тенденция, поскольку многие военные уже вложили значительные средства в разработку беспилотников, беспилотных подводных лодок, патрульных роботов, роботизированных минных тральщиков и даже автономных снайперских систем. Некоторые военные также инициируют программы по разработке несмертельного оружия, такого как лазеры, вызывающие временную слепоту, несмертельные устройства для подавления беспорядков и устройства, вызывающие массовые галлюцинации под воздействием наркотиков (Малешевич 2017). Это усиление зависимости от новых технологий привело к тому, что некоторые ученые утверждают, что «в 2035 году роботы будут сражаться с роботами» (Coker 2013: xxiii). Однако эта

точка зрения не учитывает, что не все государства будут обладать организационным и технологическим потенциалом для создания и развертывания роботизированных устройств на полях сражений. Резкое социальное неравенство, которое, вероятно, будет характерно для обществ будущего, также окажет значительное влияние на будущие войны. Поэтому вместо того, чтобы роботы сражались с роботами, более вероятно, что могущественные государства, расположенные в экологически менее пострадавших районах планеты, смогут производить военных роботов, в то время как другие будут вынуждены продолжать использовать солдат-людей. Таким образом, вместо борьбы роботов с роботами можно с большей вероятностью увидеть борьбу роботов с более бедными людьми, многие из которых также попытаются спастись из непригодной для жизни части света.

ОБРАЗЫ АПОКАЛИПСИСА

Постоянное разрушение экосистемы привело многих наблюдателей к выводу, что в долгосрочном будущем может произойти полный крах государственных структур, что приведет к постапокалиптическому миру. Согласно этой точке зрения, когда государства разрушатся и не будет централизованной власти, неизбежно возникнет насилие, и все будут бороться за собственное выживание. В этом гоббсовском мировоззрении распад государств автоматически приводит к возвращению к «состоянию природы» — ситуации, когда никто не находится в безопасности и каждый боится за свою жизнь.

Современная популярная культура, включая научно-фантастические романы, фильмы, телешоу, видеоигры и социальные сети, рисует очень похожие постапокалиптические сценарии. В этом представлении распад государства приводит к реорганизации социального порядка, в котором процветает насилие и где сильные доминируют над слабыми. Это гоббсовское понимание насилия в ближайшем будущем пронизывает большую часть популярной культуры. Самые популярные фильмы и телепередачи, от «Безумного Макса» до «Ходячих мертве-

цов», изображают похожую постапокалиптическую обстановку — внезапный распад государственной власти создает среду, где насилие становится нормой.

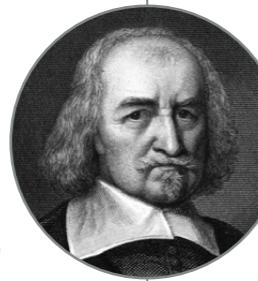
Эти влиятельные образы будущего воспроизводят оригинальный гоббсовский взгляд, в котором «состояние природы» рассматривалось как место без социального порядка. По словам Гоббса (2004 [1651]), это мир, где нет «ни искусств, ни письма, ни общества, и что хуже всего, постоянный страх и опасность насильственной смерти, а жизнь человека одинока, бедна, скверна, жестока и коротка»...

«Из этой войны каждого человека против каждого человека вытекает и то, что ничто не может быть несправедливым. Понятиям добра и зла, справедливости и несправедливости здесь нет места. Где нет общей власти, там нет закона, где нет закона, там нет несправедливости. Сила и обман являются на войне кардинальными добродетелями».

Следовательно, для Гоббса не существует этического поведения вне государственных законов. В таком понимании насилие является неотъемлемой частью человеческой субъективности.

Эта гоббсовская онтология насилия была доминирующей в социальной и политической мысли на протяжении веков и до сих пор может быть признана в различных академических дисциплинах — от когнитивной эволюционной психологии, традиционной военной истории до неореалистических подходов в международных отношениях. Тем не менее, такая интерпретация прошлого и будущего глубоко ошибочна, поскольку она игнорирует культурные и исторические различия, которые характеризуют большую часть человеческого поведения. Перспектива общественного договора является социологически нереалистичной, поскольку она изображает прошлое человека в терминах, которые не имеют никакого сходства с реальным прошлым — антропологи неоднократно доказывали, что в мире охотников-собирателей никогда не было ничего похожего на «состояние природы» (Fry 2007).

Вместо этой гоббсовской онтологии, где древнее воспринимается как мир, населенный только индивидами, аполитичными, досоциальными и аисторичными, антропологи и социологи показывают, что древние люди были, прежде всего, общинными существами, которые выживали и развивались благодаря взаимодействию с другими. Более того, многие из последних археологических и палеонтологических исследований показывают, что простые охотники-собиратели в целом остерегались насилия. Хойзер (2010:4) обобщает существующие исследования насилия до неолита и голоцене и приходит к выводу, что «все археологические свидетельства насильтвенной смерти... ограничиваются находками отдельных тел». Вместо того, чтобы быть человеческой позицией по умолчанию, насилие развивается с ростом социальных организаций и особенно с появлением государственных структур в последние 10000–12000 лет.

«Насилие — это не феномен, который живет в тела и умах отдельных людей, а артефакт, порожденный скоординированными социальными действиями, которые часто институционализированы через организационную власть»

(Malešević 2022, 2017)

Насилие не является биологической предпосылкой; это социальный процесс, требующий обширных социальных действий. Исторические социологи убедительно продемонстрировали, что устойчивые насильтственные действия подразумевают значительный организационный потенциал, который включает в себя структурированную координацию тысяч и даже миллионов человеческих существ (Tilly 1992). Современные государства обладают огромной властью принуждения и в большинстве своем сумели умиротворить свои общества и установить монополию на легитимное применение насилия на своей территории. Однако это не означает, что насилие испарилось в современном мире. Напротив, насилие теперь сосредоточено

в меньшем количестве социальных организаций и в значительной степени монополизировано государством. Во время войны можно увидеть, как государства могут быстро и эффективно развязать это насилие. Таким образом, для понимания исторической динамики насилия важно понять его социальные особенности. Насилие может расти и падать только благодаря скоординированным социальным действиям.

В этом контексте доминирующие постапокалиптические сценарии, которые изображают будущее как среду, где все ведут себя одинаково, социологически нереалистичны. Люди не являются простыми и одинаковыми автоматическими конструкциями; напротив, они динамичные, изобретательные и способные к адаптации существа, на которых влияют другие люди. Поэтому вполне вероятно, что даже в постапокалиптической среде будет существовать большое разнообразие социальных реакций на насилие.

Апокалипсис не будет представлять собой нулевой год, когда все начнут с чистого листа (Malešević 2022). Вместо этого люди, скорее всего, продолжат полагаться на культурные, политические и идеологические параметры, которые сформировали их воспитание.

«Мы не только *homo economici*, воспринимающие свой мир через призму собственных интересов. Мы сложные и часто непредсказуемые существа, на которых влияет множество социальных, политических, экономических и культурных факторов».

Можно наблюдать, как недавняя пандемия вируса Ковид 19 разворачивалась в весьма разнообразных формах. Хотя это было явление, затронувшее всю планету, реакция на пандемию была различной в разных государствах, а также внутри каждого общества. Государства проводили очень разную политику сдерживания, и население также по-разному реагировало в разных уголках земного шара. Таким образом, крах мирового порядка, скорее всего, также вызовет разнообразие социальных реакций.

Во-первых, доминирующие постапокалиптические нарративы сосредоточены на внезапном и необратимом крахе, в то время как существующие знания о цивилизационных и государственных крахах в истории показывают, что в большинстве случаев крах был медленным и затяжным процессом, а не быстрым уничтожением (Middleton 2017, Diamond 2005). Кроме того, распад государства не обязательно должен быть необратимым, что видно из многих современных контекстов, где бывшие «несостоявшиеся государства», такие как Руанда, Эритрея или Либерия, смогли относительно быстро восстановиться, а в некоторых случаях, например, в Руанде, стали экономически процветающими обществами. Более того, поскольку социальный порядок может существовать вне государственных структур, представляется маловероятным, что апокалипсис уничтожит человеческую общительность. Насилие, которое может последовать после распада государства, часто является организованной попыткой установить монополию на законное применение силы на определенной территории. Это не автоматическая биологическая реакция, а скоординированная социальная деятельность с конкретной политической целью.

Таким образом, доминирующие постапокалиптические нарративы, опирающиеся на гоббсовскую онтологию и предполагающие единобразный ответ человека на насилие, ошибочны и неадекватны для учета огромного разнообразия человеческих действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Coker, C. 2013. Warrior Geeks: How 21st Century Technology is Changing the Way We Fight and Think About War. Oxford: Oxford University Press.
2. Dyer, G. 2011. Climate Wars: The Fight for Survival as the World Overheats. New York: One World Publications.
3. Fry, D. 2007. Beyond War: The Human Potential for Peace. Oxford: Oxford University Press.
4. Hall, J.A. 2013. The Importance of Being Civil: The Struggle for Political Decency. Princeton: Princeton University Press.
5. Heuser, B. 2010. The Evolution of Strategy: Thinking War from Antiquity to the Present. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Hirst, P. and G. Thompson 2009. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity.
7. Hobbes, T. 2004 [1651]. Leviathan. New York: Barnes & Noble.
8. Klare, M.T. 2002. Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. New York: Holt.
9. Malešević, S. 2022. Why Humans Fight: The Social Dynamic of Close-Range Violence. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Malešević S. 2019. Grounded Nationalisms. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Malešević, S. 2017. The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Malešević S. 2013. Nation-States and Nationalisms: Organisation, Ideology and Solidarity. Cambridge: Polity.
13. Malešević, S. 2010. The Sociology of War and Violence. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Mann, M.E. 2022. The New Climate War: The Fight to Take Back Our Planet. New York: Public Affairs.
15. Middleton, G. 2017. Understanding Collapse: Ancient History and Modern Myths. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Stuart, D. 2021. What is Environmental Sociology? Cambridge: Polity Press.
17. Tilly, C. 1992. Coercion, Capital and European States. Oxford: Blackwell.
18. Wallace-Wells, D. 2019. The Uninhabitable Earth: Life After Warming. New York: Tim Duggan books.
19. Welzer, H. 2017. Climate Wars: What People Will Be Killed For in the 21st Century. Cambridge: Polity.

Prof. Синиша
Малешевич

ЧТО СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ В МИРЕ? ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ? КАК БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ НОВЫЙ ПОРЯДОК?

ЭНРИКО ТОМАСЕЛЛИ

Арт-директор фестиваля *Magmart*, графический и веб-дизайнер. Исследует конфликты и войны с исторической, политической, стратегической и тактической точек зрения

С момента окончания Второй мировой войны и до падения Берлинской стены мир жил в состоянии биполярности: две великие державы — США и СССР — десятилетиями противостояли друг другу. Это состояние даже было неким балансом, и взаимовыгодным, поскольку существование «врага» прекрасно служило для поддержания более или менее спокойного состояния соответствующих сфер влияния. Когда СССР распался, и, следовательно, одна из двух держав, на которых основывалось мировое равновесие, потерпела крах, вместо однополярного мира возникла иллюзия глобализации, которую мы считали по сути

триумфом Запада, но которая оказалась сценарием из папье-маше, плачевно рухнувшим под обломками Мариуполя.

Дело в том, что десятилетия холодной войны заставили нас поверить, что столкновение было исключительно идеологическим, между капитализмом и коммунизмом (советским или китайским), тогда как оно было также геополитическим, а идеологии были его временным вектором. По этой причине, когда Запад победил, считалось, что триумф капитализма определил бы картину существенной однородности, а значит, и гармо-

ничного сосуществования. Двойная ошибка, потому что не только геополитические интересы (и конфликты) существуют всегда, но капитализм является их усилителем, конфликт записан в его ДНК.

По словам Маркса, «тенденция к созданию мирового рынка содержится в самом понятии капитала».

То, что, таким образом, казалось лишь противостоянием столкновений различных политico-экономических систем, в действительности было прежде всего геополитической, между талассократической державой — США — и континентальной державой — СССР. В этом заключалась суть конфликта, для которого идеологии выступали в качестве завесы. И, опять же, к взаимной выгоде, поскольку подавая конфликт США/СССР как столкновение либерализма и социализма, она прекрасно служила цели скрыть стратегические интересы двух держав и тем самым обеспечить совпадение этих мнимых интересов с универсальными «ценностями», отстаиваемыми двумя разными идеологиями.

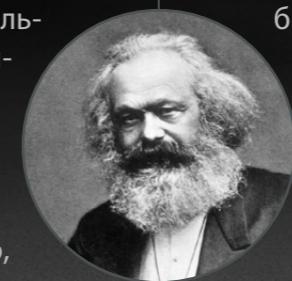
С падением стены падает и идеологическая завеса, прикрывавшая геополитические интересы. Но это не было сразу заметно,

в том числе и потому, что поначалу утверждалась идея, что с исчезновением социалистической идеологии наступит новая эра без конфликтов. Хотя на самом деле, словно угли под пеплом, стратегические интересы больших (и малых) не всегда были только за исчезновение, а лишь ждали возможности вспыхнуть вновь. Таким образом, российско-украинская война говорит нам о том, что:

«эпоха идеологий тоже закончится, но не геополитик. И прежде всего, она говорит нам о том, что иллюзия единой империи — это именно сказка. Более того, глобальная победа капитализма сделала многополярный мир еще более нестабильным, чем он был когда-либо».

Потому что — бесспорно — капитализм предоставляет возможность для такого экономического роста, какого никогда не было у реального коммунизма. А этот рост питает потребности и амбиции, а значит, неизбежно питает военный инструмент.

И то, что, безусловно, представлено сегодня в мире, — это структура, в которой три великие державы в глазах мира — Соединенные Штаты, Россия и Китай — несмотря на разнообразие политических

систем, объединены одной экономической моделью, капиталистической.

Поэтому надвигается не просто много-полярный мир, где, по крайней мере, три великие державы противостоят друг другу, а мир, который становится узким для всех трех. Мир, в котором нет стабильного состояния равновесия, но в котором конкуренция имеет тенденцию к росту. Есть риск того, что это может стать серьезной угрозой не только для всех мужчин и женщин этого мира, но и для самой планеты.

Мир, в конце концов, невелик. За всю историю человечества столько империй сталкивались, следовали друг за другом, а потом исчезали. В золотой век европейского колониализма Великобритания, Испания, Франция, Португалия, Голландия, Германия, Италия... даже Бельгия имела свои колонии, свои владения. На протяжении своей истории они неоднократно сталкивались друг с другом — сегодня Европа кажется нам мирной гаванью, охваченной войной, но на протяжении веков она была непрерывным полем битвы.

Однако затем появился космос. Даже в начале 1900-х годов на Земле было меньше двух миллиардов. Сегодня нас в четыре раза больше. Мы потребляем больше пищи — больше воды, больше земли, больше энергии. Мы потребляем все. Антропогенное давление на планету постоянно растет, наши потребности растут экспоненциально. И у нас появилась проблема.

Пока все это растет, планета всегда остается прежней, и ее ресурсы расходуются. Мир становится маленьким, и мы должны быть озабочены достижением — и быстро — баланса между нами как видом и планетой, а еще раньше — между нами, людьми, между формами, в которые выкристаллизовалась наша социальная жизнь. Потому что если что-то не изменится, что-то радикальное, в том, как мы потребляем планету, она будет становиться все теснее и теснее. И у нас есть проблема.

Три великих империализма на сокращающемся пространстве — это проблема. Потому что экспансивный натиск неизбежен. Но эти три империализма — еще большая проблема. И именно капиталистическая

природа трех современных империй, помимо различий, даже заметных, которые их отличают, является элементом наибольшей опасности. Поскольку они конкурируют на одной и той же почве, у них очень похожие потребности.

Мир, с которым мы сталкиваемся, в некотором смысле напоминает Соединенные Штаты второй половины XIX века. Южные штаты представляли традиционный капитализм, основанный на крупных поместьях и эксплуатации рабского труда, северные штаты — современный капитализм, основанный на промышленности и эксплуатации наемного труда. И те и другие воспринимали себя как носителей разных ценностей, поскольку каждое общество строит свое мировоззрение. Но помимо этих различий, какими бы заметными они ни казались, и как бы субъективно ни воспринимались как фундаментальные, юг и север представляли собой две модели капитализма, и именно по этой причине они вступили в конфликт. Американская гражданская война была войной за превосходство одного капитализма над другим, а не столкновением цивилизаций. В этом смысле я использую выражение «глобальная гражданская война» для описания сценария планетарного конфликта, который происходит в рамках одной экономической системы, и в котором основные заинтересованные стороны борются за доминирование.

Российско-украинская война официально открывает сезон глобальной гражданской войны, в которой три модели капитализма, сосредоточенные в трех сверхдержавах с сильным геополитическим подтекстом (и призванием), будут соревноваться за господство над ресурсами планеты. Поэтому ближайшее будущее будет характеризоваться травматическим откатом международных отношений, от климата значительного расслабления и сотрудничества (хотя и по-прежнему конкурентного) к климату взаимного закрытия, изоляции и недоверия, всплеска напряженности между крупными державами, а значит, и во всем мире. Чтобы еще больше усложнить международную ситуацию, необходимо также учесть относительную скорость, с которой происходили события.

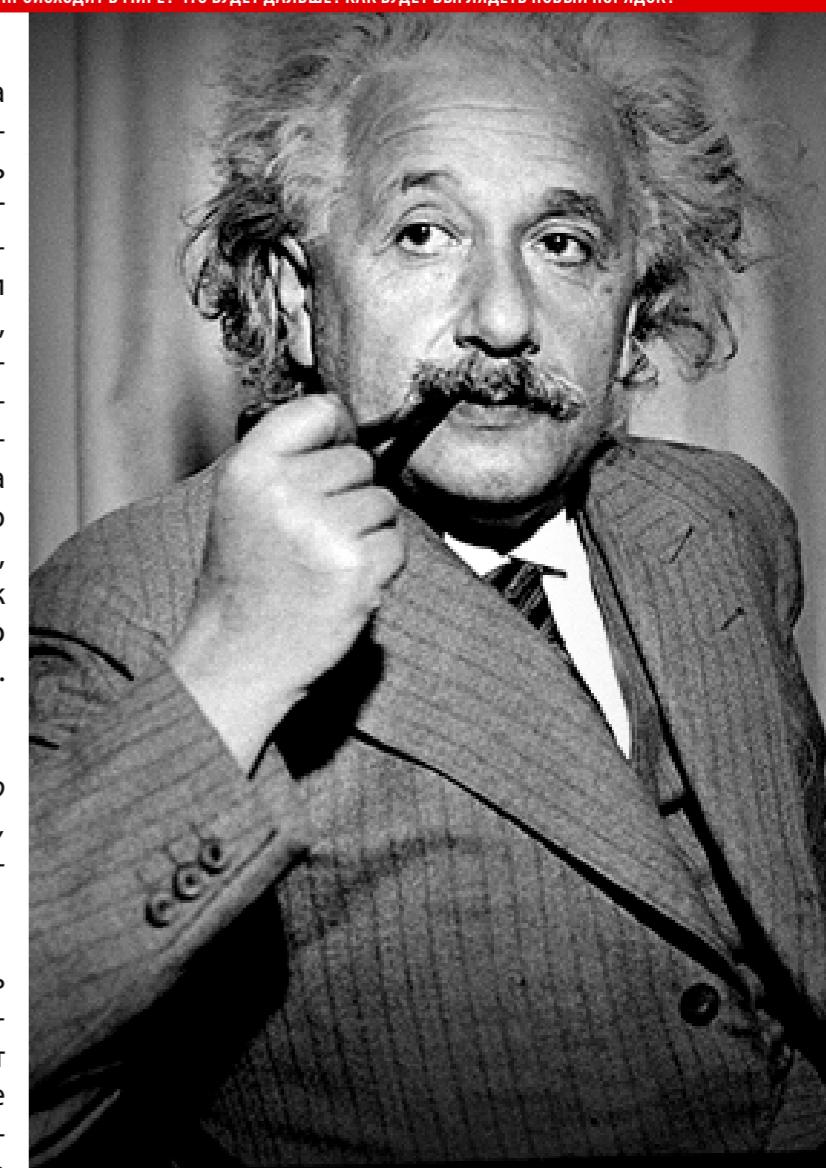
США, которые, по крайней мере, с конца XIX века считали себя наделенными «миссией» ведущей державы мира, оказались перед лицом стремительно сменяющих друг друга сначала двух мировых войн, благодаря которым они полностью оттеснили Европу от роли глобального протагониста, затем десятилетий холодной войны, в конце которой они считали, что почти полностью достигли цели, только чтобы обнаружить, что — идеологически вражеская сила пала — геополитическая сила воскресла, что китайская сила имеет впечатляющий рост, и что (не в последнюю очередь) ее роль как сверхдержавы уже идет на спад. Все это делает картину еще более нестабильной. И поэтому:

«можно сказать, что никакого «нового порядка» на горизонте не предвидится, напротив, намечается долгий сезон мирового беспорядка».

Более того, глобальный порядок может быть утвержден исключительно по правилам, навязанным победителем (а на данный момент такового не наблюдается), или в результате соглашения между двумя или более «доминирующими» субъектами (а это также абсолютно не стоит на повестке дня).

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ: КАК ЖИТЬ В СИСТЕМЕ, ГДЕ ПРАВИЛА И НОРМЫ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ ЭФФЕКТИВНЫМИ?

При ближайшем рассмотрении, даже в том мире, который мы оставили позади, правила были — по крайней мере, частично — не более чем фасадом. Целый ряд международных обязательств, «пластиковым» представителем которых была сначала Лига Наций, а затем ООН, на самом деле работали фрагментарно и даже с некоторым комфортом. Существует бесчисленное множество случаев, когда правила игнорировались, или обходились, или даже откровенно нарушались теми или иными субъектами; и прежде всего, конечно, самыми сильными субъектами. В результате вскоре почти у каждого были свои нарушения, и поэтому возникла взаимная заинтересованность в том, чтобы никогда не применять эффективных санк-

**“ Я НЕ ЗНАЮ,
КАКИМ ОРУЖИЕМ БУДЕТ ВЕСТИСЬ
ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА,
НО ЧЕТВЁРТАЯ — ПАЛКАМИ
И КАМНЯМИ**

Альберт Эйнштейн

ций. Что, к тому же, во многих случаях было просто невозможно. Поэтому, по сути, мир, из которого мы пришли, был миром, в котором правила игры распространялись на тех, кто не мог безнаказанно их нарушать, но которые в любом случае представляли собой хотя бы формальные рамки, на которые можно было ссылаться.

Конечно, мир, который открывается перед нами, — это мир, в котором даже эти формальные ссылки будут все чаще игнорироваться, а международные отношения будут регулироваться на уровне силовых отношений. Очевидно, что это не означает, что сильнейший (в военном, экономическом или политическом отношении) всегда преобладает, поскольку стратегическая динамика в действительности становится все более сложной и артикулированной, так что в определенное время может случиться и так, что «слабые» преобладают над «сильными». В то же время, это не означает появления некоего «закона джунглей»; напротив, это может означать утверждение системы неформализованных правил, но точно вписанных в логику властных отношений, которая, если с одной стороны, может

показаться предвестником беспорядка и нестабильности, то с другой стороны, может оказаться более прочной, именно потому, что основана на реальных данных, а не на абстракциях.

Конечно, в целом это означает, что положение слабых стран станет еще более уязвимым, а это, в свою очередь, может привести к появлению множества систем регулирования, каждая из которых в той или иной степени связана с одной из ведущих держав, что соответствует новому разделению мира на «стороны». Вероятно, первой территорией, на которой может быть реализовано это умножение международных «правил», будет экономическая — подумайте о том, что уже происходит вокруг БРИКС+, или — в других отношениях — о том, что повлечет за собой выход России из системы SWIFT. В любом случае:

«распад старого порядка и отсутствие нового на его месте будет характеризовать длительную фазу междуцарствия; говоря словами Грамши, «старый мир умирает. Новый медленно появляется. И в этой смеси рождаются монстры».

Если мы снова посмотрим на российско-украинский конфликт как на лакмусовую бумажку, наглядно демонстрирующую ситуацию, мы поймем, каковы решающие факторы глобальной конкуренции. За вычетом спекулятивных маневров, в которые, например, вкладывались запасы зерна, мы знаем, что сегодня мировое производство продовольствия даже в избытке — даже при крайне неравномерном распределении — а решающими факторами являются энергия (газ, нефть, ядерная энергия) и доступ к некоторым фундаментальным видам сырья. Кроме того, конечно, возможность экспансии на новые рынки.

С этой точки зрения Россия становится центральным элементом; как в смысле ее возможностей экспорта энергии, так и ее срединного положения на евразийском континенте, настоящего «моста» между Европой и Азией (Китаем). Поэтому:

«большая игра, которую предстоит вести в ближайшие десятилетия, в основном заключается в международной перестройке, определяемой главным образом влиянием доступа к энергии».

Учитывая, что в краткосрочной перспективе картина будет такой, какую мы уже наблюдаем (Европа «отделяется» от России и дорого платит за последствия на экономическом и политическом уровне, а сама Россия обращается к Востоку — Китаю, Индии и т.д.), в среднесрочной перспективе необходимо будет посмотреть, смогут ли Соединенные Штаты в свою очередь «удержать» — как экономически, так и политически — Запад, который будет оказываться все более изолированным. И, следовательно, смирится ли Европа надолго с состоянием обнищания и заметного подчинения, или же, возможно, воспользовавшись моментом дальнейшей слабости США, она не сможет освободиться от него. В этом случае именно со старой Европы может начаться процесс переписывания правил существования между народами.

Sept

Энрико Томаселли

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЛИ ВОЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

ТРУЛС ЛИ

Норвежский журналист. В настоящее время он является главным редактором *Modern Times Review* и руководителем ежемесячной газеты *Ny Tid*

Чтобы ответить на вопрос «Что происходит в мире сейчас — и что такое новый порядок?», я бы хотел использовать более философский подход к нашему современному западному менталитету. Что есть такого в нашем современном времени или образе жизни, что способствует таким враждебным или технологическим «решениям» — например, укреплению современного военно-промышленного комплекса?

Позвольте мне в этой беседе обратиться к опасному технологическому образу жизни или образу мышления нашего времени. На момент написания этой статьи мы не знаем, перерастет ли навязанная Украине война в глобальную, с применением смертельного ядерного оружия.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Во-первых: возможно ли найти какую-то более глубокую философскую структуру огромного военно-промышленного комплекса, которым оснащен мир — с его чрезмерно быстрым технологическим развитием? Не похоже, чтобы человеческая мудрость развивалась с той же скоростью, что и эта тотальная мобилизация коммуникационных и медиийных технологий. Позвольте мне обратиться к трем книгам по этому вопросу.

В книге немецкого философа Петера Слотердайка «Одомашнивание бытия» (оригинал 2001 года) делается ссылка на высказывание философа Мартина Хайдеггера:

«Вульгарный ум не видит мира, он видит только сущее».

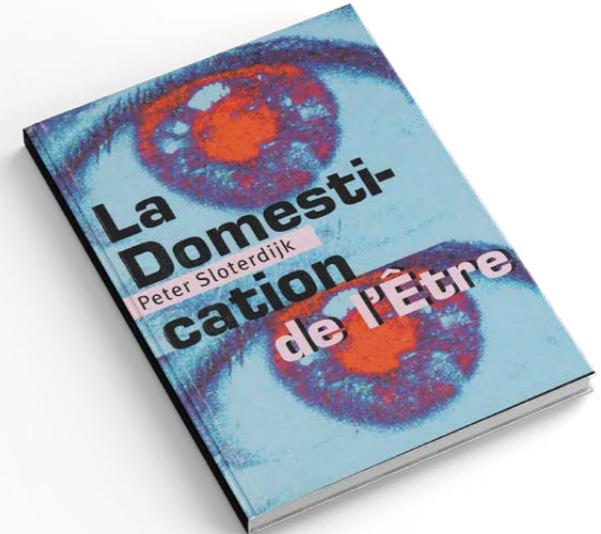
Хайдеггер был обеспокоен тем, что все мы, находясь под влиянием собственной воли и постоянных привычек, утратили способность пересмотреть или действительно увидеть суть или характер технологии — как нечто гораздо более навязчивое для нашего образа бытия, чем просто технические инструменты или «протезы».

Спустя долгое время после крайних мировых войн прошлого века Слотердайк описывает нас сегодняшних — как испорченных и бездумных, как «более неустойчивых, изменчивых и более неверных в своем существе, чем любое животное до этого». Вместе с Хайдеггером он указывает на то, что:

«мужественность войны и случайные жестокости заблокировали понимание аппарата эволюции. Насилие влияет на нас в своем внутреннем и внешнем проявлении».

Ползучий «декаданс», вызванный длительными периодами мира, лишил нас способности мыслить, чтобы работать против явного и неявного насилия и реально видеть последствия конфликтов и войн. Как эмоционально неустойчивые «древние существа», обладающие слишком большой силой воли, Слотердайк ставит диагноз: мы — и сюда мы можем включить действия **НАТО/США и России** — накопили групповую раздражительность, «которая может выпустить параноидальное, оргиастическое и саморазрушительное насилие». Эскалацию спиралевидного насилия войны трудно остановить.

Мы также знаем, какой интерес или выгоду имеют политики и СМИ от использования подозрительных «образов врага». Слотердайк добавляет, что такое «все более подозрительное отношение и в будущем [...] особенно усиливается тем фактом, что американские военачальники не удержались

от немедленного применения самого экстремального из всех видов аллотехнического оружия — а именно атомной бомбы». **Варварское применение передовой технологии в Хиросиме и Нагасаки** в то время показало, насколько безудержным может быть использование разрушительных технологий.

ХАЙДЕГГЕР И ТЕХНОЛОГИЯ

Критика Хайдеггером технологии известна по его лекции и эссе «Вопрос о технологии» в 1957 году. Это эссе стало известной ссылкой для критики нашего западного менталитета, где технология уступила место доминирующему волевому и вызывающему образу мышления. То, как мы решили управлять нашей повседневностью с помощью таких слов, как «производить» (по-немецки *herstellen*, *pro-duce* как «излагать» — в отличие от «уводить», как показал Бодрияр в *«se-duce»*) и «выставлять» (по-немецки/норвежски *aufstellen*, *austellen*) — с производством, контролем и оформлением большинства вещей (*stellen*, *das Gestell*).

Использование аппаратов, технологий, машин и сегодняшних всеприсутствующих технологических коммуникационных и больших технологических медиа-приложений и каналов уже давно стало частью нашего поведения, практики и нашего образа мышления (менталитета) и действий. Мы не только поставили себя в качестве контролирующих субъектов над природой (окружающими нас объектами) или в центре

природы, но в конечном итоге и сами стали объектами, подобными частям или шестерenkам в глобальном аппарате или механизме (вспомните старый взгляд на это с помощью фильма Чарли Чаплина «Новые времена»). Это «настроение» или преобладающий образ жизни следует за нашей нынешней исторической эпохой или существованием. Сегодня, вероятно, можно добавить влияние технологических алгоритмов и социальных медиа. Сегодня люди добровольно «служат» именно Facebook и т.д. Но также и то, как мы, как и раньше, постоянно превращаем вещи и среду в ресурсы и хранилища, готовые к использованию. То, что Хайдеггер называл *«bestand»*, — это постоянный резерв, не только военное оружие, готовое к использованию, но и мы сами, как рабочие, как солдаты, как запас, готовый к выбору и использованию.

ВОЕННЫЙ КОМПЛЕКС И ЮК ХУЭЙ

В настоящее время мир с помощью США/НАТО и их членов с требованием инвестировать два процента бюджета в вооружение, создал огромный *«bestand»* оружия и высококвалифицированных технологически оснащенных солдат. Ежегодные расходы военно-промышленного комплекса составляют более 2 триллионов евро — разрушительные отходы (не имеющие никакого конструктивного применения, кроме рабочих мест, потребления и процветания), которые удвоились с 1995 года. Сюда же можно добавить гипермодную информационную войну — с кибервойной и искусственным интеллектом. Как отметил сам Владимир Путин в своей лекции для детей — тот, кто контролирует технологию искусственного интеллекта, будет доминировать в будущем. Когда появится возможность, военные технологии и солдаты, охотно использующие оружие, огромного военного комплекса в качестве запаса могут быть выпущены на свободу в полном объеме — как это происходит в ходе более или менее «прокси» войны в Украине.

Более актуальным, чем Слотердайк и Хайдеггер, является Юк Хуэй из Гонконга (2017–19). Книга «Вопрос о технологии в Китае. Эссе по космотехнике» — о гиперско-

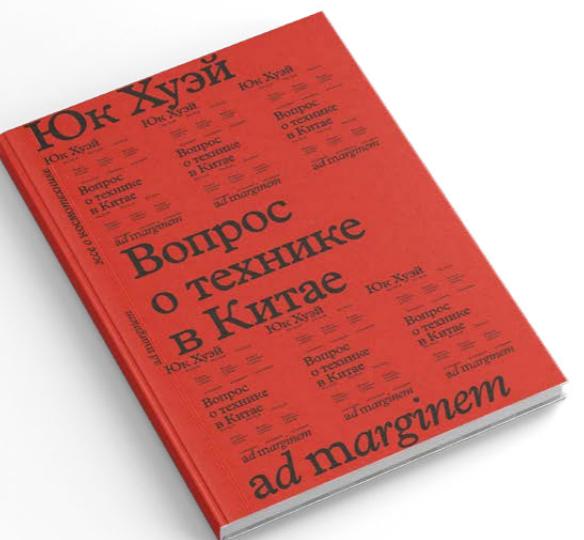
ростной модернизации Китая в свете его долгой истории технологического развития и его отношений с Западом. Его последняя книга «Рекурсивность и контингентность» (2019) исследует кибернетику и ее слияние художественного и природного, т.е. машин и организмов. И здесь мысли Хайдеггера имеют основополагающее значение.

Но позвольте напомнить, что касается военного комплекса: бывший госсекретарь США Генри Киссинджер в связи со своим предыдущим заявлением о том, что Украина (что означает «пограничная страна») никогда не должна стать членом НАТО. Его текст от 2014 года был повторно опубликован на CNNBC:

«Слишком часто тема Украины представлялась как испытание на прочность: должна ли Украина объединиться с западом или востоком. Но если Украина хочет выжить и процветать, она не должна быть одним форпостом против другого — страна должна действовать как мост между ними».

(бывший госсекретарь США
Генри Киссинджер)

Интересно, что Юк Хуэй ссылается на недавнюю статью Киссинджера «Как заканчивается Просвещение» в *«The Atlantic»* от 2018 года. Суть в том, что свет Просвещения теперь постепенно ведет в глубочайшую тьму: утратил ли человек с появлением искусственного интеллекта «человеческий» контроль над ма-

шинами и этими технологиями? Прошла ли цивилизация свой пик, как предполагал когда-то **Освальд Шпенглер**? Киссинджер, как бывший военный *«mongerer»* («тот, кто продает или распространяет что-то», прим. редактора) (*Индонезия / Вьетнам*), писал в своей дипломной работе о Шпенглере, когда он в молодости учился в Гарварде:

«Жизнь — это страдание, рождение несет в себе смерть. Тленность — удел живых. Ни одна цивилизация не смогла продержаться долго, ни одна не была по-настоящему полноценной».

Так стоит ли нам быть пессимистами? По мнению Хуэй, просвещение еще не закончилось. Дело в том, что современные технологии поддерживают некое просвещение или освобождение благодаря своему использованию в качестве средства передачи информации — но скорее в том смысле, на который однажды указал **Маршалл Маклюэн**, что «средство передачи информации — это сообщение».

К сожалению, всеохватывающий технологический аппарат, которым мы живем и окружаем себя в нашей современной повседневной жизни — я бы сказал, все: инструменты, оружие, транспорт, машины и непрерывная коммуникация — стало нашей жизненной практикой, смыслом того, что нужно делать и поддерживать в нашей повседневной жизни. Научно-технический образ мышления, в котором доминирует **эффективность и рациональность**, пытающаяся включить все и всех в свою «универсальность».

НОВЫЙ ПОРЯДОК?

Что же последует за ним? Технологии расширяются как феномен, а с ними и новые возможности, о чем писал французский философ **Жиль Делез** в «Постскриптуме об обществах контроля» (уже в 1990 году). Это был основанный Мишелем Фуко анализ дисциплины и контроля, сегодня реально проявляющийся в новых техниках слежки. И «безопасность» — это новое ключевое слово...

Приводит ли такой контроль над населением — также через военную пропаганду, которую мы видим сегодня в СМИ — ко все большему нигилизму? Юк Хуэй пишет о такой форме нигилизма, как «окружающий нас технический аппарат и его огромная сила, толкающая нас к апокалиптической конечной точке». То, что Хайдеггер называет «концом философии», есть не иное, как «победа антропологической машины», — так Юк Хуэй выражает пессимизм, подобный пессимизму Киссинджера.

Возможно, это более глубокое доминирующее подводное течение глобальных трансформаций сегодня.

ПЛАНЕТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Как пережить/выдержать глобальные трансформации

Вернемся к ситуации, о которой говорилось выше, — скрытому мировому порядку военно-промышленного комплекса или технологического мышления: Сможем ли мы это пережить? Есть ли какой-нибудь выход из этой разрушительной ситуации сегодняшнего западного поведения нашего бытия, если только ядерная эскалация не будет в скором времени решена «сильными мира сего» Путиным, Столтенбергом и Байденом — что поставит крест на возможности существования пригодной для жизни цивилизации?

В своей поздней философии **Хайдеггер** предписывал кротость или мягкость (*«Gelassenheit»*), позволение быть (не слишком далеко от песни *The Beatles* «Let it be») в отношении нашего окружения и совместного существования. Он не выступал против технологии как таковой — по его словам, мы должны быть в состоянии сказать технологии как «да», так и «нет». Или, как сказал Слотердайк, между технологией и сырой технологией.

Книги Хайдеггера читали на Востоке — и позже некоторые японские буддисты посетили немецкого мыслителя во Фрайбурге, чтобы заставить его понять японскую философию. Но он сказал, что слишком зациклен

на немецком языке, чтобы расширить свои мысли...

Также Хуэй из Гонконга, со своей стороны, предписывает техноразнообразие, плюрализм, в котором он рассматривает ряд местных обычаяв и восточных способов мышления (примеры из Китая и Норвегии, так называемые «космические техники»). Однако это не чистая наивная экологическая ностальгия, а скорее близость к природе вещей.

Позвольте мне добавить французского друга Делеза, **Феликса Гваттари**, «глубокую экологию» — также как лучший способ душевной заботы. А как насчет «экоцентризма» норвежского автора **Эрланда Кюстеруда**, который после периода «антропосцены» указывает на Восток, на то, что более глубокое понимание скрыто в китайском языке и мышлении (см. видеоинтервью на nytid.no/kiosterud).

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Термин «тотальная мобилизация» — это выражение немецкого писателя **Эрнста Юнгера**, которое также использовал Хайдеггер в 1938 году в качестве критики гитлеровского милитаристского прогресса. Является ли это новой мобилизацией НАТО сегодня — с расширяющимися военными бюджетами?

В конечном итоге Хуэй призывает к критике глобализации и сегодняшней планетарной мобилизации материи и энергии — и вместе этого скорее к планетарному мышлению, как свободным отношениям с технологией. Возможно ли обратить вспять безрассудную мобилизацию, которую мы наблюдаем сегодня с 800 американскими военными базами по всему миру? Последней новостью является создание 4 эксклюзивных военных баз в Норвегии, моей родной стране. И запланированное расширение НАТО на Швецию и Финляндию.

С отправкой на Украину все более и более современного оружия, такого как системы Patriot, мы рискуем получить эскалацию от того, как они провоцируют Россию. Где мирные переговоры, дипломатия, движения за мир, которые могут остановить эту безумную войну?

Работы Хуэя можно читать как программу практических изменений. Он призывает заменить то, что он называет «двумя монстрами-близнецами: с одной стороны, империализм, а с другой — фашизм и национализм», где новая ориентация может быть найдена на местном уровне. Не указывает ли это каким-то образом на анархизм — где локальное и глобальное работают вместе? Отношение с просьбой оставить в покое (*letting-being-be*).

СПОСОБЫ БЛАГОТВОРНОГО ВЛИЯНИЯ НА ИЗМЕНЕНИЯ — ЭКОЛОГИЯ

Когда такая агрессивная большая политика растет на образах врагов и поляризации, как насчет того, чтобы больше прислушиваться к гражданам, чем к политикам? Одним из примеров являются собрания граждан: например, конференции по вопросам будущего Европы, проводимые Европейским парламентом уже в течение года. Как в Страсбурге, так и в других местах — они выступали в качестве панелей с примерно 200 случайно выбранными участниками этих гражданских ассамблей (*Citizens' Assemblies — CA*) — гражданских советов или гражданских собраний.

Они начались с интереса к Ирландскому совету по гражданским правам и свободам по закону обabortах, и еще одного общественного совета (CA) — к закону о возможности заключать брак для всех, независимо

от ориентации. В Европарламенте на конференциях встречались участники, говорящие на 24 языках — с Кипра, Финляндии, Португалии... Они обсуждали такие темы, как оборона (использование вооруженных сил для ликвидации последствий природных катастроф и других кризисов); как отменить право вето в одной стране; велись дискуссии о федерализме (государственном, националистическом, культурном); вопросы цифровизации или политика в отношении климата...

ПРЕИМУЩЕСТВА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В заключение давайте рассмотрим, что значит «поднимать вместе», приведя несколько примеров конструктивной политики — вместо пустоты войны и военной экспансии. Сотрудничество возможно: во время пандемии выделялись и распределялись большие суммы денег. Европейский Союз вкладывает большие суммы в климатическую политику. И энергетика — «подключение ветряной энергии Дании, солнечной энергии Испании и гидроэнергетики Норвегии, а не 27 стран, разбегающихся во все стороны».

Вот несколько примеров:

- **Сельское хозяйство:** сотрудничество для избавления от огромных выбросов.
- **Транспорт:** необходимо больше инвестиций в зарядные станции для электромобилей, а также в развитие линий высокоскоростных поездов по всему европейскому континенту — чтобы отказаться от ряда поездок на короткие расстояния.
- **Энергетика:** необходимо развивать крупные сети поставок возобновляемых источников энергии. Когда в одной стране много солнца, а в другой — много гор с гидроэнергетикой, это можно соединить в одну большую сеть возобновляемых источников энергии — так же, как когда в одном районе с солнечной энергией темно, энергию ветра можно получать из другого. (Как гражданину Норвегии мне стыдно за оппортунизм Норвегии, за международное загрязнение окружающей среды нефтью, за ту прибыль,

которую она дает самой нации).

- **Оборона:** будущее Европы обсуждается — это общая европейская оборона: Существует множество аспектов европейской обороны. Как известно, война разрушительна, а военная техника сильно загрязняет окружающую среду. Но даже когда 27 стран покупают вертолеты, автомобили и другие вещи, это обходится гораздо дороже, чем скоординированное сотрудничество. Вспомните, как катастрофически проходила эвакуация из Афганистана — мы не смогли защитить даже аэропорт в Кабуле.

«Я хотел показать ментальность, которая подавляет людей, делая их все более и более контролируемыми субъектами. Есть ли надежда на настоящие демократические дебаты (CA), которые могут сохранить плюрализм, объединенный в многообразии.

Вместо конкурирующих сил, военного комплекса, возможно ли в будущем установить такой подход, который позволит сделать так, чтобы все было иначе — вместо того, чтобы навешивать ярлыки на других (борцов за свободу как на «террористов») или обвинять незнакомцев...?»

Сейчас в войне в вашей стране, Украине, преобладает жестокость, которая возможна при финансировании военных операций, основанных на разрушениях, которые приходят из нашего современного времени нового технологического мышления, основанного на доминировании и контроле. Или этот способ «прореживания», представленный здесь, будет доступен только ограниченному просвещенному меньшинству? Я очень надеюсь, что нет.

Трулс Ли

ДВИГАТЕЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ СХЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Писатель, криминолог, психолог, журналист-расследователь, бизнес-стратегический консультант, адвокат. Академик Европейской академии наук Украины

Непосредственно аспект природы или «истока» геополитических угроз — в наши дни вопрос открытый. Как таковое систематизированное представление о природе феномена отсутствует; в частности, «на академической повестке дня» значится и вопрос модели. И поскольку каждый житель Земли так или иначе, прямо или косвенно, в любой момент времени может на себе и на качестве своего образа жизни ощутить видимую силу воздействия геополитических угроз, стоит ли говорить о значимости или актуальности исследования этого феномена? Всё чаще в 21 веке эксперты в области безопасности и биз-

нес-консультанты, теоретики и практики, учёные и умы ищущие дискутируют исключительно о категориях практических: как быть и что делать человеку, оказавшемуся в эпицентре «геополитической центрифуги», будь то: пандемия, гибридная война, битва информационных сценариев или технологическое противостояние, сказывающееся на экономических и социальных показателях. Каждый из нас — в той или иной степени не свободен и не защищён от изменяющихся условий окружающей среды. Беспомощность и потенциальная опасность неуправляемой картины будущего ввиду непонимания природы угроз глобального порядка — мощный

рычаг и причина, побуждающие реализовывать научную разведку такого порядка.

В сердце исследовательского подхода к изучению природы геополитических угроз лежит дилемма методологического выбора: какая из научных дисциплин располагает аппаратом к осмыслению данного рода категории? К какому «научному разделу» принадлежит данная тема?

Ключевыми «претендентами» выступают политология, история и психология. Так, современная политология всё чаще смещает исследовательский фокус на «дела наших дней», пренебрегая уроками прошлого; поэтому, на мой субъективный взгляд, у данной дисциплины самые слабые методологические позиции. Безусловно, наибольшими преимуществами обладает междисциплинарный подход; однако всё же стоит отметить, что лидирующие позиции принадлежат исторической дисциплине. Располагая достоверными историческими данными, представляется возможным осмысливать не только **тенденции** разворачивания геополитических угроз, но и их **частотность**. Тенденции, в частности, позволяют отследить системность развития явления, а частота значимых событий, порождаемых угрозами такого порядка — отметить частотность возникновения геополитических угроз. Безусловно, отдельной научной задачей выступает изучение масштабирования угроз, почему и как это возможно.

Итак, объектом исследования в контексте представленного тезисного доклада является природа геополитических угроз — непосредственная корневая, сущностная категория угрозы, масштабирующаяся в пределах мира. Предмет исследования — двигательно-динамическая схема, отражающая природу геополитической угрозы.

На основании прототипологического подхода предлагается критически проанализировать:

- 1) мировые тенденции как отражение системного развития явления «глобальная угроза»;

- 2) частотность событий;
- 3) масштабирование угроз.

С КАКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МОМЕНТА СТАНОВЛЕНИЯ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ СТОИТ ИЗУЧАТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ?

С точки зрения линии времени, осмысливая феномен в единстве «прошлое-настоящее-будущее», целесообразной точкой отсчёта при изучении геополитических угроз предлагаются рассматривать XV век. «Разумная» история, события которой подлежат оценке и критически здравому осмыслению, пожалуй, стартует с отметки «XV век», поскольку с XV века сохранились документы и артефакты, позволяющие комплексно изучать природу глобальных угроз. В теории можно говорить и о более ранних исторических событиях, но объективно у нас практически нет никаких верифицирующих документов. В какой-то мере, хотелось бы обсудить события эпохи Чингисхана, хана Батыя, однако большинство документальных свидетельств ранее XV столетия, к сожалению, являются спорными на предмет полноты и достоверности.

Хотя, например, концепция «богатой страны масштаба от океана

до океана, где любая женщина могла бы прогуливаться с золотым подносом и чувствовать себя в безопасности» — весьма любопытна, но с позиции современности, пожалуй, утопична.

Геополитические угрозы, с точки зрения обязательных условий, предполагают наличие такого института как государство. Соответственно, с момента выбора XV века как точки отсчёта, главным источником геополитических угроз выступают империи. Желание и силы завоевать новые территории расширяли империи, а политика и управленческая наука наводили некий порядок в её изменяющихся пределах. Безусловно, «империю» в качестве источника угроз считали не сами завоеватели, но жители завоёванных территорий, нередко не принимая «новый имперский порядок». Истории известно множество примеров «неприятия порядка»: от единичных локальных забастовок до народных волнений. Веро-

ятно, единственный исторический пример, представляющий образец мудрого правителя, которого подчинённые не воспринимали как генератора угрозы их существованию или посягательства на образ жизни,— это Карл V. Редкий, даже уникальный пример правителя, которому удалось сохранить баланс и равновесие «нового и старого» — император Священной Римской империи, Король Испании, Карл V. Однако приведённый пример мудрого политика, умело сочетавшего подходы справедливости и эффективности, прототипологически сравнимые с подходами и принципами Царя Давида и Царя Соломона,— это исключение из правил, нежели обыденная историческая норма.

Стремление к построению империи целеобразно осмысливать как психологему. *Зачем вообще человеку желать строить империю?* Особенно если в распоряжении и так есть власть, богатство, природные и людские ресурсы. С позиции психологии, я полагаю, что цель построения империи — масштабирование личности. Безусловно, более 15 лет изучая наследие Испанской империи и феномен Карла V, уточню, что в этом конкретном случае не так всё просто и однозначно. В частности, история восхождения Карла V на престол, при условии огромного числа «более именитых претендентов» — это настоящая загадка. Тем не менее, развитие любой империи подразумевает такие процессы как захват территории и установление на ней имперского порядка. Главный побудительный мотив (рассуждаем на примере Испанской Империи) — религиозный, т.е.

распространение христианства. История показывает, что эпоха христианизации Европы сменилась более масштабным событием: распространением христианской религии в пределах мира. Как это стало возможно — другой вопрос.

Данного рода рассуждение позволяет прийти к немаловажному выводу: так, любому угрожающему фактору предшествует философская идея. Даже в качестве эксперимента рекомендуется предложить читателю попробовать назвать войну, сражение, «нашествие» или конкисту, реализации которой не предшествовала бы философская идея. В некоторых случаях это будет религиозно-философская идея, но далеко не всегда.

ИТАК, КАЖДОЙ УГРОЗЕ МИРОВОГО МАШТАБА ПРЕДШЕСТВУЕТ ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ.

Непосредственно философская идея может исходить из совершенно разных предпосылок:

- **захват территории** с целью обогащения и приумножения масштабов власти;
- **реализация частных экономических интересов** — например, передел рынка;
- **религиозные мотивы** — распространение религии и др.

Так, ярким эпизодом и наглядным примером, способствующим осмыслению природы

геополитических угроз и тактике их «вмешения» является христианизация Европы. Привнесение изменений в образ жизни — задача на грани «невозможного» без особого силового рычага. А распространение новой религии — как раз задача такого уровня. Так, христианизации Европы предшествовало создание специальных условий:

- 1) всеобщая угроза европейской масштаба — в данном случае, это эпидемия чумы;
- 2) страшное заболевание, что унесло миллионы жизней стало «благодатной почвой» для взращивания и распространения идеи о «спасении» (масштабы смертности были запредельными).

Можно даже заметить, что без идеи о «спасении» христианизировать Европу просто невозможно. Факт остаётся фактом: болезнь (эпидемия чумы) предшествовала христианизации Европы. Испанская конкиста (колонизация Америки), сегодня нередко ассоциируется с обогащением и поисками «сокрытого от глаз людских города, сплошь построенного из золота». Однако немаловажен тот фактор, что сами конкистадоры несли идею «спасения» (тот самый движущий мотив), после чего следовало установление нового имперского порядка на завоёванных территориях.

Важно: нередко те, кого «спасали», во все не желали «быть спасёнными» (данная тенденция свойственна не только Средневековью, и в наши дни ничего не поменялось).

ЦЕЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ — КОНТРОЛЬ И УПРАВЛЕНИЕ, ТО ЕСТЬ, УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЁННОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ; НЕ ПРОСТО ГОРОДОМ ИЛИ РЕГИОНОМ, НО КОНТИНЕНТОМ, ЧАСТЬЮ МИРА.

Основополагающий исторический диапазон, подлежащий изучению с целью проникновения в тайну природы геополитических угроз — это Первая Мировая война. В ходе изложения рассуждения отметим, что **философская идея определяет политику государства, а политика диктует причины зарождения геополитической угрозы**.

«ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ → ПОЛИТИКА → ВОЗНИКАЕТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА»

Первая Мировая война явственно продемонстрировала, что такое «разность политических взглядов» и чем может закончиться противостояние «разных взглядов на мир и на жизнь» — на то, как должно быть по чьему-то **властному представлению**. Инициировать подобного рода масштабное противостояние каждый желающий, условно, не может. Разумно было бы сказать, что на это способны только люди, обладающие фактическими возможностями что-то изменить (правители, значимые политики, представители эшелонов власти и пр.). Те, у кого в распоряжении есть армия, которая может захватить некую

территорию и установить там «необходимый порядок».

Итак, ключом к созданию предпосылок к развертыванию и масштабированию военного конфликта, в итоге приобретшего объёмы Первой Мировой войны, выступила разность философских идей. Да, не каждый раз в истории разность идей породит столь глобальный конфликт. Однако в данном случае у «владельцев» философских идей в распоряжении был боеспособный аппарат армии. Военные формирования действовали в интересах правящих кругов, отдающих приказы о проведении военных операций, впрочем вовне, в пределах политической арены, заявляющих другие цели. Например, «обеспечить защиту и безопасность невинного гражданского населения»; об «установлении нового порядка», разумеется, «вслух» не сообщалось. По аналогии невольно вспоминается фантастическое произведение «Прирождённый полководец» (автор Гордон Руперт Диксон). Особенно рекомендую обратить внимание на сцену доклада главного героя Дорсая во Дворце Лиги правосудия, которая показывает, что публичные заявления правящей элиты далеко не всегда соответствуют оригинальному замыслу. И что «не достаточно победить в войне, важно выполнить волю вас пославших». А «воля пославших», чаще всего, неведома исполнителям, не то что жителям. Примеры такого плана (в том числе, литературного) я привожу, чтобы проиллюстрировать:

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА – УГРОЗА СКРЫТАЯ. МЫ НЕ ВСЕГДА ПОНИМАЕМ КОНЕЧНУЮ ЦЕЛЬ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ.

Первая Мировая война представляет собой, таким образом, войну философий. С другой стороны, изучая предпосылки геополитических угроз на примере Второй Мировой войны, определённо возможно заключить: в данном случае ключевыми факторами выступили причины экономического порядка, а не идеологического. Так, хотя СССР, Франция, Великобритания и другие страны одержали победу, тем не менее, по итогам

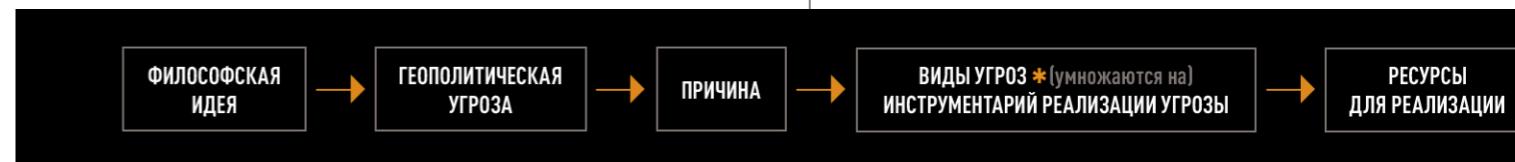
Второй Мировой войны «экономически выиграла» и обогатилась на поприще глобального конфликта совершенно иная страна. Именно США стали «сверхдержавой» за счёт Второй Мировой войны. Обогащение казны Соединённых Штатов (в том числе, за счёт военных поставок оружия, оборудования, «спасения» золотого запаса ряда европейских стран и др.) в глобальном масштабе не состоялось бы без эксплуатации фактора «мировая война» как тотальной угрозы.

Для сравнения: СССР, одержав победу в войне, потерял огромное число человеческих жизней и был вынужден восстанавливать руины и нередко заново выстраивать инфраструктуру (и не только), в то время как на территории США не проходило военных действий, по масштабу как-либо сравнимых с европейскими. Эпизод с исчезновением немецкого золотого запаса (и не только) — отдельная «серая зона» экономической истории Соединённых Штатов Америки. Такого куша, как Вторая Мировая война, США не дало ни одно «событие», «акция» или «международное начинание». Аналогичное сравнение предпосылок развертывания мировых войн позволяет заключить: **природа геополитических угроз восходит не только к философским категориям и причинам, но и к причинам экономического порядка.**

«ФИЛОСОФСКАЯ ВОЙНА → ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА»

Так философская война ретрансформировалась в войну экономическую. И если на примере конкисты мы не можем давать финальных, нерушимых заключений (далеко не всё известно о колонизации Америки и проверить сегодня события тех веков крайне затруднительно), то Новейшая история предоставляет к критическому анализу конкретные данные. Далее предлагается результат праксеологического осмысливания природы геополитической угрозы.

ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ → ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА → ПРИЧИНА (ФИЛОСОФСКАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПР.) → ВИД УГРОЗЫ *

ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГРОЗЫ (ВОЙНА, ЭПИДЕМИЯ, ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И ДР.) → РЕСУРСЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ (В ЧАСТНОСТИ, ВЫБОР ОРГАНА, КОТОРЫЙ «ВНЕДРИТ ПРОЕКТ»).

Пояснение к схеме: философская идея предшествует любой geopolитической угрозе; она порождает причину будущих «мировых ретрансформаций», будь то экономические или религиозно-философские интересы и пр.; причина порождает вид угрозы и инструмент реализации угрозы (что именно будет внедрено: война, эпидемия, нависшая экологическая катастрофа или нечто иное); безусловно, это потребует ресурсы для реализации угрозы, т.е. какой «орган» или формация будет осуществлять проект угрозы (армия, монашеский корпус, орден или др.) Двигательно-динамическая схема реализации geopolитической угрозы позволяет сделать следующий вывод:

«В ОСНОВЕ ЛЮБОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ ЛЕЖИТ РАЗНОСТЬ МЕНТАЛИТЕТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ».

В качестве примера geopolитических угроз осмыслим историю покорения «Дикого запада» и истребления коренных североамериканских народов, остатки представителей которых завоеватели «поместили» в резервации. Убеждение «*кто сильнее, тот и прав*» (скорее, биологического порядка, нежели культурно-социального) лишь выступило катализатором экономических причин и мотивов.

Война за Гроб Господень также не ограничивается религиозными догматами. Волна Крестовых походов предшествовала идея «войны за украденный злодеями Гроб Господень», «оправданная» религиозными установками христианства; однако одной из подлинных причин европейской экспансии целесообразно назвать причину экономи-

ческого характера, конечная цель которой: *ограбление востока и частное обогащение*.

Так, истинные причины geopolитических угроз скрыты; **всегда выбирается «удобная обёртка».** Осмысливание реализации угроз глобального порядка — обычно крайне субъективно. Участники событий, волей-неволей подвергшиеся давлению или прямому воздействию инструменту geopolитической угрозы адекватно оценить причинно-следственные связи обычно неспособны. Идея «спасения» совершенно не нова. То, что одной стороной заявляется, например, как «спасательная операция с целью наведения порядка и недопущения развязывания глобального военного конфликта», для другой стороны — настояще вторжение «освободителей, которым не рады», поскольку как таковой нужды в «спасении» нет. Данный пример приведён с целью демонстрации последствий столкновения разных менталитетов.

В завершении ещё раз ретроспективно обратимся к личности великого правителя Карла V. Главе «империи, над которой никогда не садится Солнце» как-то удавалось выдерживать и сохранять единый баланс, учитывая особенности менталитетов разных народов (в том числе, покорённых). Как тактически, идеологически или социально действовал Карл V? Почему его фигура внушила доверие и вызывала уважение среди подчинённых (даже на оккупированных территориях)? Без излишних идеализаций аналогичные вопросы очерчивают круг новых поисков в области исследования менталитета и управления природой geopolитических угроз, равно как и последующих практических изысканий в ключе инструментализации и системной разработки тактики реализации жизнедеятельности в условиях воздействия глобальных угроз.

Dr. Олег Мальцев

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК НОВЫЙ ЭТАП. МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

«Управление — это принятие решений вместе».

Dr. Элизабет Хаас-Эдершайм

Без управления приходится идти на компромиссы — краткосрочные и долгосрочные и соглашения с сообществом. Реальность такова, что отсутствие государственных субъектов, обеспечивающих рамки регулирования, почти всегда приводит к коллапсу, что эмпирически доказано в политологии. Но если мы говорим о Метавселенной, то это совсем другое дело. Я имею в виду, что один из способов размышлять об этом состоит в том, что отсутствие централизованной системы правил и норм не означает, что у вас вообще нет никаких правил регулирования или норм. Это просто означает, что вам придется создавать их снизу вверх и создавать их как значительно большее бремя для сообщества.

В экосистеме Интернета, где, как известно, крупные игроки, а также правительство довольно серьезно думают о контенте, модерации и обеспечивают правила и нормы для жизни. Но в другом смысле, это действительно расширяет возможности системы, в которой вы и люди в ваших сообществах, в вашем DAUS, в вашей части Интернета, могут создавать свои собственные правила и нормы.

ЧЕМУ МЫ НАУЧИЛИСЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ?

Три ключевые группы влияют на политику компаний, работающих в социальных сетях.

DR. ЭЛИЗАБЕТ ХААС-ЭДЕРШАЙМ

Адъюнкт-профессор *Tisch* института Нью-Йоркского университета. В настоящее время она консультирует руководителей высшего звена, а также работает с клиентами — от быстрорастущих молодых компаний и крупнейших глобальных некоммерческих организаций до компаний из списка *Fortune 100*

- **Во-первых, это рекламодатели**, которые контролируют потоки доходов этих платформ у источника. Например, в свое время YouTube столкнулся с большим давлением, потому что реклама таких компаний, как Procter & Gamble, Toyota и Anheuser-Busch, размещалась рядом с видео с обезглавливанием ИГИЛ и другим экстремистским контентом. Рекламодатели начали отзывать свои деньги, и стандарты YouTube изменились — частный сектор может стимулировать себя к изменениям, по крайней мере, до определенного момента.
- **Во-вторых, НПО, общественные организации и избиратели** могут оказать давление на правительство США, чтобы оно регулировало содержание социальных сетей. По мере роста осведомленности об опасностях в Интернете эти усилия будут становиться все более влиятельными — даже если Вашингтон по-прежнему будет отставать в этих вопросах.
- **В-третьих, пользователи** сами могут решить покинуть платформу. Но они редко это делают; как только гиганты социальных сетей добиваются масштабного сетевого эффекта, люди все неохотнее покидают платформу, на которой они построили отношения. На практике такие компании, как Facebook или YouTube, могут переживать скандал за скандалом, прежде чем потребители начнут бурно реагировать. Планка для любой реакции слишком высока, чтобы быть значимой; а величина реакции, если она вообще возникает, часто слишком мала, чтобы быть

заметной. Более эффективная в других секторах, подотчетность пользователей не кажется особенно эффективной, когда речь идет о цифровых платформах.

Более того, изменение экономических стимулов привело к тому, что технологические компании изменили свое отношение к модерации контента. Сначала эти платформы рассматривали модерацию как дополнительные расходы, требующие ресурсов, которые можно было бы использовать в других целях. Но потом они поняли, что именно потому, что это требует больших ресурсов, принятие мер по модерации контента может сделать невозможной конкуренцию для более мелких игроков. Как могли маленькие стартапы в социальных сетях содержать отдел модерации контента? Пока обширная модерация остается нормой, крупные игроки будут сохранять свою власть на рынке.

В конечном счете, мы **можем извлечь три урока из траектории развития модерации контента за последние десять лет**.

- **Во-первых**, благодаря масштабным сетевым эффектам, платформы социальных сетей могут избежать ответственности пользователей.
- **Во-вторых**, экономические стимулы и регулирование остаются единственными способами заставить технологические компании изменить свое поведение.

- **В-третьих**, модерация контента может осуществляться ценой конкуренции и децентрализации. Стандарты могут быть настолько требовательными, что не позволят более мелким игрокам выйти на рынок; а если они и выйдут на рынок, то смогут обслуживать только меньшую часть пользователей, а именно тех, кто предпочитает платформы без модерации контента. Последний пункт особенно важен, когда мы начинаем думать о Метавселенной, которая может стать более децентрализованной — как надеются энтузиасты Web3 — или повторить модели рыночного доминирования Web2.

Давайте рассмотрим эти два сценария по очереди.

ДВЕ МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕТАВСЕЛЕННОЙ (METAVERSE)

В первом сценарии текущие игроки — Apple, Meta и другие — контролируют большую часть Metaverse. Каждая из этих компаний уже вложила миллиарды долларов в исследования и разработки, ориентированные на Metaverse, и это число будет расти по мере ускорения внедрения. Если эти компании перенесут свое господство на Metaverse, их политика модерации контента станет стандартом завтрашнего дня. На прошлой неделе Meta, Microsoft и еще 35 компаний объявили о создании Metaverse Standards Forum — открытого консорциума, занимающегося разработкой протоколов совместимости Metaverse. Определяя правила сверху, эти компании могли бы привнести свой десятилетний опыт модерации контента в интернет будущего. Но такая концентрация власти будет происходить за счет более активного принятия решений снизу вверх.

В альтернативном сценарии Web3 торжествует, и децентрализованные экосистемы заменяют гигантов прошлого. Преодолевая господство инкумбентов, новые игроки превращают Metaverse в мозаику децентрализованных сообществ, каждое из которых определяет свои собственные нормы. При всей своей привлекательности, эта более демократичная модель значительно усложнит модерацию контента: если тысячи децентрализованных организаций выработают стандарты, соответствующие ценностям их сообщества, достижение совместимости покажется совершенно невозможным.

Поэтому каждая ментальная модель идет на компромисс. Либо технологические гиганты сохраняют контроль над Metaverse и модерация остается нормой, либо Web3 съедает мир и Интернет становится Диким Западом, лишенным четких стандартов, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Вторая модель выглядит более рискованной, но в долгосрочной перспективе она предлагает возможность демократизировать модерацию контента. Как сказала руководитель отдела

образования Roblox Ребекка Кантар на недавней дискуссии в Институте Брукингса, если Метавселенная должна способствовать здоровому взаимодействию, «прибыль не может быть единственным мотивом». Демократическое принятие решений грязно и часто неэффективно, но эти недостатки не должны оправдывать передачу власти экспертным компаниям с собственными стимулами.

В конечном итоге, независимо от того, удастся ли крупным компаниям захватить Metaverse или нет, тем, кто озабочен модерацией контента, придется балансировать между децентрализацией и эффективностью, конкуренцией и безопасностью, демократией и опытом.

Если бы мы все были более или менее равны в ресурсах, власти и влиянии, то не было бы ничего страшного, если бы правительство исчезло завтра, потому что мы могли бы вместе создавать правила снизу вверх. На практике проблемы дисбаланса сил таковы, что если у вас нет нейтральной третьей стороны, которая могла бы сформулировать правила и нормы, позволяющие вести более или менее честную игру, люди, обладающие большей изначальной властью, склонны устанавливать правила в свою пользу. И поэтому я думаю, что здесь есть все возможности.

Если задуматься, то **на самом абстрактном уровне есть два способа, с помощью которых системы законов и правил раз-**

рушаются. Один из них заключается в том, что появляются сверхмощные игроки, которые бросают вызов консенсусу. Именно это и происходит на уровне международных отношений: у вас есть международный порядок, основанный на правилах, который, по сути, поддерживался Соединенными Штатами в качестве модели хеджирования. И у вас есть государства-изгои, которые появляются, чтобы бросить вызов этой системе правил и норм в свою пользу и вернуть ее к чисто силовым играм. И тогда другим способом разрушения правил и норм является возвращение власти народу, чувства долга перед массой более или менее равных людей. И, по сути, часть задачи Web3 и Интернета в целом состоит в том, чтобы попытаться сделать так, чтобы это было второе и первое.

Я думаю, что с нашей точки зрения, мы должны с самого начала отказаться от дихотомии. Время, которое мы проводим в виртуальном мире, не обязательно для того, чтобы виртуальный мир заменил реальный. И поэтому один из способов думать об этом заключается в том, что, безусловно, виртуальный мир станет лучше, более захватывающим, более интересным, более приятным, чем он был раньше. И это хорошо. Знаете, несмотря ни на что, главный вопрос при проектировании Метавселенной — как поставить ее на службу реальным, значимым взаимодействиям. Например, City Keys; Lip Sweater. Здесь нет дихотомии.

Люди, работающие в Метавселенной, не пытаются «заменить колесо», они пытаются сделать виртуальное лучше, чем оно когда-либо было. Но их задача — поставить виртуальное на службу реальному. Поставить Metaverse на службу созданию реального сообщества, например, молодых хоккейных болельщиков, или туристов, посещающих города; или Praxis Society и их генерального директора, разъезжающих по городу. Но, по сути, они пытаются создать сообщество из 10000 человек, которые находятся в мире криптовалют и выращивают один и тот же вид сервера discord. Их идея заключается в том, чтобы создать новый город в Средиземноморье. И они получили большое финансирование, чтобы присое-

диниться к этому объединению. Идея здесь в том, что технология, как она задумана сейчас, я думаю, на самом деле ориентирована не на замену реальной жизни, а на новые формы человеческой координации, которые становятся возможными в Интернете, чтобы вы могли делать что-то вместе в реальном мире.

ВЫВОДЫ

WEB3 — управление не является чем-то второстепенным, о нем никогда не думали в ключе создания нового города с управлением в качестве второстепенного вопроса. Большинство DAO создаются с целью просто решить вопрос управления.

Самое важное в этих характеристиках — Метавселенная как новый этап, новая граница. Она подчеркивает свою значимость подобно другим историческим переломным моментам (когда возникает «до» и «после»), таким как появление печатного станка, электричества или Интернета.

После пересечения такой границы меняется социальный и политический ландшафт, часто влияя на все — от языка до культурных норм. Метавселенная, как новый этап, бросает вызов всем предположениям, которые мы делаем об образовании, бизнесе, технологиях, промышленности и обществе. В отличие от других исторических моментов, когда технологии трансформировали повседневную жизнь, этап прохождения Metaverse будет критически важен для навигации (как сглаживающая технология).

УРОКИ ПРОШЛОГО:

- какие уроки мы можем извлечь из прошлого, связанного с Интернетом 1 и Интернетом 1/2, применительно к Интернету 3 и Метавселенной?
- что работало ранее с регулированием, а что нет? Что мы можем извлечь из этого? Например, подход к управлению с точки зрения рисков, а не регулирования;
- может ли управление помочь нам избежать таких же или худших результатов в Интернете 2/Web3, какие мы наблюда-

ли в Интернете 1/Web 1 и 2 — например: дезинформация, нарушения конфиденциальности и т.д.?

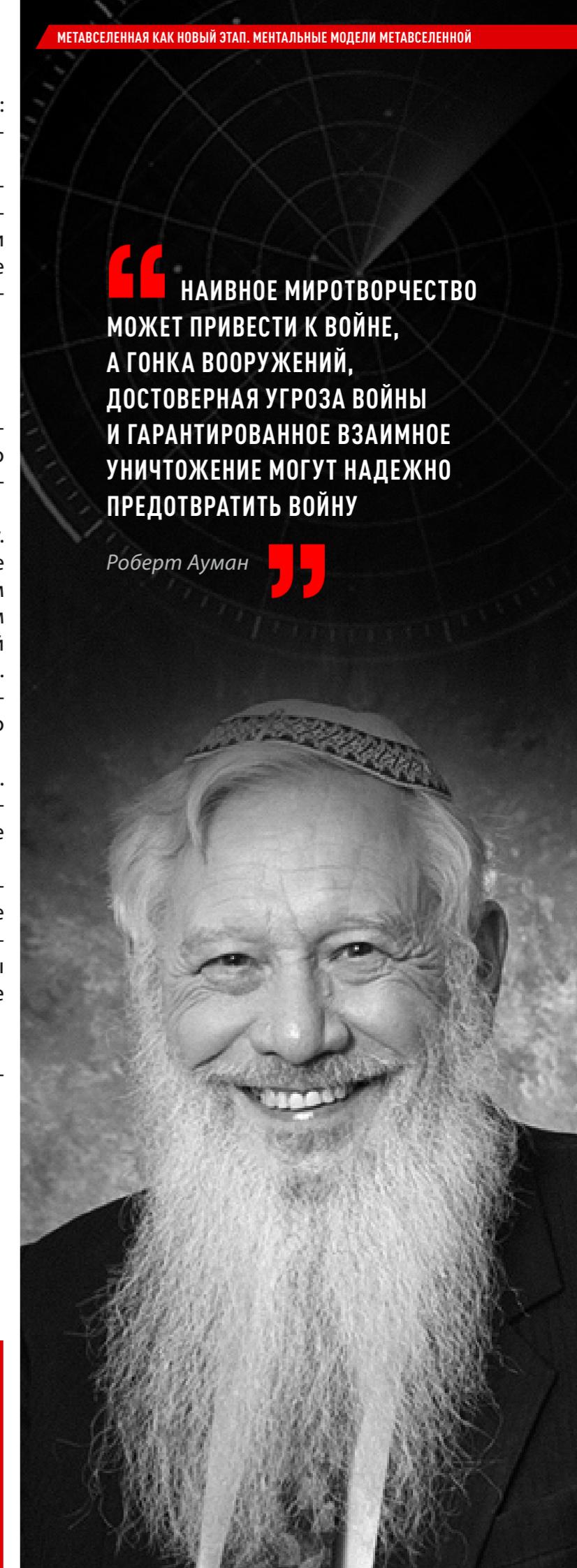
- могут ли регулятивные песочницы, подобные бермудской, позволить тестиировать решения в Метавселенной, а с точки зрения регулирования — изучать вместе с рынком, как должно выглядеть это регулирование?

НЕОБХОДИМЫЕ ТРЕБОВАНИЯ:

1. Входить в работу с видением целостности и иметь нулевую терпимость ко всему остальному — независимая интегрированность.
2. Смотреть на долгосрочную перспективу.
3. Межсекторное и межорганизационное сотрудничество является ключевым и может быть достигнуто только путем создания сети — обмена информацией для расширения возможностей в целом. Человеческие отношения, характеризующиеся высокой степенью взаимного знакомства и доверия.
4. Предпочитать «поселенцев» «ковбоям».
5. Метод проб и ошибок со свободной возможностью учиться на ошибках (полное уважение к клиентам).
6. Профессионализм. Мы доверяем высокообразованным профессионалам с более высокой степенью осмотрительности — обслуживание врача и т.д. Мы должны воспринимать это как обслуживание в нашем сознании.

Это должно быть нормой профессии и регулирования.

Dr. Элизабет Хаас-Эдершайм

Роберт Ауман

ВИРТУАЛЬНОСТЬ – НОВАЯ ФОРМА РЕАЛЬНОСТИ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ: КАК ЖИТЬ В СИСТЕМЕ, ГДЕ ПРАВИЛА И НОРМЫ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ ЭФФЕКТИВНЫМИ?

Невозможно жить в системе без правил. Те, кто принимает законы, должны следить за тем, чтобы правила всегда были актуальными. Ни одно пространство не должно оставаться нерегулируемым. ИТ-образование должно быть направлено на то, чтобы в Интернете существовали определенные правила, а нерегулируемые интернет-пространства должны быть закрыты.

PROF. РАНЬЕРИ РАЗЗАНТЕ

Юрист, бизнес-консультант и аудитор. Советник по вопросам делегирования полномочий и кибербезопасности при заместителе министра обороны. Профессор Болонского университета и Университета Кассино и Южного Лацио

В эпоху, когда кибервойны и кибератаки являются обычным явлением, представители правительства должны создать альянс против кибервойн, который займется созданием нормативной базы, адаптированной к опасной эволюции угроз. Стоит отметить, что основная проблема касается вменяемости и преследования очень непредсказуемых хакерских атак. Кроме того, мир еще недостаточно подготовлен к ограничению ущерба от хакерских атак.

Экономические и промышленные державы должны пересмотреть использование технологий и их обеспечение в соответствии с правилами и схемами защиты.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОТИВ РЕАЛЬНОГО: ЧТО БУДЕТ ПРЕОБЛАДАТЬ И ПОЧЕМУ?

Виртуальная — это новая форма реальности, которая помогает нам понять и разобраться с реальной, расширяя наши возможности.

Виртуальность также является зеркалом наших умственных способностей. В виртуальности происходит абстракция времени, оно становится более математическим и линейным. Виртуальность станет второй кожей, формируя новый мир. Поэтому с прогрессом технологических инноваций, которые будут вкладываться во всю жизнь человека, невозможно будет жить без виртуальности.

Я бы всегда предпочел, чтобы реальное преобладало. Однако невозможно представить современный мир без виртуального, человек должен управлять машинами и никогда наоборот. Например, виртуальные преступления более опасны, чем физические. Но виртуальное — не единственное решение в борьбе с сетевой преступностью. В борьбе с преступностью всех видов всегда необходима активность человека.

Prof. Ranieri
Раззанте

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ: КАК ЖИТЬ В СИСТЕМЕ, ГДЕ ПРАВИЛА И НОРМЫ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ ЭФФЕКТИВНЫМИ?

PROF. ДЖАНФРАНКО ЛИЦЦА

Бывший полный профессор политической и экономической географии в римском университете «La Sapienza» и директор магистерской программы по geopolитике и глобальной безопасности

Я не думаю, что человеческое существование и пропитание переходят в нерегулируемые условия. Правила, которые являются основой нашего существования, прав человека, отношений между различными культурами, коммерческого обмена и научного прогресса, все еще будут действовать, но они будут меняться из-за новых интересов и экономических проблем, культурного и технологического развития и все более опасных условий нашей планеты, вызванных безумной эксплуатацией и загрязнением, с которыми мы привыкли жить на данном этапе.

Неоспоримо, что развитие коммуникаций в реальном времени, скорость транспорта, доступность новых видов сырья и источников энергии, сила, получаемая от владения оружием массового поражения, меняют методы и отношения. Так, использование новых моделей потребления и, прежде всего, убеждающее воздействие политической и экономической пропаганды уже манипулируют человеческим мозгом, сдавая его в аренду

для достижения новых целей. Последние будут устанавливать новые правила. Социальные правила существования людей изменят пропаганда по всем каналам, распространяющая новости, которые создадут новые модели жизни. Правила существования тоже меняются, и человечество под влиянием искусственного интеллекта уже никогда не будет прежним. Человек уже каким-то образом вышел из исторического времени, но он не может жить без правил. **Действительно, постмодернизм создаст новые правила, потому что старые уже не смогут адаптироваться к миру, который полностью изменился за эти годы.** Выше перечисленные правила будут заменяться, обновляться и навязываться со все большей строгостью.

По моему мнению, проблема не связана с правилами, которые будут меняться вместе с будущим технологическим развитием и в соответствии с миром, который возникнет в результате изменения климата. Потому что постмодернизм, имеющий широкие технологические ожидания, постепенно будет стремиться овладеть человеческим разумом, заставляя его вести новый образ жизни. Единственное различие может проистекать из способности разных народов реагировать на условия, диктуемые другим странам правилами, связанными со стандартными уровнями нового технологического, культурного, экономического и социального развития, достигнутыми странами-лидерами, потому что мы не живем и не думаем одинаково. Более того, в мире существуют разные религии, есть люди, которые жили и живут в исторических, физических и экологических условиях, отличных от условий стран-лидеров экономического, технологического и социального благополучия. В этой части мира все будет зависеть от уровня обучения и экономического развития новых поколений, которые, безусловно, более последовательны, чем в так называемых благополучных странах.

Предположим, что все правительства мира требуют от людей жертв в связи с изменениями, которые требуют новых форм существования и международных отношений. Как отреагирует каждая страна с поведенческой и экологической точки зрения?

Возможно ли, что некоторые страны, ослабленные процессом старения, который является основополагающим для хорошей жизни, более уязвимы и легко поддаются влиянию, несмотря на меньшую реактивность, чем те, которые привыкли жить в условиях лишений, вооруженных столкновений и в целом нестабильного существования? Как они будут реагировать друг на друга?

Русские и украинцы — это два славянских народа, привыкших страдать после столетий господства, лишений и ограничений. Два сильных народа, привыкших мириться с политическим авторитаризмом. Нынешняя война возвращает нас в прошлое, к резне, которая происходила в прошлые века, и с психологической точки зрения вызывает разное отношение у тех, кто в нее ввязался, и у тех, кто не ввязался. **Необходимо установить единые правила, а затем изменить их, превратив в новые. Но чтобы получить новые общие правила жизни, мы должны избавиться от спекуляций, эгоизма, злоупотребления властью, ненависти и мести, которые толкают человечество к темному прошлому, несмотря на то, что сотрудничество является единственным решением для достижения лучшего будущего.** Так или иначе, в настоящее время мир не может жить без правил, не сможет он делать то же самое и в будущем из-за глобальных изменений в обществе и различных погодных условий.

В других местах, в Афганистане, Юго-Восточной Азии, в Палестине и во многих странах Африки, не говоря уже о тех, кто продолжает жить в зонах военных действий и инструкций на Ближнем и Среднем Востоке, есть люди, чья способность бороться с невзгодами намного выше, чем то, что считается человечески переносимым в западном мире. Последний в последние десятилетия глубоко трансформировался под влиянием внутренней политической экономической борьбы, под угрозой интересов организованной преступности и меньше, чем в прошлом, увлекается принципами христианской веры. Несмотря на это, благодаря социальным, демократическим, политическим, экономическим и технологическим достижениям она может рассчитывать на среднее экономическое благосостояние, что делает ее

менее готовой к решению любых проблем по сравнению с теми, кто ведет невидимые войны. Правила существуют, но лишь немногие люди следуют им с умом.

Есть часть мира, которая постоянно страдает, и есть другая, которая, благодаря огромным достижениям, включая самое современное оружие, некоторое время наслаждалась политической, экономической и социальной стабильностью, что делает ее менее склонными к жертвам. Когда уязвимость порождает неуверенность, она становится элементом, который делает правила человеческого существования забытыми. Мы не должны забывать, что технологические инструменты, такие как мобильные телефоны, вплоть до искусственного интеллекта, изменили нашу жизнь, которая движется от технологического детерминизма к социальному.

Все это может быть не чем иным, как источником глубоких размышлений. На первый взгляд просто, но на самом деле очень сложно. Поэтому вопрос остается прежним: по какому пути движется наше существование и каковы основные правила? Какие у нас есть шансы жить спокойно, без темных туч на горизонте? Демографическая зима, характерная для большей части западного мира, ослабляет физическую и психологическую устойчивость его жителей, делая их готовыми к диалогу или отдаляя от бедных стран, богатых молодыми людьми, которые

хотят покинуть свою страну в поисках новых целей? Глобализация подчеркнула социальное неравенство, и то, что кажется глобализированным с одной стороны, совершенно неопределенно с другой. Огромные столицы можно найти там, где древние традиции заставляют большую часть человечества ждать лучших дней, и это результат действия правил, которые со временем будут меняться.

Тревога о том, как бы не потерять нынешние позиции, все больше овладевает западным миром, порождая уязвимость, слабость, покорность, привычку страдать в остальном мире, элементы, которые трансформируются в силу воли. В то время как западные люди становятся все старше и старше, остальной мир увеличивает свою численность. Китай, некогда бедный, стал главным соперником Соединенных Штатов на международной шахматной доске. Безусловно, китайский народ обладает способностью переносить трудности, консолидируясь во времени, поскольку, как и русские, он не обладает способностью думать, делать и говорить то, что не соответствует авторитаристическому образу мышления. Китай ищет новые достижения везде, где их можно получить за счет западной мощи, благодаря постоянно растущей демографии и технологическому развитию. Нет похожих стран, кроме Индии, как по впечатляющему демографическому и технологическому развитию, так и по известной приспособляемости к страданиям.

Нет сомнений в различии, касающемся социальных и моральных правил среди всех людей мира, независимо от их технологических возможностей, но благодаря качеству времени, которое выковало характеры и стойкость к невзгодам. История учит нас, что упадок империй и королевств обычно начинается на пике процветания. Конечно, причины могут быть разными, некоторые невозможно научно доказать из-за вмешательства переменных, не поддающихся анализу, однако, возникает вопрос: возможно ли, что традиции, прошлое,

привычки, характеры, средний возраст, все возможные реакции на большие трудности могут быть разными у разных групп населения нашей планеты, потому что правила человеческого существования различны?

Более того, если трудности затягиваются во времени, из-за разной способности адаптироваться к неблагоприятным обстоятельствам, они могут ознаменовать начало упадка или даже роста, как это произошло в Китае, в соответствии с реактивными возможностями каждого населения. Если это действительно так, то несомненно, что в таких ситуациях любая «слабая» нация, несмотря на сильную военную мощь, будет стремиться использовать все доступные технологии, чтобы избавиться от риска упадка. Это фундаментальное правило.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОТИВ РЕАЛЬНОГО: ЧТО БУДЕТ ПРЕОБЛАДАТЬ И ПОЧЕМУ?

Я считаю, что виртуальное в значительной степени заменит реальное. Не существует постоянного решения для технологического развития, которое должно обеспечить рабочие места, пищу и экономическое благополучие для всех людей в мире, численность которых, по оценкам, к концу текущего года достигнет около 8 миллиардов человек.

БУДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ БУДУТ СЧИТАТЬ РЕАЛЬНЫМ ТО, ЧТО МЫ СЕЙЧАС СЧИТАЕМ ТОЛЬКО ЦИФРОВЫМ.

Конечно, изменение нашего общества вырвет людей из их собственных традиций и прошлого опыта, сделав их непохожими на тех, кем мы являемся сейчас. Нормы идентичности окажутся в кризисе, переваривая новое осознание, которое породит новую совесть.

Цифровизация делает людей глубоко зависимыми от машин и заключенных, и это приведет к созданию систем контроля, которые будут анализировать действия людей. Те же люди, которые чувствуют давление, будут становиться все более пассивными субъектами, привыкающими к новым правилам постепенно и инстинктивно. Я не говорю о научной фантастике, но путь, по которому

мы идем, делает нас уязвимыми при выполнении человеческой деятельности, потому что мы больше не умеем создавать ремесла и мыслить по-новому. Виртуальность — это хорошо, цифровые инструменты облегчают жизнь, но в случае длительного отключения времени легко вернуться в прошлое. В этой технологической пустоте люди — просто животные, не способные общаться и находить те элементы, которые делают их уверенными в себе.

В прошлом применение насилия для противостояния или навязывания утверждаемых прав или просто господства над землями и населением происходило более или менее медленно на протяжении многих лет, и даже войны в большинстве случаев требовали длительного времени для завершения. Более того, до конца первой мировой войны речь шла в основном об армиях, стоящих друг против друга; гражданское население было в безопасности, и не было тех технологий, которые мы имеем сейчас, чтобы все уничтожить. Тогда было время думать, планировать и осознавать, как в старые времена. В настоящее время все наоборот.

СКОРОСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО, ОСНОВНОЕ ПРИХОДИТ ПОЗДНЕ. МИР ИЗМЕНИЛСЯ, И В БУДУЩЕМ НОВОРОЖДЕННЫЕ БУДУТ ВЫПОЛНЯТЬ РАБОТУ, КОТОРУЮ МЫ ДАЖЕ НЕ МОЖЕМ ПРИНЯТЬ ВО ВНИМАНИЕ.

Мощь современного оружия используется для угрозы другим странам или просто для самозащиты. Следствием этого является то, что всего лишь одна серьезная ошибка может вызвать настоящий переполох.

Хотя ядерное сдерживание остается важным, оно не может быть единственным критерием, позволяющим жить мирно. Насилие не может разрешить споры, особенно политические и экономические. Более того, время для разрешения конфликта стало слишком коротким и рискованным. Поэтому всем неизбежно приходится использовать другие формы конфликта, которые определяют новые, более современные подходы к власти. Мы могли бы определить их как **интеллектуальные достижения будущего**, которые

беспрерывно транслируются в Интернете 24 часа в сутки. Я говорю о коммуникациях, а пропаганда является важнейшим аспектом благодаря средствам массовой информации, правдивым или ложным новостным объявлениям и изображениям или навязчивой бомбардировке фактами и комментариями, искусно интерпретированными со сквозными целями и интересами.

Поддельная реальность использует свои собственные образы, как червь, действующий в человеческом мозге. Это фундаментальная концепция, поскольку она связана с манипуляцией мозгом. Со временем эти текущие виртуальные образы и информация будут меняться, и то, что определено в сознании людей, постепенно примет направления, отличные от первоначально задуманных.

Таким образом, поскольку великие политические, экономические и военные силы сосредоточены в основном в Соединенных Штатах, в Китае, в Европейском Союзе и в военном отношении в России; что технология и экономическая мощь этих государств, во всех операционных областях, являются подавляющими по сравнению с другими нациями: что невозможно найти окончательные решения для конфликтов, как это было в прошлом: что демографический рост наряду с обнищанием нашей планеты виден не только в развивающихся странах и с этим явлением глубокой критичности, какие могут быть современные инструменты для завоевания или обороны? С финансовой, экономической и политической точки зрения. Кроме того, каковы инструменты для спасения нашей планеты, которая становится все более населенной, но нездоровой?

Ответ однозначен — виртуальные встречи в Интернете, мобильные телефоны, телевидение, кино, социальные сети, чаты и т.д... Так зачем же использовать оружие или принудительный авторитаризм, если использование силы убеждения через пропаганду является более долговечным и менее рискованным наряду с медленным и долгим промыванием мозгов?

Учитывая, что люди во всем мире проводят большую часть своего времени перед

экраном, а некоторые изображения могут манипулировать их разумом, вызывать эмоции, реакции и приводить к действиям, которые не имели бы места без виртуального общения, звучит логично, в чем заключается невероятная сила Интернета. Виртуальное превращается в реальное, люди могут видеть, говорить, общаться, испытывать эмоции, думать над различными вопросами, становясь производителями и получателями одновременно. Реальность стала другой, как и сам мир. Нет необходимости в физическом контакте, потому что виртуальное уже вне-длено в наше сознание.

Политика, потребление, жизненные модели демонстрируются на экранах в режиме реального времени через непрерывный и безостановочный прессинг. Те, кто не привык производить осмысленные мысли, именно те, кто не привык просыпаться прямо сейчас. Другие люди страдают пассивно, и если они хотят что-то узнать, им приходится делать неограниченное количество шагов, прежде чем они получат то, что можно считать достойным интереса. Тем временем разум работает там, где хотят те, кто контролирует новости. Виртуальная среда позволяет людям бесплатно путешествовать по миру и показывает нам то, что владельцы сети хотят видеть, скрывая все остальное.

Страны, в которых отрицаются основные права человека и свобода, создают свою собственную социальную систему на внутренних сетях, исключающих любое иностранное вмешательство, и с помощью пропаганды, видео, изображений и, прежде всего, средств массовой информации, воздействуют на умы больших толп для достижения государственных целей. Все, что виртуально, способно действовать, двигаться, давать советы с помощью специальных программ, где ничего не дается даром. То, что виртуально, похоже на сказку, которая захватывает внимание ради рейтинга. Его можно сравнить с простейшим способом решения сложных проблем или с теми овчарками, которые пасут тысячи овец.

Пример подходит как нельзя лучше, потому что люди все чаще пассивно выбирают

виртуал, чтобы его тащили по дорогам, по которым он никогда бы не пошел один. Вместе с другими люди постоянно совершают ошибки.

Модели и образ жизни, потребление и расточительство являются результатом непрерывного промывания мозгов, чтобы получить программы развития, созданные немногими для тех масс, которые жаждут несуществующей определенности. Потому что те, кто управляет, должны обеспечить работой и пищей всех, и если они совершают ошибки, наступит хаос.

ВСЕ ЛИДЕРЫ ВСЕГДА ЗАЯВЛЯЛИ, ЧТО ЖЕРТВА НЕ-МНОГИХ ПОЛЕЗНА И МОЖЕТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНА ДЛЯ ТЕХ, КТО ОСТАЕТСЯ: ПОСЛЕДНЯЯ КОНЦЕПЦИЯ УЖАСНА, НО ВСЕ ЕЩЕ РАБОТАЕТ.

Каков безболезненный способ управлять, направлять и кормить массы, которые постоянно растут, несмотря на повсеместное снижение рождаемости? Какой лучший способ справиться с растущей нехваткой питьевой воды, опустыниванием больших территорий, отравлением морей и водоносных горизонтов, захоронением радиоактивных отходов, нехваткой продовольствия в некоторых регионах в сочетании с начальным ростом населения в дополнение к непосильным расходам на здравоохранение в бедных и униженных странах и регионах? Решение заключается не в войне, а в обмене проблемами и перспективами. Процесс обмена мнениями заставляет людей понять, что решения должны быть приняты, что только виртуальность может сделать образ жизни лучше благодаря все более совершенным и сложным инструментам.

Молодежь, представляющая самое многочисленное население Азии, Африки и Латинской Америки, все больше и больше пользуется Интернетом, поэтому она более доступна, чем старшие поколения Северной Америки, Европы и Австралии, и именно она будет иметь новый вид существования и со-существования. Реальный физический аспект и физический контакт никогда не исчезнут, но их присутствие будет рассматриваться

только в зависимости от того, что можно считать необходимым.

Это звучит как научно-фантастический вопрос, но это не так, потому что изменения происходят с большой скоростью, и примерно через 30 лет мир будет полностью отличаться от того, с которым мы знакомы сейчас, из-за стремления к новым идеалам, которые, с другой стороны, могут первыми упасть на мертвые уши.

ГОРИЗОНТЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ. НАВСТРЕЧУ 2050 ГОДУ

Значительные достижения на любой широте уже происходят благодаря манипулированию сознанием. Развитие технологий, коммуникаций, видео, изображений, правдивых и ложных новостей, политики, высокая стоимость лекарств и бомбардировок СМИ на всех уровнях — это проявление червя, который медленно развивается, обуславливает, убеждает и подчиняет. Молодые люди более восприимчивы к ним, и многие из них живут в странах с медленным экономическим развитием. Как они будут реагировать в будущем на экономическое и технологическое развитие богатого мира? Сила пропаганды будет определять метаморфозы общества, меняя ценности и выражения, конфликты и силы современности. Геополитике прошлого неизбежно придется корректировать стили, методы и приемы обороны и завоевания.

Prof. Джанфранко
Лицца

АНОМИЯ, МЯТЕЖ И РЕТРЕАТИЗМ

Ph.D. АЛЕКСАНДР САГАЙДАК

Руководитель Ассоциации Теурунг. Академик Европейской академии наук Украины. Юнгианский аналитик, гипнолог, академик, эксперт в области антропологии и социологии

Согласно исследованиям социологии и социальной психологии, социальная аномия является одной из наиболее резких форм социальной патологии. Сам термин появился ещё в Древней Греции, в трудах Эврипида, а его концептуальную разработку осуществили Эмиль Дюркгейм и Роберт Мертон.

Согласно этой концепции, главной причиной аномии является конфликт между существующими социальными процессами и культурными ценностями, когда вторые уже не в силах регулировать, направлять и ограничивать первые. Главным же содержанием этой институциональной неспособности норм и ценностей является феномен неисполнения ожидания — состояние всё более масштабной и глубокой социальной фruстрации, охватывающей целые слои об-

щества. Кстати, следует отметить, что в эпоху информационного общества эта фрустрация «захватывает» массовое сознание гораздо быстрее, чем в совсем ещё недавние по историческим меркам времена.

На индивидуальном уровне аномия — это состояние сознания, когда дискредитируется и деформируется чувство социальной идентичности. Устойчивое чувство психологической сопричастности той

или иной системе социокультурных норм и ценностей оказывается обесцененным в силу того, что индивидуум становится систематически обманутым в своих ожиданиях тех социальных благ, которые ему давала эта идентификация. Чувство разочарования сменяется унынием, уныние — агрессией, агрессия — хаосом. Мертон выделяет два основных проявления аномии — ретреатизм и мятеж.

- **Ретреатизм** — это тенденция к погружению в полную социальную и культурно-нравственную анархию, когда главной движущей силой социальных процессов становится эффект и сиюминутный pragmatism.
- **Мятеж** — это масштабное отрицание прежних норм и ценностей с одновременной попыткой создания и утверждения новых.

Что мы наблюдаем сейчас как ведущую тенденцию социальной аномии? Конечно же, ретреатизм. Попытки определённых политических сил представить эту всё более усиливающуюся ретреатистскую волну как мятеж выглядят откровенно неуклюже, по-

скольку никаких сколь-нибудь новаторских социальных норм и ценностей не создаётся. Также обращает на себя внимание то, что, согласно исследованиям, ретреатизм проявляет себя прежде всего как:

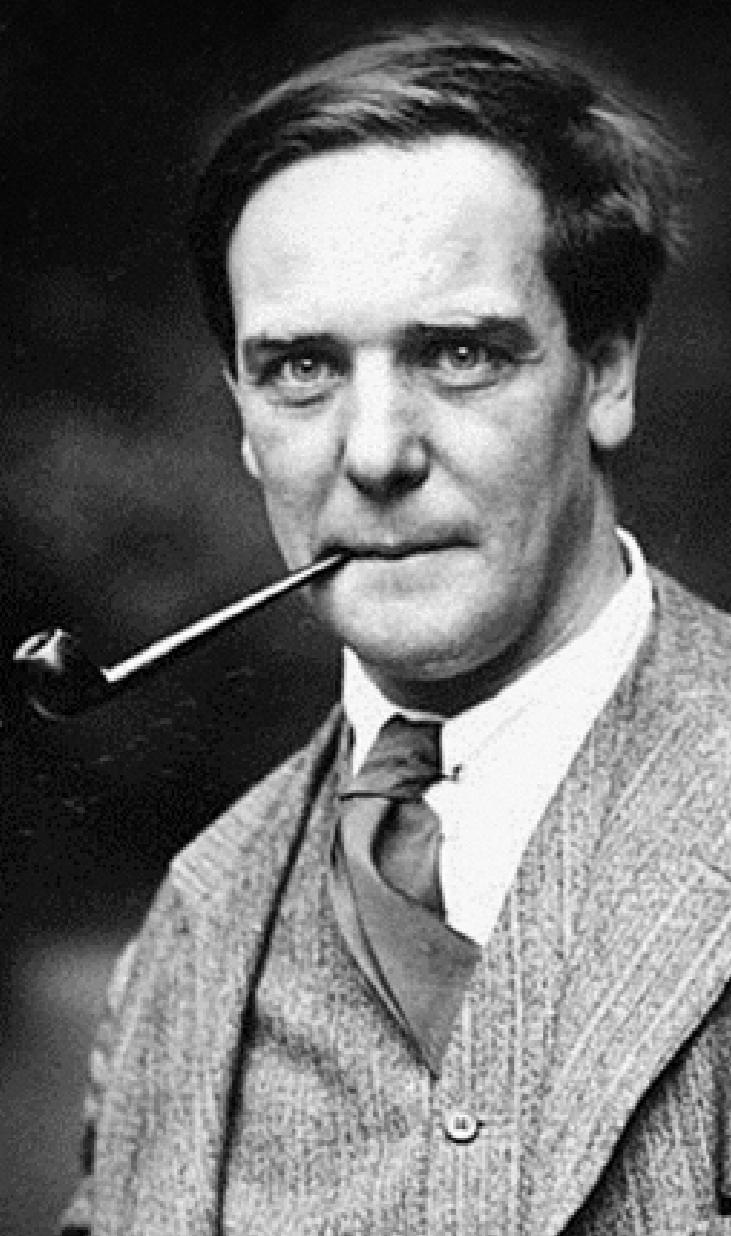
- скепсис по отношению к любым ценностям и идеалам;
- циничный пессимизм;
- философия отрицания и глумления;
- жизнь в текущем моменте, игнорируя прошлое и будущее;
- демонстративный эгоцентризм;
- воинственный индивидуализм;
- изоляция от классических моделей человеческих взаимоотношений и ролевых функций — особенно тех, что связаны с ответственностью;
- ощущение бесцельности жизни.

ДАВАЙТЕ ПРИЗНАЕМСЯ КОЛЛЕГИ — ЧЕГО ИЗ ВЫШЕ-ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НЕТ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЯХ? ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ВСЁ, ЧТО СОДЕРЖИТ В СЕБЕ РЕТРЕАТИЗМ МЫ ВСТРЕЧАЕМ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ НА ЛЮБЫХ ПОЛЮСАХ ЕГО СПЕКТРА — ОТ УЛЬТРАКОНСЕРВАТИВНОГО, ДО СТОЛЬ ЖЕ УЛЬТРАЛИБЕРАЛЬНОГО.

“ ЖИЗНЬ ПОДОБНА КАРТОЧНОЙ ИГРЕ, В КОТОРУЮ ТЫ ИГРАЕШЬ, НЕ ЗНАЯ ПРАВИЛ

Пётр Леонидович Капица

Э. Фромм в своих исследованиях отмечает как главную опасность аномии шизоидное отчуждение от подлинного ощущения жизненности, состояние, которое он обозначал терминами «нарциссизм», «некрофилия», «садизм», «мазохизм». С его точки зрения аномия — психопатическое состояние, приобретающее общественный размах. И здесь мы тоже полностью можем согласиться с мнением выдающегося учёного, поскольку той силой, которая погружает сознание в состояние шизоидной отщеплённости и становится борьба, возведённая в самоцель, подобно «перманентной революции» Л. Троцкого.

В этом мы уже переходим ко второму вопросу нашей дискуссии — **соотношении и действенности виртуального и реального**, потому что шизоидизация сознания как раз и предполагает опору на виртуальную, искусственно созданную картину действительности. Картину, где симулякры заменяют собой факты, где царит чёрно-белая диахрония, где антагонизм «мы-они» доводится до манихейской онтологичности. Разумеется, **виртуальная картина мира всегда терпит крах в столкновении с реальностью**. Также, как иллюзия не выдерживает соприкосновения с фактом. И вопросом здесь должен быть не тот, что сильнее — виртуальная или реальная картина мира — а тот, сколько способна поддерживать видимость приоритетно реальности виртуальная картина, пока действительная реальность не разрушит её. А вот здесь мы видим уже огромное количество вариаций хода событий, от почти молниеносных крушений «воздушных замков», до упорного, длительного цепляния за иллюзии-симулякры, охватывавшего целые народы.

И естественный здравый смысл, и многочисленный исторический опыт показывает нам, что полюс упорного цепляния за виртуальную картину мира, противопоставление симулякров фактам предполагает тот ход событий, который оказывается наиболее разрушительным для прежней системы ценностей и норм. К сожалению, именно эту тенденцию мы и наблюдаем сейчас, когда модернистская эпоха, цивилизация потребле-

ния и симуляков с ожесточением цепляется за свои иллюзии и не жалеет усилий, чтобы продлить их существование.

Резюмировать это исследование хотелось бы двумя цитатами нашего Мэтра, Карла Густава Юнга:

«Любой вид зависимости плох, будь то зависимость от алкоголя, наркотиков или идеализма.»

«Человек — это животное, которое сошло с ума. Из этого безумия есть два выхода: ему необходимо снова стать животным; или же стать большим, чем человек...»

Ph.D. Александр
Сагайдак

“ ЛЮБОЙ ВИД ЗАВИСИМОСТИ ПЛОХ, БУДЬ ТО ЗАВИСИМОСТЬ ОТ АЛКОГОЛЯ, НАРКОТИКОВ ИЛИ ИДЕАЛИЗМА. [...]”

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЖИВОТНОЕ, КОТОРОЕ СОШЛО С УМА. ИЗ ЭТОГО БЕЗУМИЯ ЕСТЬ ДВА ВЫХОДА: ЕМУ НЕОБХОДИМО СНОВА СТАТЬ ЖИВОТНЫМ; ИЛИ ЖЕ СТАТЬ БОЛЬШИМ, ЧЕМ ЧЕЛОВЕК...

Карл Густав Юнг

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ДЕВИАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК. ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

Кандидат философских наук, доцент
Украинского государственного университета науки и технологий

Государство и общество периодически запаздывают с рефлексией социальных практик. Это отставание проявляется разнообразно. Неформальность социальных практик, которые присутствуют, например, в трудовых коллективах, но их описание отсутствует в законодательстве [2]. Но тут социальная практика как-то алгоритмизи-

рована. Однако, существуют практики, которые и не алгоритмизированы, и принципиально не отрефлексированы в полном объеме. Например, война в её проекции на общество. Испанские конкистадоры мало осознавали, что часть покоренных племен уже жила в рамках государств, а часть еще не имеет социальных практик подчинения именно государственной власти, потому война с ними куда тяжелее [1]. Или же родительские практики: каждому поколению приходиться формулировать их заново в новых условиях.

ПРИ ЧЕМ ТУТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ИИ) И КАКОВЫ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ?

Для этого надо оценить те проблемы, которые возникают из-за недостаточной отрефлексированности социальных практик: разбалансируется взаимное становление индивида и той социальной группы в рамках которой проявляется его субъектность. Например, в изолированных микросообществах регулярно воспроизводится проблема полового воспитания подростков. Те знания, которые стихийно дает улица или большая семья, не дает семья атомарная.

На современном этапе развития технологий ИИ растут возможности по узко-профильному анализу и автоматизации уже алгоритмизированных действий, причем в непосредственном взаимодействии с человеком. Равно как и попытка описания ней-

росетями не алгоритмизированных действий (но без осознания, без создания адекватной модели). То есть экспоненциально увеличиваются возможности контроля поведения индивида и создания для него внешне рациональных, но при этом тупиковых образов действия. Что открывает путь к качественному изменению роли индивида, как социального субъекта во взаимодействии с общественными институтами — то есть к изменению социальных практик.

Это может сформировать следующие искажения в социальных практиках:

- достижения полноты контроля при воспитании и обучении индивида, что приведет к резкому снижению роли неформальных практик, основанных на личностном знании. Однако, если именно эти практики необходимы, например, при профессиональном становлении политика, разведчика, искусствоведа. То есть при казалось бы получении новых инструментов развития субъектов, социальные практики, напротив, могут деградировать;
- обеспечения имитации социальных практик. Например, во время выборов избиратели могут пользоваться фактически одними и теми же ИИ-программами для оценки кандидатов, создания контента и т.п. что открывает путь к псевдоконкуренции;
- в рамках межстрановой конкуренции — вскрытие и подавление социальных практик, которые не соответствуют моделям развития одной из сторон. Примером этого могут быть социальные практики, обеспечивающие устойчивость политической системы в разных культурах;
- в целом может возникнуть проблема соотношения социальных практик, подкрепленных ИИ, отрефлексированных, признанных государствами ядра мир-системы (вероятно, такими могут стать системы образования) и социальных практик, присутствующих в странах периферии, жизненно там необходимых, но принципиально ограниченных в развитии из-за отсутствия ресурсов для создания своей ИИ-инфраструктуры.

При этом ИИ на основании статистики поведения людей сможет достаточно точно описывать социальную практику, принципиально не создавая её модель или в неверной модели. Аналогом тут, как ни странно, выступают эпизоды в системе Птолемея: при достаточном количестве эпизодов даже эта модель начинает точно описывать траектории планет, потому что эпизоды становятся геометрическим аналогом бинома Ньютона для описания алгебраической функции.

ТО ЕСТЬ ИИ, АНАЛИЗИРУЯ ПОВЕДЕНИЕ ИНДИВИДОВ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ ПОЗВОЛЯЕТ МАНИПУЛИРОВАТЬ С СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ (ОСОБЕННО В СООБЩЕСТВАХ, ГДЕ ИИ НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ), С ДРУГОЙ — ПЕРИОДИЧЕСКИ ОТКЛАДЫВАТЬ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, Т.К. СНИМАЕТ ОСТРОТУ ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБУЮЩЕЙ ЭТОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.

Это может привести к консервации социальных противоречий и девиации социальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хедрик Д. Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней.— М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.— 560 с.
2. Черникова Е.В. К вопросу о неформальных социальных практиках в социально-трудовой сфере// Теория и практика общественного развития — № 5, 2015.— С. 24–27

Станислав
Бескаравайный

СИТУАЦИОННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

DR. ВАДИМ ПАЛАГУТА

Доктор философских наук, профессор
Украинского государственного университета науки и технологий

В XX-XXI веке в социально-гуманитарном познании совершаются целый ряд междисциплинарных трансформаций. Немецкий культуролог **Д. Бахманн-Медик** в своём исследовании указывает на семь таких междисциплинарных поворотов в социально-гуманитарных науках. Ученый указывает на интерпретативный, перформа-

тивный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и иконический повороты в социально-гуманитарном познании [3]. Они оказали и оказывают существенное влияние на становление новых социально-гуманитарных направлений и стимулируют дальнейшее развитие междисциплинарных областей познания.

Рассматривая основные теоретические установки данных трансформаций в социально-гуманитарном познании, обращает на себя внимание возрастающая роль ситуационного познания как исследовательской стратегии.

Цель настоящих тезисов показать возрастающее значение стратегии ситуационного познания в социально-гуманитарном знании, в которую включен субъект и как наблюдатель или эксперт, и как участник социальных действий и событий. Проанализировать историко-философские предпосылки данного типа познания и показать, что ситуационное знание является не просто сингулярной, частной точкой зрения отдельного лица, а является объективной стратегией и методологией познания, имеющей свои специфические критерии истинности и специфику получения, анализа и использования полученного знания.

В этом контексте представляет интерес рассмотрение проблемы социальной позиции самого наблюдателя как достаточно достоверного источника социально-гуманитарного познания. Так, в идеальном виде имеется **две социально-теоретических позиции наблюдателя как субъекта**, обладающего определенными знаниями или компетентностями — трансцендентная и имманентная, но только последняя позиция наблюдателя как субъекта знающего в наибольшей степени позволяет приобретать ситуационное знание в объективно-субъективной системе координат. Можно ее выразить еще точнее, назвав последовательно имманентной.

Если обратиться к таким социально-гуманитарным наукам как позитивистская социология, социальная психология, социальная география, демография, то общее, что их сближает, — это сбор, обработка, анализ и оперирование количественными данными, разнообразное манипулирование «статистическими фактами» на основе выдвигаемой гипотезы. **Базисной исследовательской процедурой** здесь является проведение эмпирических наблюдений и статистическая обработка данных по образцу естественных и технических наук. Полученные опытные данные обобщаются на основе строго определенных критериев, количественных показателей и схем исследования, использующих логические процедуры, и позволяющие оперировать и выстраивать отношения между эмпирическими данными в соответствии

с предварительно сформулированной идеей или гипотезой.

В другой ветви социально-гуманитарных наук, к которой относятся социальная антропология и этнология, современная культурология и социолингвистика, новейшие направления социологии и социальной теории, теоретический психоанализ, конструктивизм и социальный конструкционизм, семиология, педагогика переживания и т.д., ведущую роль играют качественные методы исследования, ориентированные уже не на трансцендентного или «абсолютного наблюдателя».

Если обратиться к трансцендентной позиции наблюдения, то здесь наблюдатель занимает положение над социальной событийностью и социальными фактами и социальной реальностью в целом или, выражаясь словами **М. Бахтина**, находится в позиции «вненаходимости». Иначе говоря, во главу угла ставится такой субъект наблюдения и экспертизы, который всегда пребывает в месте трансцендентного наблюдателя, получившего название гносеологического или «чистого» субъекта. Подобная позиция трансцендентного наблюдателя, обладающего «взглядом поверх» или «взглядом из ниоткуда», приводит к гипостазированию и реификации социальной реальности, что только отдаляет исследователя от ее релевантного изучения. В самом деле, складывается парадоксальная ситуация «объективности без субъекта». С одной стороны, знание должно соответствовать изучаемой социальной реальности, но, с другой стороны, содержание и результат знания не зависит от действующего в социальной реальности субъекта, они уже предопределены позицией трансцендентального субъекта и его теоретико-методологических установок и построений. Иначе говоря, субъект социально-гуманитарного познания вроде бы присутствует в реальном познании, но, вместе с тем, отсутствует, то есть полностью элиминирован из научного исследования по правилам классической естественнонаучной парадигмы познания. На эту парадоксальную ситуацию когда-то обратил вни-

мание Э. Дюркгейм, изучавший природу и функции социального факта. Французский ученый предлагал «*систематически устранять все предположения*» из социального анализа, подменяющие исследование социальной реальности «*анализом понятий*» [7, с. 40].

НО ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО ПРОДЕЛАТЬ ПРИ СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ?

Нынешнее состояние социально-гуманитарного знания, на наш взгляд, уже невозможно представить без использования процедур гипостазирования и реификации. Ими пронизаны все дискурсивные практики и нарративы субъекта, в том числе и конструирующее ситуационное познание. Равно как и в изучение социальных фактов, органично встроены эти исследовательские процедуры, которые выполняют универсальные функции. И, как отмечает известный российский специалист в области эпистемологии Л. Микешина:

«*гипостазирование имеет место всюду, где возникает проблема существования, действительного и недействительного, идеального предмета, где объект познания непосредственно не наблюдаем. Во всех случаях гипостазирование описывается на языке, неотделимо от языка*»

[13, с. 85]

ПОЭТОМУ, СЕЙЧАС В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ УСТОЙЧИВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ УСТАНОВКОЙ СТАНОВИТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО КАЖДОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ВСЕГДА ЕСТЬ РЕЗУЛЬТАТ ПОЗИЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ КАК КОМПЕТЕНТНОГО СУБЪЕКТА, ИЗ КОТОРОЙ ОН НЕ ПРОСТО ПОЗНАЁТ, А КОНСТРУИРУЕТ СИТУАЦИОННОЕ ЗНАНИЕ, ВСЕГДА ИЗМЕНЧИВОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ И НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ, И ОПИРАЮЩЕЕСЯ НА ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И НARRATIVЫ, КОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ И, В НЕКОТОРОМ РОДЕ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ.

Известный социальный конструционист Р. Харре так охарактеризовал этот познавательный процесс:

«*Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. <> познаваемый объект предоставляет свои определённые аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью*»

[16, с. 71].

Здесь предоставления со стороны объекта подразумеваются не что иное как набор «рабочих» гипотез и порой откровенных вымыслов, используемых познающим субъектом в зависимости от его положения и задач в социально-гуманитарном познании.

Поэтому, перед социально-гуманитарными науками встает вопрос о **ситуационном познании** и изучение возможностей его приобретения, анализа и дальнейшего использования и дополнения, что предполагает и его радикальное изменение. Если охарактеризовать ситуационное познание, то оно принципиально отличается от расхожего мнения непосвященного субъекта или некой локализированной социальной группы как носителя специфического дискурса или нарратива.

Главной его особенностью является то, что при его приобретении особое внимание уделяется умению дистанцироваться от социально-культурного контекста его конструирования и нивелировать его влияние на исследовательскую деятельность компетентного субъекта познания. Безусловно, сделать это крайне сложно, но нивелировать его влияние возможно, о чем мы будем говорить в дальнейшем.

Поэтому, сама идея ситуационного познания предполагает, что различные индивидуальные процессы приобретения знания и оформления его в определенные дискурсивные практики и исследовательские нар-

ративы, исходя из занятой наблюдателем позиции, позволяют получать различные его модификации, а не частные или расхожие мнения. Но самой главной особенностью феномена ситуационного познания является тот факт, что во многих случаях объекты таких исследований сами становятся активными субъектами, которые своей деятельностью радикально изменяют исследовательский процесс и результаты полученного нового знания. И, как заметил по этому поводу Джон Ло, это существенно меняет и формы представления и использования ситуационного знания, для чего:

«*нам придется избавиться от многих своих методологических привычек, в том числе желания определенности, ожидания регулярных и более или менее устойчивых выводов о том, каковы вещи в реальности; убеждения, что, будучи исследователями социального, мы обладаем особой проницательностью, которая позволяет нам глубже и дальше, чем другим, прозревать некоторые части социальной реальности*»

[12, с. 29]

Иначе говоря, здесь нам придется забыть, во-первых, об истине в абсолютном ее измерении, ее просто не существует, и во-вторых, об обладателе этой истины, или о трансцендентном субъекте, его тоже уже не существует при таком исследовательском подходе. При проведении определенного историко-философского экскурса выясняется, что имманентный социально-теоретический подход в определенном смысле является наследником перспективизма лейбницианской монадологии, основное содержание которого можно передать следующим образом: **социальная позиция существования субъекта является «точкой зрения» на социальную реальность «в» самой социальной реальности**. Иначе говоря, она есть место проведения дискурсивной практики исследования, принадлежащего самому месту, из которого доносится голос исследователя и, как

Готфрид Вильгельм Лейбниц

таковая, она специфическим образом выражает его.

«*Как один и тот же город, — рассуждает Г. Лейбниц, — если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным, и как бы перспективно умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады*»

[9, с. 422–423]

Исходя из данного положения Г. Лейбница о множественности перспектив наблюдения, можно выделить следующие важные для последующего рассмотрения аспекты: каждое наблюдение осуществляется с определенной позиции или

“ КАК ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО УНИЧТОЖИТ КАПИТАЛИЗМ, ОНО ВСТУПИТ В ЭПОХУ ВЕЧНОГО МИРА, И ТОГДА ВОЙНЫ ЕМУ УЖЕ НЕ БУДУТ НУЖНЫ. ТОГДА НЕ НУЖНЫ БУДУТ АРМИИ, ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ, БОЕВЫЕ САМОЛЕТЫ И ОТРАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА. ТОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО УЖЕ ВО ВЕКИ ВЕКОВ НЕ УВИДИТ ВОЙНЫ

Мао Цзэдун,
«О затяжной войне»

с определенной точки зрения, а также носит вероятностный и случайный характер, где «все это многограничие скрывает в себе только другие случайности, предшествующие или еще более сложные и многограничные» [9, с. 419]. Но это, если следовать концепции перспективизма Г. Лейбница, ни в коем случае не умаляет его как полученного наблюдателем объективного и истинного знания. С другой стороны, эта концепция существенно меняет критерии объективности и истинности социально-гуманитарного знания.

В свою очередь, эти аспекты перспективизма открывают новые возможности или горизонты для наблюдателя как эксперта, который всегда обосновывается внутри самой реальности как системы отношений, получившей именование релятивистской теории пространства, которая является альтернативой субстанционалистской концепции пространства. Необходимо заметить, что **Г. Лейбниц рассматривает перспективизм как неотъемлемый компонент своей теории пространства или места ситуационного познания, в которых только реальные отношения между субъектами способны конституировать пространство как таковое:**

«Говорят, что пространство не зависит от положения тел. На это я отвечаю, что оно, конечно, не зависит от того или иного положения тел, тем не менее оно является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения»

[10, с. 455]

Таким образом, у Г. Лейбница мы находим истоки происхождения ситуационного познания. Вместе с тем, данная концепция была и остается творением своего времени, ибо предполагает «высшую субстанцию» или Бога [9, с. 419–420]. И в этом смысле Г. Лейбниц, как пишет белорусская исследовательница Ю. Бедаш, занимает:

«одновременно две позиции — внутристороннюю (выступая в роли человеческого субъекта, «монады») и надмирскую (выступая в роли «монады монад», Бога, для которого мир оказывается объектом), что ведёт к неизбежной реификации мира. В абсолютистско-субстанционалистских концепциях происходит реификация самого пространства, отрицающего его как совокупности мест наблюдения, понимаемого только его в качестве субстанции, своего рода контейнера. Напротив, в лейбницевской концепции реифицирующей характеристикой обладает позиция самого наблюдателя. Он трактует пространство реляционно-динамически, и занимает, тем не менее, позицию вне его»

[6, с. 98]

Таким образом, релятивистская концепция Г. Лейбница, делая допущение о существовании «внешней Причины», не может в полной мере рассматриваться как последовательно имманентная концепция социального пространства как совокупности мест наблюдения только потому, что обладает «рудиментальным» субстанционализмом в виде организующего начала «монады монад».

В данной концепции наблюдение и ситуационное познание играют второстепенную роль, в том числе — и дискурс или нарратив наблюдателя. Все уже изначально предопределено «высшей субстанцией», обладающей правом на Абсолютную истину. Но, тем не менее, позитивным моментом перспективизма Г. Лейбница является то, что сам подход к рассмотрению социальной реальности подобным образом можно классифицировать как положительный релятивизм, что не только допускает, а широко использует идею относительности всякой социально-гуманитарной истины. Поэтому, при его экстраполяции на изучение социальной реальности, гораздо уместнее говорить о реляционности, а не о релятивизме. А такое определение в полной мере соответствует множественности, изменчивости и текучести объективно-субъ-

ективной социальной реальности, которая предопределяет изменчивость социальных позиций и положений субъекта, что в корне меняет отношение к статусу и процедурам приобретения и использования ситуационного познания.

И в этом смысле рассматриваемый нами имманентный подход в трактовке ситуационного познания, как важнейшей характеристики позиций субъекта в социальной реальности, берет в качестве основы фундаментальный принцип перспективизма, но уже без трансцендентной идеи Бога. Наиболее рельефно ситуационное познание представлено в творчестве **П. Бурдье**, в частности, по проблеме исследования социального пространства [5], и представителей его школы — **Р. Ленуара, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампана** [11].

Ученые этого социологического направления, отказавшись от позиции трансцендентного наблюдателя, полностью придерживаются имманентной позиции наблюдения, широко используя процедуру **самообъективации**. Смысл этой процедуры заключается в использовании социологических процедур исследования для прояснения смысла собственной деятельности в качестве участника социальной деятельности и рефлексии личностного участия в социальной реальности.

В конечном итоге, эта процедура способствует очищению ситуационного познания от ложных привнесений, в том числе, от предпонятий и приведение его в соответствии с критерием объективности.

Говоря о **концепции социального пространства** **П. Бурдье**, нельзя не отметить, что в современных вариантах социальной теории, сохраняющих в качестве своей основы позитивистские положения, ученые традиционно придерживаются той точки зрения, что категория социального пространства должна быть жестко привязана к непосредственной территории. Иначе говоря, к месту протекания того или иного социального события или социального факта, в который волею судеб вовлечены субъекты социального взаимодействия. А согласно **трансцендентной позиции наблюдателя**, местоположение

субъектов в социальном пространстве всякий раз берется как сопутствующая характеристика данности сообщества, в котором субъекты являются агентами социального действия, как более или менее значимый показатель, но носящий все же, несмотря даже на первоначальную значимость мест или территории, второстепенный характер. Поэтому, согласно подобной точке зрения, в тематике социального пространства, как совокупности мест в силу его самоочевидности и естественности, отсутствует проблематичность. То есть, эта характеристика не значима сама по себе, поэтому, как социальный феномен пространство не принадлежит в числе приоритетно исследуемых и наблюдаемых социальных измерений для субъекта социального взаимодействия, в том числе и получения, и использования ситуационного познания.

Если же использовать **позицию имманентного наблюдения**, то во всех этих событиях социального взаимодействия пространство или совокупность мест наблюдения субъекта, прежде всего для получения ситуационного познания, играет ключевую роль. Но проблема понимания его значимости заключается в том, что, как правило:

«не делается различий, о каком пространстве идет речь — о физическом, геометрическом или социальном. Они накладываются друг на друга, становясь синонимичными, абсолютно тождественными образованиями»

[14, с. 6–30]

Поэтому, при всей внешней убедительности аргументов сторонников позитивизма и других разновидностей субстанционализма, даже и делающих разворот в сторону коммуникации субъектов, трудно отделаться от мысли о неполноте, а порой и дискуссионности их теоретических положений. Как правило, они, апеллируя в качестве высшей инстанции к таким характеристикам субъективности как человеческая телесность, место пребывания, способность конструировать смыслы, отказывают им в самом существенном — праве на приобретение

объективного знания. Подобного рода амбиции наблюдателя или теоретика, претендующего на исключительное право обладать универсальной истиной, **Ж. Лакан** именовал не иначе, как «субъекта, предположительно знающего». А **К. Леви-Строс** ставил под сомнение возможность постижения «абсолютной» истины или «чистого» знания наблюдателем или теоретиком в лице антропологов или этнологов. В этой связи он отмечал, что «существуют «туземные модели», которые оказываются лучше моделей профессиональных этнологов» [8, с. 250].

Согласно французскому ученому, антропологам и этнологам крайне сложно освободиться от своих цивилизационных социокультурных установок, формирующих всю сумму предпонятий, только мешающих исследованию чужой культуры и общества. Единственный выход, как и при применении процедуры самообъективации в школе П. Бурдье, пройти через саморефлексию и самоописание для приобретения возможностей ситуационного познания. Этот опыт полевой работы трансформирует самого исследователя с помощью отождествления себя с объектами исследования, то есть с совершенно другими представителями рода человеческого, что позволяет воссоздать совершенно другие ментальные и социокультурные структуры и паттерны поведения. Этой «очистительной» процедуре, способствующей приобретению ситуационного познания в позиции имманентного наблюдателя, придерживались не только признанные мэтры антропологии **К. Леви-Строс** и **Б. Малиновский**, но и современные социальные антропологи **П. Рабинау**, **Б. Тедлок**, **М. Шостак**, **Р. Прайс** и другие.

В конечном итоге, позиция имманентного наблюдателя и участника событий, вовлеченного в социальную реальность и определяет горизонт возможностей любой современной теории/концепции (область наблюдаемого и утверждаемого *ею*). А поскольку современные социально-гуманитарные теории сами по себе являются дискурсивными практиками и нарративами, то они непременно принадлежат изучаемой *ею* сфере, которые уже невозможно представить без ситуационного познания.

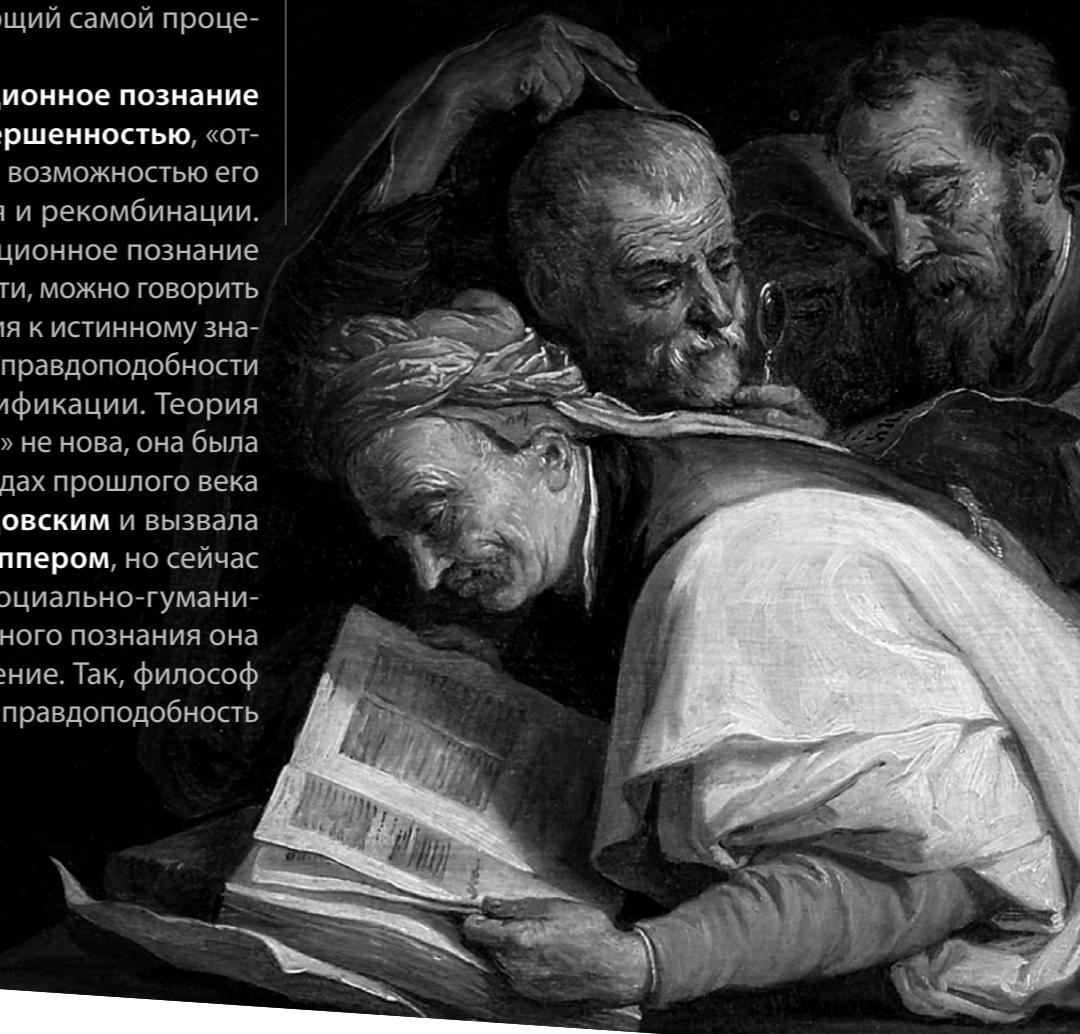
Таким образом, можно утверждать, что **социально-гуманитарное знание, исследующее объекты, включающие человека как непременный фактор исследования социальной реальности, если оно хочет быть объективным и достоверным, всегда должно использовать ситуационное познание, то есть субъект познания всегда быть внутри, а не снаружи**. Это, в свою очередь, и определяет саму имманентность социальной реальности как совокупности мест получения и использования ситуационного познания наблюдателем и оценщиком. Тем самым, имманентный способ рассмотрения социальной реальности не допускает двусмыслистостей, предъявляя социальную определенность в виде субъекта-наблюдателя, находящегося «внутри» самой этой социальной реальности. Более того, горизонт возможностей социально-гуманитарного знания определяется специфическими маркерами, которые при определенных условиях поддаются реконструкции и воспроизведству. Это позволяет определить социальную позицию исследователя, в которой субъект-наблюдатель приобретает и использует ситуационное познание, и, по возможности, максимально нивелировать социокультурный контекст его конструирования, мешающий самой процедуре познания.

Вместе с тем, ситуационное познание характеризуется незавершенностью, «открытостью», неполнотой и возможностью его постоянного дополнения и рекомбинации. Поэтому, оценивая ситуационное познание по критерию объективности, можно говорить о степени его приближения к истинному знанию, то есть о степени его правдоподобности и о процедурах его верификации. Теория «правдоподобного знания» не нова, она была выдвинута еще в 70–80 годах прошлого века советским ученым **В. Садовским** и вызвала дискуссию автора с **К. Поппером**, но сейчас в свете утверждения в социально-гуманитарных науках ситуационного познания она приобретает новое значение. Так, философ **Л. Микешина** определяет правдоподобность как:

«понятие, значимое для логической проблематики социально-гуманитарного познания, поскольку последнее обладает чертами, делающими логическую формализацию трудновыполнимой, она требует расширения понятия логического вывода и нетривиальных мета-логических средств»

[13, с. 409]

Разработка этих новых неформализованных средств позволило постоянно улучшать выдвинутые теории, делать их более правдоподобными. А при необходимости заменять менее правдоподобные их улучшенными аналогами. И не случайно классик философии науки **К. Поппер** предложил в социально-гуманитарных науках применять **ситуационную логику**, основной смысл которой сводится к максимальной независимости от психологических и субъективных факторов, при ее использовании такие психологические феномены как желания, мотивы, воспоминания, ассоциации преобразуются в объективные элементы ситуации [17].

ВЫВОДЫ

Можно утверждать, что для социально-гуманитарного знания не существует «чистых» событий, фактов и объектов, которые не включали бы в свое «производство» или конструирование элементы означивания, интерпретации и конвенции. Здесь снимается классическая, доставшаяся социально-гуманитарному познанию от естественнонаучной парадигмы знания, оппозиция между субъектом и объектом, замещаясь точкой зрения о континуальности, контекстуальности и конвенциональности социально-гуманитарного знания. Таким образом, можно сказать, что социальная реальность не обладает изначальным смыслом или «истиной», которую можно обозревать за ее пределами с позиции трансцендентного наблюдателя, ее можно только произвести или сконструировать в определенной позиции социального взаимодействия. Это ситуационное познание по своей сущности является конструктивистским. Ситуационное познание можно трактовать как позитивный релятивизм или реляционизм, играющий существенную роль в современном социально-гуманитарном знании. И, как отмечает известный исследователь в области философии науки Э. Аггаци:

«Согласно этому взгляду, некоторый данный социальный или культурный контекст характеризуется, в частности,

своими собственными интеллектуальными категориями, включая концептуальные схемы, а также схемы выводов, модели объяснения, синтетические интерпретации, глобальные мировоззрения и т.д. Поэтому, в любом обществе реальность есть попросту результат конструкции, определяемой вмешательством этих когнитивных факторов; и было бы наивным полагать, что эта реальность есть нечто существующее только в себе»

[1, с. 595]

Но если современное социально-гуманитарное знание по своей природе носит контекстуальный и конвенциональный характер, тогда оно должно быть воспринято и всем научным гуманитарным сообществом. А это предполагает металогические формы аргументации, специфический язык описания, правила презентации и интерпретации ситуационного знания. И в этом плане по отношению к социально-гуманитарному познанию в целом абсолютно точны характеристики, высказанные Р. Бартом по поводу семиологии. Так, Р. Барт писал:

«Я не думаю и не желаю, чтобы семиология была обыкновенной позитивной наукой, и тому есть важнейшая причина: семиологии свойственно задаваться вопросом о своем собственном дискурсе; ведь это наука о языке, о различных языках, и она не может принимать свой собственный язык как простую данность, как нечто прозрачное, как нейтральное орудие — одним словом, как метаязык. Она ставит вопрос о месте, откуда она говорит, — вопрос без которого любая наука ничтожна; для семиологии субъект, в том числе и ученый, не бывает экстерриториален по отношению к своему дискурсу»

[2, с. 230]

Тем самым, вполне очевидно, что имманентный подход в социально-гуманитарном

познании указывает на радикальный разрыв с позитивизмом и субстанционализмом — на отказ от главенствующей роли метаязыка в социально-гуманитарном знании. Имманентный подход к социально-гуманитарному знанию как истине, имеющей дискурсивный или нарративный характер, по достаточно точному выражению С. Фуллера:

«Это просто общее свойство языка, который мы решаем использовать, или игры, в которую мы решаем играть. В этом случае «истина» соответствует удовлетворению «условий истины», заданных правилами данного языка» [15].

Тем самым, ситуационное знание и стратегии его приобретения и использования (а их может быть множество как игр) становятся сейчас доминирующими в социально-гуманитарном познании, что предполагает их конкуренцию, соперничество и постоянные трансформации в современных социально-гуманитарных науках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аггаци Э. Научная объективность и ее контексты [Текст] / Э. Аггаци пер. с английянгл. Д. Лахуты — М., 2017.
2. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте [Текст] / Р. Барт пер. с фр. С. Зенкина — М., 2002.
3. Бахманн — Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре [Текст] / Д. Бахманн — Медик. пер. с нем. С. Ташкенова — М., 2017.
4. Бауман З. Текущая современность [Текст] / З. Бауман. пер. с англ. под ред. Ю. Асочакова. — СПб., 2008.
5. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики [Текст] / П. Бурдье; пер. с фр., отв. ред. перевода Н. Шматко — М., — СПб., 2005.
6. Бедаш Ю. Пространство как проблема постметафизической философии [Текст] // Ю. Бедаш. — М., Топос № 1(21), 2009. — с. 94–113.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм Метод социологии // Э. Дюркгейм Социология. Её предмет метод,

предназначение. пер. с фр. А. Гофмана. — М., 1995

8. Леви — Строс К. Проблема метода исследований и преподавания антропологии [Текст] / К. Леви — Строс. пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова // К. Леви-Строс Структурная антропология. — М., 1985.

9. Лейбниц Г. В. Монадология [Текст] // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х т. под общ. ред. В. Соколова. Т. 1. — М., 1982., § 57., — с. 413–429.

10. Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком [Текст] // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х т. под общ. ред. В. Соколова. Т. 1. — М., 1982., с. 430–528.

11. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии [Текст] / Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань. пер. с фр. А. Бикбова, Д. Баженова, Е. Вознесенской, Г. Чередниченко — М., — СПб., 2001.

12. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука [Текст] / Д. Ло. пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Ханова. — М., 2015.

13. Микешина Л. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы [Текст] / Л. Микешина. — М., 2016.

14. Филиппов А. Социология пространства [Текст] / А. Филиппов. — СПб., 2008, с. 6–30.

15. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. — М., 2021.

16. Харре Р. Конструкционизм и основания знания [Текст] / Р. Харре пер. с англ. // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. — М., 2009.

17. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики [Текст] / пер. с англ. Д. Лахуты. — М., 2000.

Dr. Вадим
Палагута

ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗАЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

РН.Д. ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии ЗНУ. Академик Европейской академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблеме оптимизации трансформации мирового порядка. Изучение теоретических моделей мирового порядка дает основания рассматривать мировой порядок как критерий социальной эволюции человечества. Применение диалектического подхода к анализу взаимосвязи войны и мира в функционировании двухполюсной системы мирового порядка

ка, установившегося после Второй мировой войны, позволяет через осмысление сущности «холодной войны» выйти на понимание одного из видов невидимых войн — эволюционной войны. Исследование противоречий функционирования однополюсного мирового порядка, который установился после распада СССР, позволяет обосновать основные предпосылки перехода от однополюсного

ира к многополюсному. На пути к новому мироустройству именно формирование отношения разных народов, государств граждан к мировому порядку как справедливому или несправедливому будет зависеть от решающего влияния мировоззренческих, геоэкономических, geopolитических, цивилизационных и технологических факторов трансформации мирового порядка.

ва десятилетия XXI века ознаменовались рядом событий и процессов, которые свидетельствуют об обострении противоречий между цивилизациями, народами и государствами в борьбе за использование природных, топливно-энергетических, продовольственных, водных, сырьевых, человеческих других ресурсов. Особенное место в этом глобальном противостоянии занимает борьба за технологические ресурсы, то есть за технологическое лидерство. Поэтому существующий мировой порядок является важнейшим фактором наличия или отсутствия доступа тех или других народов к основным ресурсам, значит и к реальной возможности национальных элит формировать успешное будущее своих стран. Не все народы и государства мира имеют достаточный доступ к водным, продовольственным, сырьевым и энергетиче-

ским, технологическим и другим ресурсам, которые необходимы им для своего сохранения, выживания и развития. В настоящее время существуют система социальных институтов, средств и технологий, которые блокируют социально-экономическое развитие многих странам Азии, Африки и Латинской Америки и не позволяют им вырваться из оков бедности и отсталости. В то же время страны с развитой промышленностью и высоким уровнем социально-экономического развития переживают не только процессы деиндустриализации, но и демодернизации. Появление новых промышленных стран-гигантов, которые преодолевают свою не только технологическую, но и социально-экономическую отсталость, четко обозначило одну из ключевых тенденций, определяющих контуры обновления мироустройства.

Вопрос о сохранении либо изменении существующего мирового порядка в последние полтора десятилетия находит выражение в публикациях ученых мирового уровня. Среди них следует назвать исследования таких видных ученых как З. Бжезинский «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» [Бжезинский, 2015], Г. Киссинджер «Мировой порядок» [Киссинджер, 2017], С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций» [Хантингтон, 2020]. Эти мыслители обозначили модели мирового порядка (Г. Киссинджер), основные противоречия глобального кризиса (З. Бжезинский), цивилизационный характер взаимодействия как основу мирового порядка (С. Хантингтон). Их оценки констатируют не только кризисное состояние ныне существующего мирового порядка, но и неизбежность грядущих глобальных изменений. Трансформация мирового порядка — это глобальный исторический процесс, который всегда охватывал многие народы мира и влиял на их судьбу. В современном мире глобальные процессы способны вызывать как позитивные, так и негативные тенденции в жизнедеятельности различных обществ. Реальная способность национальных элит различных стран найти достойные ответы на вызовы трансформации мирового порядка зависит от понимания социальных процессов и угроз, которые обусловлены глобальными изменениями.

Цель статьи — определить основные факторы трансформации мирового порядка в третьем десятилетии ХХI века.

Достижение этой цели требует реализации следующих задач: обоснования понимания мирового порядка как критерия социальной эволюции человечества, раскрытия диалектического характера взаимосвязи войны и мира в условиях функционирования двухполюсной системы мирового порядка, осмысление основных противоречий однополюсного мирового порядка как предпосылки перехода к многополюсному мировому порядку.

«Мировой порядок — критерий социальной эволюции человечества»

Определение понятия «мировой порядок» бесполезно искать в словарях и энциклопедиях. Г. Киссинджер охарактеризовал содержание этого феномена:

«Термин «мировой порядок» описывает концепцию, которой придерживается регион или цивилизация относительно природы справедливых договоренностей и распределения власти и которая считается приемлемой для всего мира.

«Международный порядок» является практическим применением этой концепции на значительной части земного шара — достаточно большой, чтобы влиять на глобальный баланс сил. «Региональные порядки» предусматривают те же принципы, которые применяются к определенной географической области. Любая из этих систем порядка базируется на двух составляющих: наборе общепринятых правил, которые определяют границы допустимых действий, и балансе сил, который принуждает кдержанности в случае нарушения правил, предотвращая подчинение одной политической единицей всех других»

[Киссинджер 2017, с. 13].

Становление и изменения мирового порядка происходило в контексте социальной эволюции человечества, в которой различные общества, народы, государства и цивилизации в процессе взаимодействия смогли выработать взаимоприемлемые для них условия существования. На определенном этапе социальной эволюции человечества, когда социальные связи так усиливаются, что приобретают мировой характер, возникают контуры очертаний мирового порядка. Г. Киссинджер охарактеризовал основные модели мирового порядка, сформировавшиеся в течение последних столетий.

Европейская модель мирового порядка сформировалась после окончания Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. и закреплена условиями Вестфальского мира. Она основана на системе независимых государств, которые удерживались от вмешательства во внутренние дела друг друга и сдерживали собственные амбиции с помощью общего равновесия сил. В XVII веке формировалась **Московская модель мирового порядка**, которая основана на принципах: единоличный абсолютный правитель, едина православная религия и программа территориальной экспансии во всех направлениях.

В **Китайской модели мирового порядка** император был вершиной политической и культурной иерархии, Китай упорядочивал мир, поражая всех величием своей культуры и экономическим процветанием, привлекая их к отношениям, способным привести к достижению цели «поднебесной гармонии». **Исламская концепция мирового порядка** основана на собственном видении божественно санкционированного порядка, который объединяет и умротворяет мир. В **Американской модели мирового порядка** мир и равновесие будут установлены естественным способом, а другие народы преодолеют древнюю вражду, когда получат право голоса относительно собственного управления [Киссинджер 2017, с. 9–11]. Таким образом, **мировой порядок представлен взаимодействием цивилизационных систем**, которые, опираясь на собственную культуру, обеспечивают ус-

ловия жизнедеятельности и безопасности входящих в них социальных общностей.

Краткая характеристика разработанных Г. Киссинджером теоретических моделей мирового порядка свидетельствует, что эти модели вырастают из представлений о внутреннем порядке определенных стран, которые, в свою очередь, обусловлены потребностями обеспечения безопасности общества и имеют собственный мировоззренческий фундамент. Содержание и характер моделей мирового порядка определяется их цивилизационной спецификой.

В мировом историческом процессе можно выделить несколько моделей международного порядка, которые сложились после длительных войн между ведущими государствами и обозначили достижение определенных соглашений о послевоенном устройстве: **Вестфальский мир** (1648 г.), **Венский конгресс** (1815 г.), **Версальский договор** (1919 г.), **Ялтинская конференция** (1945 г.). Все эти соглашения о международном порядке являются результатом военно-го противостояния крупнейших держав (силового влияния) и согласия правителей этих держав на обязательность определенных принципов, обеспечивающих безопасность международных отношений (сохранение баланса сил). Опираясь на диалектический подход в понимании сущности и функций

мирового порядка, Г. Киссинджер эти два момента обозначает как силу и легитимность, а их баланс называет главным условием функционирования мирового порядка [Киссинджер 2017, с. 13–14].

Вторая мировая война, которая завершилась победой антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и милитаристской Японией, устранила последних из числа глобальных игроков, определяющих мировой порядок в ближайшие десятилетия. На мировой арене сложилось новое соотношение военно-политических сил, в котором выделились две группы стран, лидеры которых по-разному видели пути движения своих обществ в будущее: в первую группу вошли США, страны Западной Европы и Япония, а в другую — СССР и его союзники по социалистическому лагерю в Восточной Европе и Азии. Еще до окончания второй мировой войны страны антигитлеровской коалиции начали подготовку к созданию механизмов обеспечения международной безопасности в послевоенный период. Таким механизмом стала **Организация Объединенных Наций**. В 1944 г. представители США, СССР, Великобритании и Китая на конференции в Думбартон-Оксе разработали Устав ООН, который был подписан 26 июня 1945 г. участниками учредительной конференции в Сан-Франциско. Создание ООН ознамено-

вало появление очень представительного и влиятельного международного органа, который нацелил свои усилия на укрепление мира и поддержание международной безопасности. Функционал ООН выразился в легитимации функционирования мирового порядка, что проявлялось в решениях по международных конфликтах, особенно военных, ограничениях для агрессора и предоставлении права на применение силы в миротворческих операциях.

Величайшим достижением в утверждении международной безопасности было принятие Генеральной Ассамблеей ООН **«Всеобщей декларации прав человека»** (10 декабря 1948 г.). Это важнейший политico-правовой документ, который ограничивает власть признающего его государства определенной системой норм, гарантирующей неотъемлемые права человека. Практически все конституции государств, которые принимались впоследствии, включали в себя нормы «Всеобщей декларации прав человека». Предтечей формирования «Всеобщей декларации» было не какое-либо государство, а общественное движение за права человека.

Австралийский юрист **Джеффри Робертсон** в книге **«Преступления против человечества: борьба за глобальное правосудие»** утверждает, что движение за права человека в XX в. началось с **Герберта Уэллса** и выхода в 1940 г. его книги **«Новый мировой порядок»** [Катасонов 2021, с. 13–14]. Тема прав человека настолько увлекла Уэллса, что он посвятил ей примерно четверть своей книги и отдельную главу 10 **«Декларация прав человека»**. Г. Уэллс отмечает, что чем дальше будет продвигаться социализация (коллективизация) жизни людей, тем большую роль будут приобретать разного рода чиновники и администраторы. Чтобы предотвратить возможные злоупотребления со стороны представителей власти, нужна эффективная правовая защита человека. По мере ослабления национальных государств неизбежно будет умаляться и роль национальных законов. Чтобы избежать возникновения «правового вакуума» в ходе движения к новому мировому порядку, Г. Уэллс предлагает заранее подготовить что-то наподобие всемирной

конституции — **«Декларацию прав человека»**. Г. Уэллс разослал проект Декларации ведущим политикам того времени — Франклину Рузвельту, Махатме Ганди, Яну Масарику, Хаиму Вейцману, Эдварду Бенешу, Яну Кристиану Смэтсу и Джавахарлалу Неру.

Проект Декларации Уэллса подвергся резким нападкам со стороны министра пропаганды Третьего Рейха Йозефа Гебельса [Катасонов 2021, с. 13]. Биографы Г. Уэллса, историки в области международного права признают, что при разработке Всеобщей декларации прав человека использовалась работа английского писателя **«Новый мировой порядок»**, особенно ее глава 10 [Катасонов 2021, с. 13–14]. Концепция прав человека и практические действия по ее реализации сыграли важную роль в обеспечении безопасности и мира, то есть функционирования установившегося мирового порядка.

Мировой порядок, который был сформирован ведущими державами мира после Второй мировой войны, несмотря на противостояние двух сверхдержав, СССР и США, и созданных ими военно-политических союзов, обеспечил народам Европы более четырех десятилетий взаимного существования без войн. На этом этапе социальной эволюции человечества лидеры ведущих государств, благодаря установленному мировому порядку, смогли доказать на примере Европы, что народы огромного региона могут жить без войны и мирно решать все проблемы.

Размышляя о будущем, С. Хантингтон определил роль мирового порядка как важного средства миротворчества:

«В нарождающейся эпохе столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны» [Хантингтон, 2020, с. 530].

Таким образом, мировой порядок, который способен служить источником безопасности для людей, социальных групп, общностей и народов, следует признать достижением

мировой культуры и критерием социальной эволюции человечества, который свидетельствует о достигнутом уровне международной безопасности.

ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ И МИРА В ДВУХПОЛЮСНОЙ СИСТЕМЕ

После Второй мировой войны в мире сформировалась двухполюсная система: ведущую роль в решении вопросов международной безопасности играли две сверхдержавы — США и СССР, которые были соответственно лидерами **«свободного мира»** и социалистического лагеря. Под эгидой этих сверхдержав сформировались и противостояли друг другу два военно-политических союза — НАТО и Варшавский договор. Основное противостояние сверхдержав осуществлялось в форме **«холодной войны»**. Кроме этих двух противодействующих блоков, были и страны **«третьего мира»**, существование которых характеризовалось отсталостью, бедностью, архаичностью, иногда стремлением преодолеть отсталость. Многие из этих стран, даже преодолев колониальную зависимость, часто попадали в финансовую, экономическую либо технологическую зависимость от США или СССР.

А. Зиновьев констатирует, что **«холодная война»** Запада, возглавляемого США, против СССР и советского блока переросла в новую мировую войну, причем войну нового типа. В этой борьбе армии Запада не вступали на территорию Советского Союза, не использовались привычные средства войны. Для достижения военно-политических целей использовались, причем очень эффективно, так называемые невоенные средства (политическое давление, информационная диверсия, спекуляции на гуманитарной проблематике, работа спецслужб, несправедливая и хитроумная дипломатия). Советскому Союзу был нанесен гораздо больший ущерб, чем война с Германией 1941–1945 годов [Зиновьев 2009, с. 353–354].

А. Зиновьев обосновал **концепцию эволюционного характера «холодной войны»**. Он констатирует, что все известные теории социальной эволюции исходили из явного и неявного взгляда на эволюцию челове-

чества как на стихийный, не планируемый, неподконтрольный воле и сознанию людей естественноисторический процесс. Но во второй половине XX века произошел эволюционный перелом. Его социальная сущность заключается, во-первых, в переходе человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ, во-вторых, в превращении исторического процесса из стихийного и неуправляемого в проектируемый и управляемый [Зиновьев 2009, с. 290, с. 455].

После Второй мировой войны начался процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. В рамках западных стран (национальных государств) сформировалась определенная надстройка над компонентами их социальной организации — сверхдержава, сверхэкономика, сверхидеология и т.д. Из их взаимодействия образовались **«надстроечные»** объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединения, охватывающие весь западный мир, то есть **глобальное сверхобщество**. Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями **«западнизация»**, **«американизация»** и **«глобализация»**. Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, который только рассматривается с разных точек зрения. Этот процесс в действительности является покорением всего человечества западным миром как единым целым.

«Социальная сущность глобализации состоит в том, что это самая грандиозная спланированная и постоянно планируемая в деталях и руководимая в основных аспектах война западного мира не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах»

[Зиновьев 2009, с. 248, 249].

Главным противником западнистского сверхобщества в эволюционной войне был Советский Союз, который, по мнению **А. Зиновьева**, определил западный мир в эволюционном отношении более чем на полвека. Для Запа-

да проблема разгрома СССР была не просто проблемой ослабления сильного военного, политического, идеологического и экономического конкурента. Это проблема уничтожения эволюционного конкурента, который угрожал построить мировой порядок по своему плану и имел на это реальные шансы. После краха советского блока и Советского Союза главным препятствием на пути западнистского сверхобщества к мировой гегемонии становится коммунистический Китай [Зиновьев 2009, с. 255, 259].

Таким образом, функционирование двухполюсной системы мирового порядка сопровождалось не только обеспечением безопасности и мирного существования для всех стран Европы, но и одновременным противоборством двух военно-политических блоков в «холодной войне». Это противостояние закончилась крахом Советского Союза, лидеры которого не понимали эволюционного характера «холодной войны», а их метафизическое мышление не

позволило им адекватно реагировать на деструктивные технологии, которые разрушали СССР в ходе «холодной войны».

ПРОТИВОРЕЧИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОДНОПОЛЮСНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

После распада СССР в течение двух десятилетий в мире установилась неоспоримая гегемония одной сверхдержавы — США. Очень быстро произошел переход от двухполюсного к однополюсному миру. Период длительностью в два десятилетия понадобился для того, чтобы исследователи обозначили явления и процессы, свидетельствующие о кризисе однополюсной модели мирового порядка. З. Бжезинский отмечает:

«После распада СССР в 1991 году Соединенные Штаты стали властствовать безраздельно. ... Америка выступала в масштабном сознании мировым экономическим двигателем, политическим примером,

социальным маяком и не имеющей себе равных верховной владычицей» [Бжезинский 2015, с. 101].

С. Хантингтон охарактеризовал две картины, описывающие соотношение власти Запада и других цивилизаций. Первая — подавляющее, триумфальное, практически абсолютное могущество Запада. С распадом Советского Союза исчез единственный серьезный конкурент Запада, и в результате облик мира определяется целями, приоритетами и интересами главных европейских наций, при эпизодическом участии Японии. США как единственная оставшаяся сверхдержава вместе с Британией и Францией принимают важнейшие решения по вопросам политики и безопасности. Запад — единственная цивилизация, которая имеет значительные интересы во всех других цивилизациях и имеет возможность влиять на политику, экономику и безопасность всех остальных цивилизаций или регионов. Вторая картина Запада рисует эту цивилизацию в упадке, поскольку ее доля мирового политического, экономического и военного могущества снижается по сравнению с другими цивилизациями. Победа Запада в холодной войне привела не к триумфу, а к истощению. Запад все больше поглощает его внутренние проблемы и нужды (замедление экономического роста, спад роста населения, безработица, огромные бюджетные дефициты, социальная дезинтеграция, наркомания, преступность).

В военном плане баланс реальных потенциалов между Соединенными Штатами и рядом растущих региональных держав (Иран, Индия и Китай) будет смещаться от центра к периферии. С. Хантингтон задает вопрос: какая из этих двух противоположных картин, рисующих место Запада в мире, описывает реальность? И отвечает: они обе. Сейчас господство Запада неоспоримо, и он остается номером один в плане могущества и влияния в XXI веке. Однако постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше сни-

“
КОГДА Я ПОЛУЧИЛ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ, ЕДИНСТВЕННАЯ БОЛЬШАЯ ДЕНЕЖНАЯ ВЫПЛАТА, КОТОРУЮ МНЕ ПРИШЛОСЬ УВИДЕТЬ, НАДО БЫЛО ЧТО-ТО С НЕЙ ДЕЛАТЬ. ПРОСТЕЙШИМ СПОСОБОМ СКИНУТЬ ЭТУ «ГОРЯЧУЮ КАРТОФЕЛИНУ» БЫЛО ИНВЕСТИРОВАТЬ ЕЁ, КУПИТЬ АКЦИИ. Я ЗНАЛ, ЧТО ПРИБЛИЖАЕТСЯ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БОЯЛСЯ, ЧТО ЕСЛИ Я БУДУ ИМЕТЬ АКЦИИ, КОТОРЫЕ БУДУТ РАСТИ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ, ТО БУДУ ХОТЕТЬ ВОЙНЫ. ПОТОМУ Я ПОПРОСИЛ СВОЕГО АГЕНТА КУПИТЬ АКЦИИ, КОТОРЫЕ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ УПАДУТ. ОН ТАК И СДЕЛАЛ. Я ПОТЕРЯЛ СВОИ ДЕНЬГИ И СОХРАНИЛ душу

Альберт Сент-Дьёрдьи”

жаться. Наиболее значительное усиление могущества приходится на долю азиатских цивилизаций (и так будет продолжаться и далее). Китай постепенно прорисовывается как общество, которое, скорее всего, бросит вызов Западу в борьбе за глобальное господство [Хантингтон, 2020, с. 107–109].

*Глобальное господство Запада и борьба неевропейских народов против этого господства представляет собой противостояние, которое протекает в основном в латентной форме и по своей сущности является **невидимой войной**, имеющей эволюционный характер. Это противостояние выражает geopolитический фактор формирования нового мирового устройства.*

В условиях однополюсного мирового порядка роль глобализации, которую А. Зиновьев назвал «войной западного мира за мировое господство и за управление эволюционным процессом человечества» не ослабела, а даже усилилась. Именно проводимая Западом глобализация стала источником тех острых противоречий, которые имеют геополитический, геоэкономический и цивилизационный характер. Однополюсный мировой порядок, основанный на доминировании США и Запада (Новоевропейско-Атлантической цивилизации), проявил себя как главное препятствие на пути движения других цивилизаций в будущее. Экономическое, политическое, технологическое, информационное и военное превосходство Запада использовалось для сохранения отсталости народов других цивилизаций с целью не допустить появления еще одного претендента на роль лидера в социальной эволюции человечества.

В современном мире конфликт между цивилизациями проявляется себя, прежде всего, в социокультурной сфере. Исследователь истоков конфликта цивилизаций в современном мире **Б. Аксюмов** доказывает, что цивилизации конституируются на аксиологическом, мировоззренческом фундаменте, а потому конфликт цивилизаций можно определить как конфликт между ценностями, идеями, принципами,

мировоззренческими парадигмами, между идентифицирующимися субъектами, как конфликт не по поводу того, чем жить, а по поводу того, как жить. Концепт «конфликт идентичностей» является ключевым для объяснения феномена «конфликт цивилизаций». Отсюда вывод:

«конфликт цивилизаций — это конфликт между разными культурными парадигмами мироосмыслиния, моделями цивилизационного жизнеустройства»

[Аксюмов, 2009, с. 36–37, 97].

С. Хантингтон назвал причины роста конфликтности в отношениях цивилизаций.

- **Во-первых**, различия между цивилизациями не только реально существуют — в историческом опыте, языке, культуре, традициях, религии, но и имеют глубокие корни, являясь продуктом веков, а потому вскоре не исчезнут. Они гораздо существеннее, чем различия между идеологиями и политическими режимами.
- **Во-вторых**, мир становится все более тесным; взаимодействие между народами разных цивилизаций постоянно растет, что усиливает как их самосознание, так и осознание различий между цивилизациями и народами «внутри» цивилизаций.
- **В-третьих**, происходящие во всем мире процессы экономической модернизации и социальных изменений отрывают людей от правовых источников их самобытности, ослабляют национальное государство как один из его источников.
- **В-четвертых**, рост цивилизационного самосознания усиливается благодаря двойной роли Запада. Запад находится на вершине своего могущества, а в не-западных странах растет неприятие западных ценностей, наблюдается феномен возвращения к источникам своего национального бытия, проявляющийся в таких явлениях, как «азиатизация» Японии, «индусизация» в Индии, «реисламизация» Среднего Востока после провала

западных идей социализма и национализма. Запад все больше наталкивается на противостояние этих стран, имеющих желание, волю и ресурсы строить жизнь по своим, а не западным образцам. Этому способствует «девестернизация» и «туземизация» местных элит, которые в прошлом, получая образование в Оксфорде, Сорбонне или Сен-Дидье и впитывая западные ценности и нормы поведения, были главными проводниками западного влияния. Правда, западные, американские, культура, стиль жизни и привычки становятся все более популярными среди народных масс.

- **В-пятых**, культурные особенности и разноголосицы менее изменчивы, и не так легко поддаются примирению, компромиссам, в отличие от политических и экономических [Хантингтон 1996, с. 12–13].

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИН КОНФЛИКТНОСТИ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ВСЕ ОНИ СВЯЗАНЫ С ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ПРОТИВОРЕЧИЕМ СОВРЕМЕННОГО МИРА: С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ВОЗРАСТАЮЩЕЕ СТРЕМЛЕНИЕ НАРОДОВ РАЗНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ К РАЗВИТИЮ И ПРОЦВЕТАНИЮ, А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, СТРЕМЛЕНИЕ ЗАПАДА СОХРАНИТЬ СВОЙ СТАТУС ЛИДЕРА В СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПУТЕМ ВСЕСТОРОННЕГО СДЕРЖИВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ НЕ-ЗАПАДНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.

Тенденция стремления народов к развитию и процветанию проявилась в политическом пробуждении национального самосознания многих народов не-западных цивилизаций. Анализируя влияние глобального политического пробуждения, **З. Бжезинский** оценивает его как важнейший фактор, который формирует негативное отношение многих неевропейских народов к Западу.

«В нынешнем постколониальном мире политически пробудившихся объединяет общий взгляд на историю, который трактует их ущемленность относительно других, длительное притеснение извне, отсутствие самоуважения и личную неустроенность как коллективное наследие западного господства. Острое антиколониальное протеста, подогреваемого еще не изгладившимися воспоминаниями о британском, французском, португальском, испанском, бельгийском, голландском, итальянском и немецком колониальном владычестве направлено на Запад».

Исследователь приводит два дальнейших косвенных последствия глобального политического пробуждения. Во-первых, конец относительно недорогих односторонних военных кампаний, проводимых технологически более совершенными экспе-

диционными силами Запада против политически пассивного, плохо вооруженного и разрозненного местного населения. Политическое пробуждение способствует сплоченности народов, делая внешнее доминирование более трудоемким, как демонстрирует высокомотивированное, более стойкое и тактически изобретательное народное сопротивление («народная война») вьетнамцев, алжирцев, чеченцев и афганцев иностранному вмешательству. В этой борьбе победа не всегда достается тем, кто имеет технологическое преимущество. Во-вторых, распространяющееся политическое пробуждение подчеркивает прежде незаметную грань соревновательной международной политики — «глобальное системное соперничество» [Бжезинский 2015, с. 51, 53].

Таким образом, политическое пробуждение национального самосознания неевропейских народов является ответной реакцией этих народов на свое неравноправное положение в отношениях со странами Запада и обозначает **цивилизационный фактор формирования нового мицоустройства**.

В современном мире, как и в предыдущие эпохи, важнейшим источником противостояния народов является их борьба за доступ к различным ресурсам, необходимым для их жизнедеятельности. В системе однополюсного мирового порядка глобализация превратилась в средство регулирования доступа народов к тем или другим жизненно важным ресурсам.

Глобализация предстает мировым процессом, который формирует новое общественное и социально-экономическое устройство в мировом масштабе, изменяя жизнеустройство народов мира и подчиняя их интересам всемирных монополий. В условиях господства транснациональных корпораций резко обостряется проблема выживания суверенных наций-государств. Основным следствием глобализации явилось формирование мирового порядка, который характеризуется разделением стран на основные группы, отличающиеся

по месту в мировой экономике и перспективам развития. Украинский экономист А. Шныпко отмечает, что на рубеже второго и третьего тысячелетий человечество снова оказалось разделенным на качественно отличные между собой цивилизационные кластеры:

- 1) страны «золотого миллиарда» — около 30 стран — технологических лидеров, генерирующих высшие технологии, интеллектуально эксплуатирующие весь мир и поднявшиеся до уровня информационных обществ. Они достигли такого уровня и качества глобальной конкурентоспособности, благодаря которой имеют все возможности не дать другим странам себя «догнать и перегнать»;
- 2) страны «второго класса» — около 20 стран, которые в известной степени могут использовать высокие технологии и хотя бы гипотетически ставят перед собой цели развития, созвучные с ориентирами главенствующей тридцатки;
- 3) страны-аутсайдеры («третий мир») — более 150 стран, не способных к конкурентному саморазвитию в глобализированном мире и обреченных на необратимую бедность, прогрессирующий упадок, деградацию и политическую смерть.

Эти кластеры образуют новую систему мицоустройства — систему глобализма, которая стала доминантным фактором мирового развития. В ее основе — сращивание интересов, стратегий и механизмов мирового господства самых могущественных государств, глобальных транснациональных корпораций и международных организаций [Шнипко 2008, с. 8].

По оценке украинских исследователей проблем развития цивилизационных систем С. Крымского и Ю. Павленко, глобализация вносит глубочайшие конфигурации в жизнь народов современного мира, закладывая основное противоречие развития человечества.

«Бросается в глаза поразительное неравноправие компонентов, образующих глобальную цивилизацию, все возрастающая пропасть (в том числе по параметрам качества жизни средней массы людей) между их ведущим звеном — Западом, группой наиболее развитых стран, вышедших на уровень информационного общества, и другим человечеством, которое все поразительнее отстает от мировых лидеров. Последние, используя свое экономическое и военно-техническое превосходство, смогли организовать вокруг себя (и в своих собственных интересах) другое человечество, мобилизовать природные и человеческие ресурсы планеты в интересах собственного ускоренного развития, роста своего могущества и комфорта жизни. Осуществлялось и осуществляется это в соответствии с принципом неэквивалентного обмена. Его следствием является истощение ресурсов большинства регионов планеты и ухудшение качества жизни жителей, включенных в процесс глобализации. Поэтому основной контраверсой глобализации является противоречие (усиливающееся) между группой наиболее развитых стран Запада и остальным терпящим эксплуатацию человечеством (в основном из-за неэквивалентного обмена) со стороны мировых лидеров и все больше, в своей массе, отстает от них. Это отставание во многих случаях, если не повсеместно, приобретает необратимый характер»

[Кримський 2007, с. 248–249].

Сложившаяся в современном мире модель неэквивалентного обмена между господствующим Западом и остальным терпящим эксплуатацию человечеством порождает две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление народов, находящихся под неоколониальным гнетом, к справедливому обмену, с другой стороны, стремление стран Запада сохранить существующую модель перекачивания ресурсов путем неэквивалентного обмена. Борьба народов за установление справедливого (эквивалент-

ного) обмена является выражением **геоэкономического фактора формирования нового мицоустройства**.

Однополюсный мир является моделью управления человечеством, которая отражает практическое воплощение идеологами Запада концепции «золотого миллиарда». Украинский исследователь Н. Сенченко раскрывает сущность глобального социального управления, которая проявляется в двух моделях жизнеустройства (типа социального порядка), которые обусловлены влиянием концептуальной власти (отражающей доминирующую влияние определенных концепций на общественное сознание как идейную основу управления обществом в современном мире).

«Субъективная цель концептуальной власти — реализация двух полярных общественных систем и соответствующих систем управления социально-экономическими процессами. Систему управления, которая придерживается своеобразного принципа эквивалентности при обмене произведенными людьми средствами жизни (еда, одежда и т.п.), условно можно назвать справедливой системой, а живущее по этому принципу государство или общину — обществом социальной справедливости. Другая концепция управления основывается на нарушении принципа «эквивалентности». Такую концепцию жизнеустройства и соответствующую ей систему управления можно назвать системой эгоизма или системой ростовщичества. Известно, что 45% совокупного дохода населения планеты — в руках 358 ростовщических банковских семейных кланов, образующих Финансовый интернационал. ... По данным ООН (Доклад ООН «Показатели мирового развития в 2000 г., апрель 2000 г.), на 57% населения мира приходится лишь 6% мирового дохода (около 30 долларов ежемесячно на человека). Это свидетельствует о том, что ростовщическая система жизнеустройства доминирует на планете»

[Сенченко 2003, с. 80–81].

На концептуальном, мировоззренческом уровне противостояние Запада и народов неевропейских цивилизаций проявляется в конкуренции двух типов социальных систем. С одной стороны, распространение Западом по всему миру системы эгоизма (ростовщичества) ведет к разрушению в неевропейских обществах эквивалентного обмена, с другой стороны, стремление многих народов к созданию общества социальной справедливости вынуждает их опираться на собственные природные и культурные ресурсы в противостоянии с Западом. **Борьба на мировоззренческом уровне выражает концептуальный мировоззренческий фактор формирования будущего социальной системы и соответствующей ее потребностям модели мироустройства.**

Исследуя невидимые способы воздействия на жизнь народов (средства, используемые в невидимых информационно-психологических войнах Запада), Н. Сенченко раскрыл механизм влияния глобальных центров Запада на развитие стран периферии капиталистической системы и показал, как новые технологии власти превращают условия развития этих стран в условия их деградации. Для обоснования своих планов нового мирового порядка закулисная власть разработала несколько теорий, обновив старые, точнее наполнив их новым содержанием. Среди них важное место занимает теория «золотого миллиарда», включая содержание глобализации по отношению к народам периферии.

«Процессы глобализации (установки нового мирового порядка) в значительной степени основываются на новых технологиях власти. Подчинение стран периферии достигалось торможением их развития. Для этих стран три составляющих прогресса (социальная, цивилизационная, модернизационная) превратились в составляющие со знаком минус.

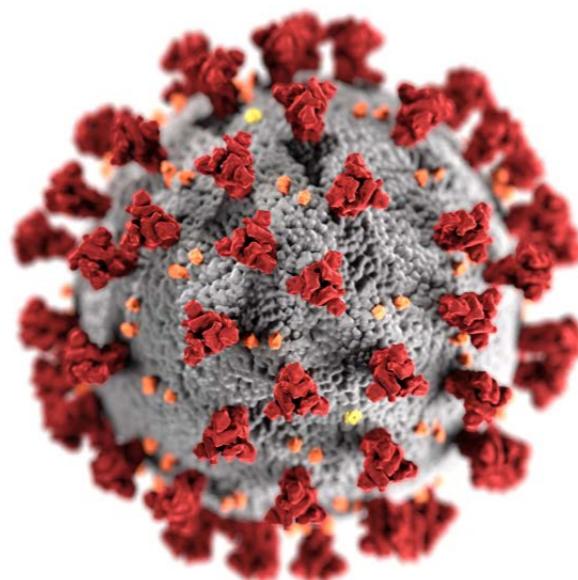
- **Во-первых**, проводилась демодернизация стран — притеснение высоких технологий, «бегство мозгов», превращение стран в сырьевую придаток.
- **Во-вторых**, отречение от традиций,

от основ своей цивилизации, принятие западной цивилизации, американского образа жизни за единственный образец.

- **В третьих**, — организация социальных противоречий, национальных и конфессиональных конфликтов. Таким образом, условия развития превращались в условия деградации» [Сенченко 2009, с. 30, 35].

Запад стремится сохранять свое технологическое превосходство (в том числе военное) над неевропейскими странами. Глобальные центры Запада смогли создать деструктивные социально-гуманитарные технологии, которые способны ослабить или даже устранить конкурента на лидерство в социальной эволюции человечества (средства ведения «холодной войны» против СССР, технологии цветных революций и др.). Выясняется, что этим технологиям оказалось не под силу повернуть такого гиганта как Китай, который еще в XIX веке получил прививку от негативного европейского влияния, когда стал жертвой опиумных войн.

Более того, в последние десятилетия четко проявилась способность Китая создавать эффективные системы жизнеобеспечения страны, появление которых в США является просто невозможным. Речь идет о сравнении способности моделей здравоохранения США и Китая противостоять пандемии COVID-19. На 28.01.2022 г. противостояние пандемии характеризовалось следующими показате-

лями. Во всех странах мира за весь период от выявления первых больных количество инфицированных достигло 367057 164 чел., смертельных случаев — 5657 323, выздоровевших — 290397 099 чел., продолжающих болеть — 71 002 742 чел. Среди всех стран мира наиболее уязвимой перед ударами пандемии COVID-19 оказались США: общее количество инфицированных составило 74695 333 чел. (20% от мирового уровня), смертельных случаев — 902 140 чел. (почти 16%), выздоровевших после болезни — 45614 212 чел., продолжающих болеть — 28 178 981 (около 40%). В это же время в Китае общее количество инфицированных составило 105875 чел. (0,027% от мирового уровня), смертельных случаев — 4636 чел. (0,08%), выздоровевших после болезни — 98971 чел., продолжающих болеть — 2268 чел. (0,003%).

Все эти показатели убедительно свидетельствуют о том, что общество США оказалось наиболее уязвимым под ударами пандемии COVID-19, а Китай, численность населения которого в 4,5 раза превышает численность населения США, смог найти достойный ответ на вызов пандемии. Причины различий в способности этих стран противостоять пандемии обусловлены действующими в них национальными моделями здравоохранения. Успех Китая в борьбе с пандемией обусловлен: ведущей ролью государства, которое за короткий срок превратило себя и общество в субъекты противостояния пандемии; функционированием социально-страховой системы здравоохранения, которая обеспечивает для всех граждан доступность медицинских услуг;

использованием в борьбе с COVID-19 как классических методов лечения, так и традиционной китайской медицины; введением бесплатных диагностики и лечения больных на COVID-19 за счет государства, что обеспечило для всех граждан, особенно из малообеспеченных слоев населения, доступ к лечению и профилактике заболеваний на COVID-19; формирование адекватного угрозам отношения, культуры (IT-технологии, социальная мобилизация, социальные сети) и поведения граждан. Трагические последствия противостояния США пандемии обусловлены такими факторами: частная модель здравоохранения; отсутствие единой национальной системы здравоохранения; доминирование подхода, согласно которому решение всех социальных проблем осуществляется путем коммерциализации, погони за прибылью и сверхприбылью (фармацевтические кампании, частные врачи), не обеспечивает успеха в борьбе с пандемией; отсутствие в США общественно-политических сил, способных превратить собственное государство и общество в субъекты борьбы с пандемией COVID-19 [Скворец 2022, с. 221–222].

Таким образом, в условиях, когда США и Запад широко используют деструктивные социально-гуманитарные технологии с целью затормозить развитие и даже отбросить на десятилетия в прошлое неевропейские страны, Китай с помощью ряда конструктивных социально-гуманитарных технологий создал эффективную национальную систему здравоохранения, обеспечившую достойный ответ на такой серьезный вызов современности

как пандемия COVID-19. Борьба за лидерство в социальной эволюции человечества будет определяться **технологическим фактором, проявляющимся в способности создавать не только деструктивные, но и конструктивные социально-гуманитарные технологии**.

Проявление в отношениях между народами названных цивилизационных, геоэкономических, геополитических, технологических и мировоззренческих факторов неизбежно ведет к ослаблению однополюсного мирового порядка. **3. Бжезинский** признает угасание Запада и утрату им роли доминирующей во всем мире силы. Он отмечает, что в процессе финансового кризиса конца 2007 г. стало очевидным, что «для преодоления экономических трудностей уже недостаточно усилий единой мировой сверхдержавы и Запада в целом и теперь необходимо участие государств, которых до последнего времени к решению мировых финансово-экономических проблем не допускали». «Подъем на вершину мирового господства трех азиатских государств — Японии, Китая и Индии не только изменил кардинальным образом баланс мировых сил, но и подчеркнул рассеянный характер геополитической власти» [Бжезинский 2015, с. 24, 27]. Эти факты свидетельствуют о том, что **к концу первого десятилетия ХХI века в социальной эволюции человечества проявились признаки новой реальности — начало формирования многополярного мира**.

«Современный мир переживает почти повсеместное политическое пробуждение — миллионы людей находятся в поиске путей к светлому будущему. Кроме того, в мире наблюдается рассредоточение сил — на Востоке стремительно расстет несколько новых претендентов на мировое господство. И потому нынешний мир гораздо менее склонен подчиняться одному государству — даже такому могущественному в военном отношении и политически влиятельному, как Соединенные Штаты»

[Бжезинский 2015, с. 286].

Исследователи обращают внимание на возрастающее значение духовных факторов

в функционировании мирового порядка. **Г. Киссинджер** утверждает:

«Стойкость любой системы мирового порядка будет зависеть от того, будут ли воспринимать ее как справедливую не только лидеры, но и граждане. Она должна отображать две истины: порядок без свободы, даже если он поддерживается мгновенным подъемом, в конечном итоге создает свою собственную противоположность; однако свободу невозможно обеспечить или удержать без рамок порядка, которые сохраняют мир»

[Киссинджер 2017, с. 12–13].

Социальная справедливость — это морально-правовая категория, которая выражает исторически сложившиеся в обществе представления о должном, то есть о соответствии между социальной значимостью личности и ее положением в обществе, между правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением, между преступлением и наказанием, между деянием и воздаянием и т.д. На пути к новому мироустройству именно формирование отношения разных народов, государств и граждан к мировому порядку как справедливому или несправедливому будет зависеть от решающего влияния мировоззренческих, геоэкономических, геополитических, цивилизационных и технологических факторов трансформации мирового порядка.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА ДАЕТ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СЛЕДУЮЩИХ ВЫВОДОВ.

1. Поскольку в ХХ в. смена мирового порядка происходила в результате двух мировых войн, а затем распада СССР, то в процессе нынешней трансформации мирового порядка главной задачей человечества является устранение угрозы новой мировой войны, грозящей ему гибелью.
2. Мировой порядок, служащий источником безопасности для людей, социальных групп, общин и народов, следует признать достижением мировой культуры и критерием социальной эволюции

человечества, который свидетельствует о достигнутом уровне международной безопасности.

3. Функционирование двухполюсной системы мирового порядка не только обеспечивало безопасность и мирное существования для всех стран Европы, но и являлось противоречием двух военно-политических блоков в «холодной войне», которое закончилось крахом Советского Союза, потому что его лидеры не понимали эволюционного характера «холодной войны».
4. Функционирование однополюсного мирового порядка характеризуется рядом глобальных противоречий, которые проявляют себя такими факторами трансформации мирового порядка как мировоззренческий, цивилизационный, геополитический, геоэкономический и технологический.
5. На пути к новому мироустройству формирование отношения разных народов, государств и граждан к мировому порядку как справедливому или несправедливому будет зависеть от решающего влияния мировоззренческих, геоэкономических, геополитических, цивилизационных и технологических факторов трансформации мирового порядка.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Аксюмов Б. В. Конфликт цивилизаций в современном мире: дис. ... докт. филос.

наук по специальности: 00.13. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2009. 39 с.

2. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. Перевод с англ. М. Н. Десятовой. Москва: АСТ, 288 с.
3. Зиновьев А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия: [сб.]. Москва: АСТ, 542 с.
4. Катасонов В. Предисловие «Герберт Джордж Уэллс. Будущее нашего мира: процветание или гибель» Уэллс Г. Новый мировой порядок / пер. с англ. А. Биргера. Москва: Издательский дом «Кислород», С. 1–16.
5. Кіссіндже Г. Світовий порядок. Роздуми про характер націй в історичному контексті. Переклад з англ. Н. Коваль. Київ: Наш формат, 2017. 320 с.
6. Кримський С. Б., Павленко Ю. В. Цивілізаційний розвиток людства. Київ: Вид-во «Фенікс», 316 с.
7. Сенченко Н. И. Теория и практика невидимых войн. Киев: КИТ, 504 с.
8. Сенченко М. I. Україна: шляхом незалежності чи неоколонізації? Київ: МАУП, 2003. 120 с.
9. Скворець В. О. Національні системи охорони здоров'я перед викликом пандемії коронавірусу. Збірник матеріалів III Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю «Соціально-етичні та деонтологічні проблеми сучасної медицини (немедичні проблеми в медицині)» (24–25 лютого 2022 року). Запоріжжя: ЗДМУ, С. 220–223.
10. Хантінгтон С. Зіткнення цивілізацій? Філософська і соціологічна думка. № 1–2. С. 7–29.
11. Хантінгтон С. Столкновение цивилизаций. Перевод с англ. Т. Велимееева. Москва: Издательство АСТ, 576 с.
12. Шніпко О. Україна перед викликами глобального конкурентного простору. Вісник Національного банку України. № 10. С. 8–14.

Ph.D. Владимир
Скворец

ВОЙНА ЗА МЕРИТОКРАТИЮ

СПОСОБНА ЛИ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА ПРОДОЛЖАТЬ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРЕЖНЕМ ВИДЕ ИЛИ ТРЕБУЮТСЯ КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ?

В свое время меня поразила книга нобелевского лауреата **Жореса Алфёрова** «Власть без мозгов. Кому мешают академики» [1], где он объяснял почему общество, разрушающее науку, и политика, которая не основывается на науке, приходят в упадок; почему такая власть лишается «социального мозга». Начиная с Платона в философии сохраняется мысль о том, что править должны философы. Обоснование меритократии, власти достойных, наиболее подготовленных и способных сохраняется ориентиром развития, но часто в теории.

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии в Запорожском национальном университете, академик Европейской академии наук Украины

Проект науки формировался как проект Нового времени. Экспедиционное исследование 2021 года в Нидерландах показало, как революция XVI века против Испанской империи определила государство, формируя морскую культуру. Новое государство получило колоссальные научные преимущества. Необходимо отметить, что **наука всегда была ответом в различных формах на глобальные проблемы мира**. Во время эпидемий средних веков и Нового времени уни-

верситеты становились крепостями и городом в городе, который позволял сохранить меритократию, лучшие умы своего народа. Так, например, было с Киево-Могилянской академией в Украине. Когда университеты становились слишком инерционной и забюрократизированной (или религиозно идеологизированной) структурой, формировались прикладные институты науки — научные общества (например, географические и другие), академии наук со своими попечительскими советами и меценатами.

Геополитическая борьба за лидерство всегда приводит не только к гонке вооружений, но к противостоянию научных систем. Так было в Великобритании, СССР и США. В США в 1944 году президент Франклин Д. Рузвельт написал письмо своему научному советнику доктору Банневару Бушу, в котором поставил вопрос о том, как лучше всего использовать науку и технику для улучшения здоровья нации, экономического процветания и национальной безопасности в ближайшие десятилетия после Второй мировой войны. Ответ доктора Буша пришел в виде доклада под названием «Наука — бесконечные рубежи», который лег в основу Национального научного фонда и задал курс научных открытий в Америке на следующие 75 лет» [2].

Осмысление научного ответа на 4 вопроса Рузвельта позже на вооружение взял Джон Кеннеди, внимательно эту стратегию изучали в Китае. Теперь Президент Байден в письме генетику **Эрику Ландеру**, доктору философии, Президенту и директору-основателю Broad Institute Массачусетского технологического института и Гарварда. Президент США поставил перед американской наукой в лице своего советника уже не 4, а 5 вопросов:

1. Что мы можем узнать из пандемии о том, что возможно — или что должно быть возможно — для удовлетворения самого широкого круга потребностей, связанных

с нашим общественным здравоохранением?

2. Как прорывы в науке и технологиях могут создать мощные новые решения для решения проблемы изменения климата, стимулируя рыночные изменения, ускоряя экономический рост, улучшая здоровье и увеличивая количество рабочих мест, особенно в сообществах, которые остались позади?
3. Как Соединенные Штаты могут гарантировать, что они станут мировым лидером в технологиях и отраслях промышленности будущего, которые будут иметь решающее значение для нашего экономического процветания и национальной безопасности, особенно в условиях конкуренции с Китаем?
4. Как мы можем гарантировать, что плоды науки и техники будут полностью распределены между всей Америкой и всеми американцами?

5. Как мы можем обеспечить долгосрочное здоровье науки и техники в нашей стране? [2].

После пандемии все экономисты отмечали рост компьютерных, интернет-компаний и сервисов удаленной работы Майкрософт, Эппл, Гугл, Нетфликс, Амазон, Зум и других. И все увидели симметричную стратегию в КНР — в развитии подобных компаний Хуавей, Али-экспресс, Леново и других.

Начиная с 2012 года активно развиваются устройства виртуальной и дополненной реальности и искусственный интеллект. Если пандемия научила людей активно включиться в удаленную работу и онлайн социальные практики, то современная российско-украинская война в информационном и киберпространственном измерении является войной, отраженной в социальных сетях в реальном режиме времени. Подобные явления не только формируют проблему пропаганды, гиперреальности и пост-правды, но и ставят вопрос о разрушении научного мировоззрения и формировании информационно-поискового или сетевого мировоззрения. Но последнее мировоззрение не работает, когда нужны прорывные технологии и инновации. Эти явления подрывают необходимое для научного развития соотношение между базисной (фундаментальной), прикладной (технологической, направленной на решение прикладных задач) и инновационной (внедряющей через экспериментальные площадки открытия в производство) наукой.

Сейчас США в 4 раза больше, чем Китай вкладывает инвестиций в фундаментальную и прикладную науку и почти в 8,5 раз лучше внедряет в производство запатентованные открытия (в КНР — 6%, в США — 50%). Китай сосредоточился на технологическом научном процессе, а часто и на том, что называется реинновацией, воплощением чужих технологий и открытий. У нас в Украине баланс фундаментальной, прикладной и инновационной науки разрушен, прошли реформы, которые не разграничивают образовательный и научные пространства, где преподаватель находится на границе этих пространств, но новации создаются не в аудитории, а в лаборатории.

СУЩЕСТВЕННЫМИ, РАЗРУШАЮЩИМИ НАУКУ ВО ВСЕМ МИРЕ, СТАЛИ ТАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ КАК: ГОНКА ЗА ИНДЕКСОМ ЦИТИРОВАНИЯ, НАУЧНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО, АКАДЕМИЧЕСКАЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ, БОРЬБА ЗА НАУЧНЫЙ СТАТУС КАК ДОСТУП К РЕСУРСАМ, АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИКТАТ И ДРУГИЕ ЯВЛЕНИЯ.

Информационно-поисковое мировоззрение привело к появлению «шоутизации», «модных тем и контекстов» — всего того, что нивелирует научные открытия и изобретения.

Все эти явления создают недоверие и дискредитируют науку, отбрасывая ее от меритократии. Мы с моими коллегами по консорциуму «Университеты за мир» поднимали вопросы меритоцида — уничтожения интеллекта государства (как вида геноцида), начиная с 2014 года исследовали «университеты-беженцы», «разделенные университеты». 2022 год добавил проблематику «университеты в оккупации» и «университеты под обстрелом».

Миграционные потоки от войны меняют демографическую составляющую и вытягивают из страны талантливых студентов и аспирантов как потенциал развития. Не менее важными являются отношения «власть — наука» в условиях войны, когда наука ограничивается и упрощается в решении военных задач, хотя именно эти задачи и делали прорывы для будущего в истории. В этих отношениях сокращается часть фундаментальной и прикладной науки в сторону прикладных-инновационных исследований, поскольку фундаментальные открытия требуют свободы и творчества, а производственное

внедрение больше дисциплинарных практик во время войны.

Если подытожить ответ на первый вопрос: кардинальные изменения нужны, прежде всего, как соединение и гармонизация научного и информационно-поискового мировоззрений, верификация реальности, и формирование научной государственной (национальной целостности науки для выживания и развития общества) политики и научной международной организации науки (глобального разделения и единства науки — наподобие международного рынка труда — для научного формирования целостности человечества).

КАКИМИ БУДУТ НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ, С КОТОРЫМИ НАМ ПРИДЕТСЯ СТОЛКНУТЬСЯ ПРИ НОВОМ ПОРЯДКЕ И К КОТОРЫМ МЫ НЕ ГОТОВЫ?

Отмечу 10 тенденций, которые означают обострение борьбы за «умы», за меритократию и, на мой взгляд, определяющие проблемы науки и нового порядка, в отношениях войны и мира:

1. Проблема определяющей роли философского и научного мировоззрения в процессе развития информационно-поискового мировоззрения в научной политике как международного сообщества, так и государств и гражданского общества.
2. Формирование нового мироустройства потребует решения вечных проблем в нем — отношений человека и общества, права и преступности, выживания и развития, и др.
3. Определение финансирования науки в развитии государственной научной политики, бизнеса (производственного сращивания вплоть до появления не только «фабрик мысли», но и научного-образовательного-производственного комплекса), гражданского общества как определения перспектив развития городской, региональной, отраслевой и межотраслевой, государственной и международной научной профилизации. При этом борьба за инновации и науку будет происходить и в криминальных организациях.
4. Обострение борьбы за «умы», формирование научной «охоты за головами». Формирование систем качественной науки и качественного увеличения дисциплин. Возрастание роли ученого и преподавателя, а не ретранслятора учебных дисциплин.
5. Развитие дополненной и виртуальной реальности как моделирования научных, образовательных, технологических и производственных процессов, обеспеченных роботизацией и искусственным интеллектом.
6. Развитие теорий цепочек поставок и логистики в инфраструктурном, социальном, экономическом, технологическом и информационном измерениях.
7. Переход на быстрые системы постройки, замены и моделирования публичного и личного пространства жизнедеятельности людей, организаций, города и транспорта.
8. Развитие эргономичного, информационно-автоматизированного места для работающего, особенно в системах удаленной работы.
9. Появление конкурирующих и взаимодополняющих систем образования классического (государственного), коммерческого, муниципального и гражданского, как в научно-исследовательских, так и образовательных структурах.
10. Развитие городов и регионов в международном развитии с решением задач устойчивого и креативного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов Ж.И. Власть без мозгов. Кому мешают академики / Ж.И. Алферов «Алгоритм», 2013. 316с.
2. A letter to geneticist Eric Lander from President-elect Biden. Jan 20, 2021/ URL: <https://science.gmu.edu/news/letter-geneticist-eric-lander-president-elect-biden>

Prof. Максим
Лепский

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И БУДУЩЕЕ НАУКИ

МОЖЕТ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА ПРОДОЛЖАТЬ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРЕЖНÉЙ ФОРМЕ, ИЛИ ЕЙ НЕОБХОДИМЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ?

Просматривая свои записи при подготовке к сессии нашей конференции, я случайно наткнулся на прогноз **Роберта Хейлбронера**, американского историка экономики, который в 1972 году написал книгу «Исследование человеческой перспективы» (*Inquiry into the Human Prospect*). (пятьдесят лет назад). Римский клуб только что опубликовал оценку необходимости ограничения экономического роста. Вслед за этим Хейлбронер сделал несколько прогнозов о том, к чему может привести безудержный рост. Его прогноз во многом устарел. Он написал свою книгу до долгой и глубокой революции в технологиях коммуникации. Но его

PROF. ПАТРИК ХАТТОН

Автор, почетный профессор истории в Университете Вермонта, где он преподавал европейскую интеллектуальную историю и историографию

предсказания о том, с какими проблемами мы столкнемся в двадцать первом веке, оказались удивительно точными.

По сути, **Хейлбронер** предвидел долгосрочный исторический переход от общества изобилия эпохи после Второй мировой войны к обществу дефицита к началу XXI века со всеми вытекающими отсюда проблемами:

- изменение климата и экстремальные погодные явления;

- массовые миграции людей из бедных стран в богатые;
- конкуренция между странами за ограниченные ресурсы;
- случайный терроризм и вечная война;
- снобизм обратиться к авторитарной политике для решения сложных экономических и социальных проблем.

Решение этих проблем, по его мнению, потребует долгосрочного планирования и больших личных жертв, а значит, и переориентации приоритетов науки.

Хейлбронер затронул вопрос о приспособляемости человеческой природы к решению этой задачи. Обладаем ли мы как вид решимостью к социальной дисциплине и самопожертвованию, которых требует долгосрочное планирование? Мы руководствуемся собственными интересами, но у нас есть и гуманитарное чувство ответственности за других. Тем не менее, он подчеркивает склонность человека отдавать предпочтение сиюминутным потребностям перед долгосрочной ответственностью за благополучие человечества. Он поставил этот вопрос с помощью показательной фразы: «Что потомство когда-либо сделало для меня?». Говоря конкретнее, мы можем быть готовы пойти на жертвы ради наших детей и внуков. Но за пределами этих потомков связь с нашим будущим потомством становится абстрактной и отдаленной. Планирование их потребностей и безопасности легко откладывается на потом.

Оглядываясь на прогноз Хейлбронера с нашей точки зрения, мы можем утверждать, что ученые стали привержены задаче долгосрочного планирования использования природных ресурсов. Общественность оказалась более устойчивой. Соответственно, политика экологической политики вышла на первый план.

Я хотел бы кратко упомянуть о политике изменения климата в свете прогнозов вермонтского экологического активиста **Билла МакКибена**. Его книга «Конец природы» (1990) стала знаковым исследованием, обратившим внимание американской общественности на последствия неумолимой исто-

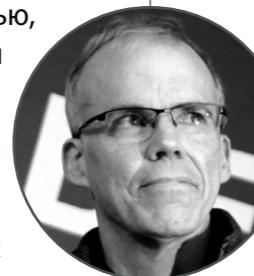
рической тенденции к глобальному загрязнению нашей природной среды и чрезмерному потреблению ценных природных ресурсов. Большинство его прогнозов относительно ухудшения состояния окружающей среды с тех пор сбылись, как он и ожидал. Каким бы ужасным ни было наше нынешнее положение, он представляет трезвую оценку разрушения окружающей среды, чтобы стимулировать общественное мышление к поиску путей замедления этого процесса и примирения с природным порядком, который больше нигде не является первозданным, а скорее повсеместно подвергается вторжению человека. Не испытывая больше благоговения перед природой как отдельным царством, мы должны считаться с «природой», которую

мы переделали, чтобы она служила нашим нуждам.

Используя это провокационное понятие «конец природы», **МакКибен** имеет в виду, что мы живем в конце того времени, когда природа была самостоятельной, дикой и автономной силой. По его мнению, конец природы наступил потому, что мы так основательно ее опустошили — не здесь и не там, как в случае с разливами нефти, а повсеместно в результате увеличения процентного содержания углекислого газа в атмосфере. Таким образом, феномен конца природы является одним из аспектов процесса экономической глобализации. На Земле нет такого отдаленного места, которое бы оставалось нетронутым, нет дикой природы, не замеченной человечеством. Везде люди наложили свой отпечаток на природу. Поэтому природа приобрела постприродную идентичность. МакКибен подчеркивает временной порог в конце двадцатого века, когда идея природы как автономной силы уступила место идеи природы как сферы для управления человеком.

Для **МакКибена** проблема будущего биосфера больше не может быть отложена. Он утверждает, что нам трудно признать эту актуальность, поскольку с незапамятных времен мы считали природу стабильным эталоном, по которому можно измерять изменения в созданном нами человеческом мире. Предсказуемая природа была оплотом против ускорения темпов изменений, вызванных промышленной революцией XIX века. По сравнению с человеческим временем, время окружающей среды казалось практически неподвижным. Конечно, общественность поняла, что на протяжении веков на Земле происходили значительные изменения климата. Но темпы этих изменений были едва ощущимы в рамках человеческого времени. Сегодня, напротив, мы видим, что изменения климата происходят с угрожающей скоростью, что подтверждается случайными катастрофическими погодными явлениями, такими как ураганы невиданной силы и длительные засухи. Ход природы, некогда бывшей одной из утешительных

Поиск средств защиты — это сложное исследование, поскольку невозможно предугадать последствия благонамеренных проектов по спасению окружающей среды. По мнению МакКибена, самая слож-

определенностей жизни, стал опасно непредсказуемым.

МакКибен обвиняет в этом консьюмеризм, понимаемый как наша ненасытная потребность использовать природу в своих материальных интересах. Мы требуем удобств и стимулирующих развлечений. В долгосрочной перспективе наши ожидания превратились в закоренелый менталитет. Рынок стал нашим богом; рынок — местом нашего поклонения. До начала двадцатого века мы верили, что токсины, которые мы производим в виде промышленных отходов, можно локализовать, удалить или контролировать — например, разливы нефти, даже выбросы фторуглеродов. Теперь это не так. Наше накопленное промышленное производство привело к выбросу углекислого газа в постоянно растущих объемах. Более того, CO₂ невозможно удержать, как другие загрязняющие вещества. Он повсюду, и поэтому служит движущей силой глобального потепления.

Поиск средств защиты — это сложное исследование, поскольку невозможно предугадать последствия благонамеренных проектов по спасению окружающей среды. По мнению МакКибена, самая слож-

ная проблема — психологическая. Как изменить мышление, которое сосредоточено исключительно на человеческих потребностях — то, что он характеризует как «ромеевское неповиновение» человечества, его веру в то, что природа всегда существует для удовлетворения наших желаний и потребностей. Несмотря на лучшие намерения экологов бить тревогу по поводу ухудшения состояния окружающей среды, это послание противоречит нашей глубоко укоренившейся вере в устойчивость природы перед лицом политики, способствующей экономическому росту. Но старое представление о том, что мать-природа должна дать отпор, утверждает МакКибен, настолько же устарело, насколько наивно. Мы победили мать-природу. Природа как бог мертвa. Человечество, как вид, теперь одинокий бог, который должен считаться со своей судьбой. Лучшее, на что мы можем надеяться, — это замедление процесса изменения климата и смягчение его последствий. Если мы создали проблему, которую не можем полностью решить, мы должны научиться адаптироваться к изменяющейся окружающей среде, которая является ее следствием. Актуальный вопрос: как мы будем жить в условиях потепления климата?

В свете силы преобладающей исторической тенденции к изменению климата

МакКибен считает предлагаемые решения робкими и неадекватными. Он отмечает две общие стратегии:

- 1) **Сохранение.** Ограничение использования ресурсов и переработка использованных продуктов вписывается в рамки либеральной реформы. Защитники природы призывают к самосознательным усилиям, чтобы меньше использовать и больше перерабатывать. Но такая позиция требует индивидуальных жертв, на которые трудно пойти в богатой пригородной культуре, которую мы создали в современном обществе. Распространив повседневную деятельность на более широкие пространства, мы стали полностью зависимы от автомобиля. Кто, спрашивает МакКибен, готов отказаться от этого? Он признает, что вероятность отказа от нашего потребительского образа жизни не больше, чем у кого-либо другого. Он называет это «инерцией изобилия». И как мы можем ожидать, что те, кто живет в развивающихся странах, которые хотят лишь приблизиться к нашему уровню жизни, пойдут на соответствующие жертвы?
- 2) **Технологии.** Технологи утверждают, что мы — умный вид. Их ожидание того, что

будущие технологии исправят глобальное потепление, основано на квазиредлигийозной вере в способность человечества овладеть окружающей средой. Они полагают, что мы придумаем, как адаптироваться к изменению климата, не жертвуя слишком многими из наших удобств или, конечно, нашим потребительским образом жизни. Они предлагают два метода. Первый предполагает макроуправление. Мы будем заботиться о природе в более широких масштабах, чем когда-либо прежде. Мы будем подрезать леса; планировать лесовосстановление. Мы сохраним исчезающие виды в их естественной среде путем более тщательного регулирования, а те, которые мы не можем, сохраним в зоопарках. (Интересно отметить, что возникновение зоопарка в восемнадцатом веке в настоящее время является актуальной историографической темой). Вторая требует разработки новых технологий генной инженерии. Мы придумаем, как генетически изменить растения и животных, чтобы они могли противостоять изменению климата. Возможно, в таком предприятии даже появятся деньги, что сделает этот метод совместимым с потребителем.

Вера МакКибена заключается в том, что фатализм в отношении нашего будущего не возобладает перед лицом растущего осознания обществом усугубляющегося экологического кризиса. Люди в силу практической необходимости откажутся от гордыни эгоистического безразличия в пользу скромности социальной ответственности. Он представляет себе образ мышления, при котором люди больше не ставят себя в центр мира, а признают свое место в сложной взаимозависимости биосферы. Он призывает нас жить с меньшими затратами и больше заботиться о мире, серьезно воспринимая историю из Бытия, в которой Бог доверил Адаму и Еве управление природным миром, даже когда изгнал их из Эдемского сада.

МакКибен признает, что его призыв к проведению даже скром-

ных реформ в нашей экологической политике на самом деле является нескромным предложением, потому что это влечет за собой серьезные изменения в нашей коллективной психологии. Правда, которую он хотел бы донести до своих читателей, заключается в том, что мы как вид вступили на неизвестную территорию, потому что никогда еще природа не была так полностью в нашей власти. Как минимум, нам необходимо мудрое и бескорыстное политическое руководство, которое в настоящее время в дефиците.

К КАКИМ НОВЫМ ЯВЛЕНИЯМ МЫ ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫ, НО С КОТОРЫМИ НАМ ПРИДЕТСЯ СТОЛКНУТЬСЯ В НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ?

Одним из величайших научных достижений начала XXI века стала расшифровка генома человека. Для таких историков, как я, это один из самых важных новых источников исторических свидетельств, позволяющий нам проследить нашу родословную в глубину веков.

Но с такими знаниями пришли новые дилеммы и ответственность. Я бы упомянул книгу американского политолога Фрэнсиса Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» (2002). Его интересуют последствия инноваций в области биотехнологий для будущего человечества, и он обращает наше внимание на некоторые внушительные проблемы, маячие на горизонте. Он фокусируется на последствиях биотехнологий для нашего понимания человеческой природы и задает спекулятивный вопрос о том, стоит ли перед нами «постчеловеческое» будущее. В конечном счете, он призывает человека к ответственности в отношении этой быстро меняющейся технологии. Такая ответственность, безусловно, предполагает государственное планирование и достижение международного консенсуса по этической политике в отношении генной инженерии.

Биотехнология, таким образом, играет роль в более широкой проблеме глобализации.

Фукуяма ставит нашу дилемму следующим образом: В ходе разгадки генетического кода человеческого тела мы впервые по-

лучили возможность изменять собственное генетическое состояние. Это имеет глубокие последствия для нашей человеческой природы, которая в большей степени укоренена в наших генах, чем многие ученые и исследователи хотели бы признать. Он опасается, что те, кто верит в социальную реконструкцию человеческой природы, возобладают в разработке государственной политики, которая приведет нас в антиутопический «храбрый новый мир» Олдоса Хаксли, где генетическая инженерия

осуществляется во имя конформистских социальных целей. Фукуяма беспокоится, что новые технологии биологии могут легко изменить человеческую природу в соответствии с идеологическими ожиданиями, что является опасной перспективой. Таким образом, биотехническая революция способна продвинуть проект социального контроля. Она может подготовить почву для своего рода биологического контроля за поведением человека, кодируя те черты, которые политики считают наиболее желательными.

Фукуяма строит свою дискуссию вокруг инновационных практик, сыгравших роль в развитии биотехнологий:

1) Исследование мозга. Последние научные исследования показывают, насколько генетически обусловлена человеческая личность. Генетика играет важную роль в формировании интеллекта и половой идентичности. В отношении преступного поведения Фукуяма проявляет больше двойственности. Но в целом он стремится показать, что генетическое кодирование имеет определяющее влияние на основные элементы нашей человечности.

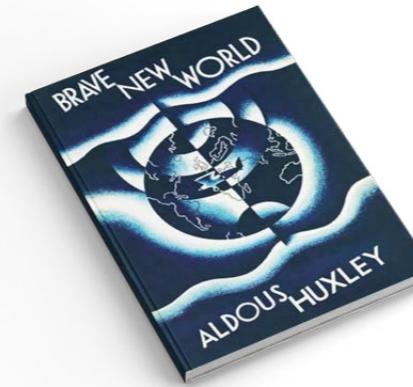
2) Нейрофармакология. В конце двадцатого века фармакология в значительной степени вытеснила разговорную терапию в психиатрической практике. Лекарства теперь обеспечивают быстрое и эффективное лечение некоторых психических расстройств, в частности, биполярного расстройства. Для Фукуямы проблема фармакологии заключается в том, чтобы отличить терапию от улучшения. Он выступает против того, что он называет «косметической фармакологией», под которой он подразумевает использование лекарств в качестве метода управления обществом. Говоря иначе, он беспокоится о медиакализации социального поведения. Новая фармакология служит цели обуздания крайностей.

3) Продление жизни. Новый акцент на диете и физических упражнениях, а также достижения гериатрической медицины привели к тому, что в конце XX века средняя продолжительность жизни человека в развитых странах увеличилась на одну треть. Это одно из величайших достижений науки в наше время. Тем не менее, Фукуяма выражает некоторую озабоченность по поводу социальных и политических последствий. Долголетие привело к старению населения в развитых странах. Седеющее население будет более консервативным, устоявшимся в своих взглядах, негибким в своем мышлении. Каждое поколение, по его мнению, склонно мыслить как когорта в свете общего опыта молодости и восприятия хода со-

бытий, поэтому с возрастом оно становится невосприимчивым к инновациям. Более того, возможности для восходящей мобильности для молодых будут сокращаться по мере того, как пожилые люди будут дольше удерживаться на своих рабочих местах. Иерархия социальных заслуг, бывшая когда-то пирамидой, превратится в трапецию. Фукуяма утверждает, что если опыт двадцатого века является руководством к действию, то геронтократия не является хорошим фактором для правительства. В этом случае старики станут еще большим бременем для общества. Проблема в том, что мы, скорее всего, продлим продолжительность жизни без сохранения качества жизни.

4) Генная инженерия. Евгеника, после шестидесятилетнего забвения, вновь предлагает свои возможности для публичного обсуждения. Особый интерес представляют вопросы выведения «лучшего» ребенка. Генная инженерия скоро сделает возможным биологическое вмешательство в человеческий организм, чтобы изменить его состояние, усилив определенные черты. Ребенок-конструктор может быть выведен по следующим параметрам: интеллект, физическая сила, рост, цвет волос или сексуальная идентичность. Мы как вид, похоже, стоим на пороге перехода от генетической случайности к генетическому выбору. Переступив его, мы попадаем в «смелый новый мир» Хаксли.

Генетический выбор введет политику селекции, поскольку он ставит вопрос о том, кто будет делать этот выбор. Будут ли это делать богатые и знаменитые через частное пред-

принимательство, создавая генетических владык? Или же правительства вмешаются, чтобы продвигать генетический эгалитаризм, спонсируемую государством евгенику, которая селекционирует население снизу вверх к некоему социальному идеалу правильного распределения признаков и способностей?

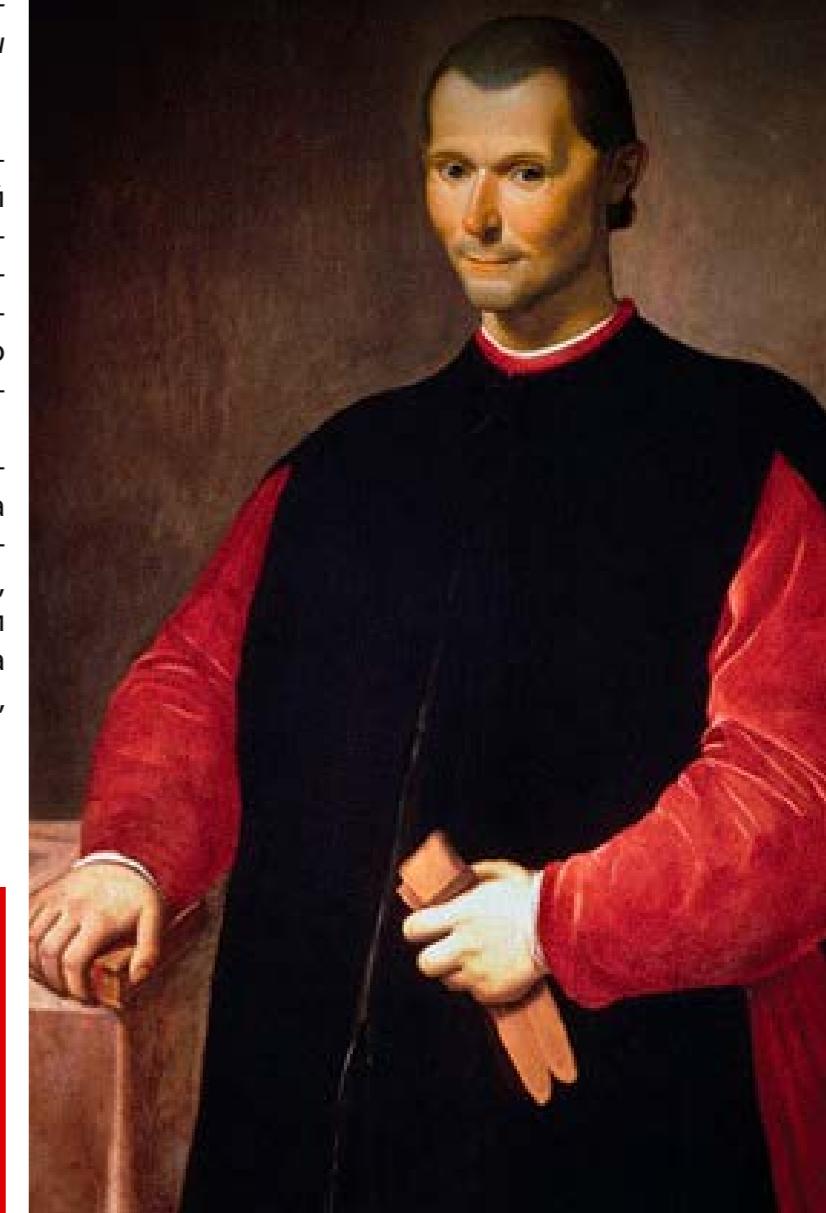
Генная инженерия как терапия обещает улучшить состояние человека. Но возникнет сильный соблазн перейти от генной терапии к улучшению генов. Фукуяма утверждает, что при таком переходе мы можем оставить позади гамму человеческих эмоций, которые являются источником как нашего величия, так и наших страданий. Состояние человека, объясняет он, всегда было «трагическим», как понимали этот термин древние греки. Боль, страдания и смерть были нашим уделом, но эти реалии порождали наши желания, стимулировали наши амбиции, привлекали нашу изобретательность и определяли наши цели.

«Без этого зла, — утверждает Фукуяма, — не было бы сочувствия, сострадания, мужества, героизма, солидарности и силы характера».

Наша сложная человеческая природа — источник нашей гениальности, амбиций и разнообразия. Стремясь взять под контроль биологические основы нашего человеческого состояния посредством генетического вмешательства, мы можем невольно двинуться в более узкое и однородное постчеловеческое будущее.

Анализ проблемы, проведенный Фукуямой, лучше, чем предлагаемые им средства решения. Но он прав, утверждая, что моральные вопросы, поднятые биотехнологией, должны будут решаться государственными учреждениями, и потребуется выработка политики не только для отдельных стран, но и для всего мира.

Prof. Патрик
Хаттон

“ КТО ХОЧЕТ ЖИТЬ В МИРЕ,
ТОТ ДОЛЖЕН ГОТОВИТЬСЯ
К ВОЙНЕ ”

Никколо Макиавелли

ЧТО ПРОИСХОДИТ В МИРЕ? ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Писатель, криминолог, психолог, журналист-расследователь, бизнес-стратегический консультант, адвокат. Академик Европейской академии наук Украины

Что сейчас происходит в мире? Почему участники информационного процесса играют сами с собой? Как именитые мировые издания превратились в «жёлтую прессу»?

Перевод статьи, написанной для французского журнала **«Baudrillard Now»**, 12 марта, 2022 год, выпуск 1, том 3, стр. 10–19

О ПРЕДПОСЫЛКАХ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

События, происходящие сегодня в мире, интересуют, буквально каждого человека.

Я в этом абсолютно уверен. Глобальные, масштабные проблемы сменяют друг друга, выходя за границы государств и континентов. Мир ещё не оправился от последствий двухлетней пандемии, как на смену вируса, захватившего всю планету, пришёл военный конфликт между Российской Федерацией и Украиной. Безусловно, военные действия между этими странами начались ещё в 2014 году, но тот оборот и внимание, которые конфликт обрёл сейчас, по масштабу и силе последствий могли бы посоревноваться едва ли не с мировыми войнами.

В результате невольно назревает насущный вопрос: что выступит следующим событием и последующим испытанием для человечества? Может, вторжение инопланетян на нашу Землю? Последнее предположение, безусловно, продукт иронии.

Лично мне как учёному в текущих событиях с исследовательской точки зрения крайне интересна следующая тенденция: в наши дни подавляющее большинство людей, вне зависимости от положения в обществе, образования и уровня развития интеллекта, верят в то, что транслирует нам «мир» через тысячи технологических источников с каждого угла планеты.

Однако в данной статье предлагается не просто рефлексия относительно происходящих событий и тенденций мировой геополитической обстановки. Напротив, таковые события, изменения и вызовы современности служат наглядными примерами, позволившими автору осмыслить и сформулировать определённую эвристическую модель. Итак, предметным продуктом репрезентованного научного сравнительно-сопоставительного анализа является модель оперативной угрозы. Осмыслия современные глобальные тенденции, я представлю предпосылки и логику возникновения и формирования данной модели, а также продемонстрирую, каким образом происходит ретрансформация модели из оперативной в стратегическую.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«**Оперативная угроза или Приоритетная временная угроза (ПВУ)** — это основная форма ныне существующих угроз»

Оперативная угроза характеризуется таким параметром как «временный характер». Такая угроза возникает, существует некоторое время, затем происходит некое событие (или комплекс), после чего текущая угроза деактуализируется (поражением, остановкой или прекращением существования).

В действительности мы наблюдаем непосредственно реализацию данной парадигмы. Рассмотрим этапы по порядку. Несмотря

на то, что глобальные события и изменения в той или иной степени касаются каждого человека, результаты данного исследования выступают актуальными и перспективными для экспертов и лиц, связанных с такими формами профессиональной деятельности как маркетинг, управленческий консалтинг, кризис-менеджмент, HR-менеджмент, журналистика, а также экспертам сферы комплексов безопасности (в т.ч. обеспечения безопасности бизнеса и деловых кругов).

ПОЧЕМУ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМАТИКИ ОПЕРАТИВНЫХ УГРОЗ И ПОРОЖДАЕМЫМИ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЫСТУПАЕТ ВАЖНЫМ И АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТОМ?

Психологически, если индивид не понимает причинно-следственных связей, определяющих характер текущих событий (иными словами, не понимает, «что именно происходит» и «каким образом»), в таком случае любому лицу крайне сложно обрабатывать данные, формировать собственное мнение относительно этих событий и, тем более, формировать прогноз или вероятностное суждение о будущем. В условиях неопределённости, отсутствия системы ориентирования и всей новых вызовов окружающей среды, каждый человек становится подвержен различным формам информационного воздействия и лишается возможности объективно воспринимать действительность.

В первую очередь обратим внимание на схему модели оперативной угрозы. Представленная схема отражает частный случай происходящих событий. Модель может работать и по другой схеме. Но в данном случае мы будем говорить именно об этой конфигурации.

Кроме работы самой модели, считаю крайне важным также рассмотреть, как она возникла. Понимание причинно-следственных связей и стадий формирования модели также способствует пониманию функционирования как её элементов, так и конструкции в целом.

- **Во-первых**, начать анализ ходилось бы с уже далёкого события, а именно с выхода книги американского эссеиста и статистика Нас-

МОДЕЛЬ “ОПЕРАТИВНОЙ УГРОЗЫ”

сима Талеба «Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (2007 г.). «Чёрный лебедь», в отличие от следующей книги автора «Антихрупкость», стал настоящим бестселлером. Коротко сформулировать посыл книги можно следующим образом: «Вы ни в чём не можете быть уверены». Аудитории, знакомой с содержанием книги, должен быть известен следующий эпизод. **Нассим Талеб, будучи писателем и журналистом, лицом, не имеющим отношения к науке, прибыл на некую японскую конференцию, чтобы лично задать учёным вопрос о том, сколько их прогнозов сбылось. В ответ прозвучало: «Ни одного».**

• **Во-вторых**, аналогичный посыл на тему «вы ни в чём не мо-

жете быть уверены» мне озвучил израильско-американский психолог, один из основоположников поведенческой экономики **Даниэль Канеман** во время нашего с ним интервью.

- **И, в-третьих**, обращаясь к трудам выдающегося французского философа **Жана Бодрийяра** «Дух терроризма» и «Войны в заливе не было», мы наблюдаем чёткое суждения о роли и влиянии всеобщей неопределенности. Данное суждение Бодрийяр даже обозначил в качестве основы духа мирового терроризма.

Именно **всеобщая неопределенность** как обязательное условие необходимо для создания модели оперативной угрозы, отражённой на схеме.

ОДНАКО, ЧТО ЖЕ СОЗДАЁТ ЭТУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ?

Во-первых, безвременность. И обратившись ко всемирной информационной компьютерной сети интернет, мы видим, что на данную среду не распространяются какие-либо законы времени. Интернет — это глобальная среда неопределенности, где события происходят «внезапно». Соответственно, можно было бы заключить, что анализ и прогнозирование событий и реакций на них в интернете является слабо-структурированной задачей, практически не осмыслимой посредством математических методов.

Приведу пример: допустим, я разместил в соцсетях фотографию, под которой мне поставили 100 лайков. А следом я разместил ещё одну фотографию, очень удачную, по моему мнению, и не получил ни единого лайка. Думаю, каждый из вас хотя бы раз сталкивался с чем-то подобным на своих страницах. Вот так всё происходит «вдруг», по каким-то непонятным и непрогнозируемым законом.

При этом, социуму всё более свойственно отождествлять интернет-пространство с реальным физическим миром. Прежде всего, это выражается в изменении общения между людьми в жизни. Интернет-сленг ежедневно пополняет нашу речь. Приведу несколько примеров: лайкнуть, выйти из чата, тормозить, сносить, повисать, зависать, апгрейдить, кликать, юзер, фолловер, френд и т.д. Соответственно, отметим, что попытка отождествлять электронный мир с миром фактическим является одной из первых предпосылок создания среды неопределенности.

На поприще современного кинематографа также обнаруживается ряд примеров, посредством которых происходит погружение социума в среду неопределенности. Как это срабатывает: одной из центральных форм создания фильмов сегодня является психологема. Фильмы-психологемы сняты по шаблону: сюжетная линия практически отсутствует (видеоряд без сюжета). Кинофильм такого плана для зрителя (иными словами, для потребителя динамических образов, кишащих знаками и символами без

значения) — совершенно непредсказуем и нелогичен. В качестве наглядного примера рассмотрим среднестатистический детектив. В нём, условно, существует некая завязка (допустим, убийство или ограбление), затем появляется детектив, который расследует преступный акт. В итоге находится «виновник торжества». А теперь представим, что на протяжении фильма каждую минуту что-то происходит, но детектив не появляется. При этом, зритель встречает множество людей, интересующихся происходящими событиями. Всех, кроме детектива. Более того, зритель не может быть уверен, что убитый персонаж, допустим, не воскреснет в следующей серии, причём ожить он может и без объяснений. Таким образом срабатывает психологема в кинематографе.

Яркими примерами можно обозначить российские сериалы «Медиатор» и «Невский», а среди зарубежного кино, пожалуй, стоит отметить нашумевший фильм «Джокер». Безусловно, примеров можно привести значительно больше, и в каждом из них зритель сталкивается со «всеобщей неопределенностью» как неотъемлемой характеристикой среды. По моим наблюдениям, современный Голливуд не то, что бы стал снимать плохие фильмы, но стал выполнять конкретные за-

казы. Полагаю, с этим сложно не согласиться. Безусловно, известны и другие, противоположные примеры американского кино, среди которых я бы выделил сериал кинокомпании **Paramount Network** «Йеллоустоун». В этом сериале, состоящем из четырёх сезонов, прослеживается чёткий, понятный сюжет и, конечно, великолепная игра актёров. Однако таких фильмов становится всё меньше.

Более того, я провёл собственное исследование и выяснил довольно любопытную закономерность: фильмы, которые транслируются в пределах США, кардинально отличаются от мирового кинематографа, от тех фильмов, которые распространяют вне США. И если бы отдельные сайты не переводили их (с дальнейшей публикацией в сети интернет), о многих из них мы бы даже не узнали. Эти фильмы не скрываются, но и не тиражируются на весь мир. Безусловно, мы не говорим сейчас о мировых премьерах, которые показывают в кинотеатрах. К примеру, найти «Йеллоустоун» в хорошей озвучке на русском языке было не так уж просто.

При желании, каждый может провести собственные изыскания в области интернета, книг и фильмов, отслеживая среду неопределенности, в которую нас неминуемо погружают. Но главное, что необходимо подчеркнуть: именно в **среде неопределенности возникают и генерируются различные неожиданности, которые практически невозможно прогнозировать**.

Возвращаясь к модели оперативных угроз, обратим внимание на схему. На схеме отражено, что среда неопределенности необходима для возникновения этих угроз (это обязательное условие). При этом, **среда неопределенности всегда создаётся искусственно**. С целью углубления понимания масштабности реализации данной модели, предлагается рассмотреть и такую среду: **современная наука**.

С одной стороны, наука, пожалуй, стала более свободной. Любой учёный или человек, «трудоустроившийся в науке» (как образно и точно выразился один мой друг), может публиковать свои «эссе» и прочие виды письменных работ в самых разных источниках, вне зависимости от мнения или одобрения его позиции со стороны общественности. Не

воспрещено, и наоборот, весьма популярно писать статьи для изданий, сайтов, журналов, блогов и т.д. При желании, любой человек может освещать свои труды на большую аудиторию, в том числе, зарубежную. Раньше задача публикации результатов исследовательской деятельности выглядела намного сложнее, если не вдаваться в подробности.

С другой стороны, наука условно «законсервирована» сама в себе. Что это значит? **В научной среде чётко обозначена тенденция отказа от поля неизвестного**. Сегодня словно никому не нужны научные открытия. Первый встречный вопрос, который адресуют каждому учёному в ответ на его исследовательские выкладки, звучит так: *на кого вы можете сослаться?* И если учёному не на кого ссылаться, значит он просто придумал то, что написал впоследствии. Во всяком случае, под такое сомнение материал ставят незамедлительно (даже если новаторское исследование, ранее не имели precedents).

Однако любое исследование призвано прояснить плоскость неизвестного науке поля, с этой целью и проводятся любые изыскания: прояснить неизвестное направление и сделать его известным, практичным, применимым и тем самым, принести пользу человечеству.

Омыслим следующую цепочку: допустим, мы знаем А) «неизвестное» и Б) «известное» (как две части некоего целого). Далее: «неизвестное» можно сделать «известным» посредством исследований (естественно, должна быть применена методология, логика, инструменты и пр.). Однако, поскольку нынешние исследования стали неактуальны в современной научной среде, и приветствуется лишь некая форма «перебирания» прошлого, то исследования, как таковые исчезают. В итоге, возвращается плеяда преподавателей вместо исследователей, а это совершенно разные роли ввиду различных способов и методов реализации профессиональной деятельности.

Что происходит дальше? Поскольку доступ в поле неизвестного отсутствует и не-гласно считается неактуальным, поскольку нет исследователей, а вместо них деятели перебирают и перекомпаниуют известные

факты и уже описанные парадигмы прошлого, соответственно, нет возможности прояснить какую-либо часть из объективно существующего поля неизвестного посредством фактического исследования.

ВЫВОД: НАУЧНАЯ ПЛОСКОСТЬ СТАНОВИТСЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОЙ.

Далее предлагается проанализировать, какими методами и посредством каких форм мировые информационные источники всячески навязывают всеобщую неопределенность. В частности, это наблюдается на примере военного конфликта между Российской Федерацией и Украиной. Под «мировыми информационными источниками» я имею в виду зарубежные СМИ, которые

в самых изощрённых формах освещают ход событий, назначая и озвучивая, в частности, точные даты нападения на Украину. Для тех, кто по каким-то причинам не слышал этих новостей, я приведу несколько примеров того, что официальные западные СМИ заявляют на страницах своих изданий и каков информационный посыл спикеров данных СМИ (актуально провести анализ публичных выступлений).

Украину по сообщениям зарубежных СМИ ожидают: дроны-невидимки, роботы-убийцы, автоматы с собственным мозгом, камикадзе, собаки-десантники, которых вот-вот бросят в бой. Весьма обсуждаемым стало сообщение следующего содержания: «Инопланетяне избегают контактов с Землей из-за военных угроз РФ». Одна немецкая газета показала карту с планом нападения, которая якобы находится у руководства

РФ. И судя по всему, этой карте уже не один век, поскольку город Львов обозначен на этой карте как Лемберг. Такое название Львов носил в составе Австро-Венгерской империи. Американская пресса строит прогнозы о том, сколько погибнет гражданских и сколько военных. Это лишь малая часть того, что происходит сегодня в мировых СМИ. Именно таковыми методами эскалируются события, возрастает напряжение в социуме, поскольку «раздувается» информационная война, а именитые издания, тем временем, превращаются в жёлтую прессу.

Но как вообще возможны подобные события? Как генерируются «информационные поводы» и «информационные посылы», суть и смысл которых — «за гранью фантастики»? И почему массы в них верят? Это и предлагается обсудить далее. Всё начинается, как уже обозначено, с формирования среды всеобщей неопределенности.

Подача информации в СМИ дошла до такого уровня, что факты, буквально, не имеют никакого значения. Потому ранее выставленные заявления можно достаточно убедительно отрицать простым высказыванием: «Это не я говорил». И «они» (различные спикеры) могут себе позволять такую тактику отрицания заявленного, поскольку им заранее известно, что они не понесут за содеянное никакой ответственности. Если бы дело рассматривалось в суде, в таком случае было бы сложно отрицать факты (это может повлечь тюремный срок). Но в случае со СМИ, причём топовых, ведущих, информация подаётся искажённая и попросту выдуманная.

К примеру, я могу представить общественности сообщение о том, что написал некую книгу. И как только к книге возникнут вопросы, которые мне не понравятся, передумать и сказать, что не писал её. А спустя некоторый промежуток времени снова заявить о своих правах и в добавок, подать в суд на тех, кто это отрицает. Абсурд? Разумеется, приведённый пример абсурден, однако он точно отражает суть и порядок происходящих событий. Именно посредством таких подходов создаётся и развивается всеобщая среда неопределенности.

Представляется возможным заключить, что такая интерактивная, неопределенная,

слабоструктурированная среда, в которой мы сейчас оказались, характеризуется особыми, собственными законами, не соответствующими законам разума человека и индивидуального восприятия. **В итоге, интерактивная среда неопределенности превращается в среду неопределенности, в которой живёт человек.** Человек, который уже не может знать наверняка, что правда, а что нет.

«Как сказал ведущий одного из СМИ: «... это новый вид маразма, новый вид сумасшествия и неадекватности»

Предположим, что среда неопределенности возникла естественно, в силу развития интернета. Изначально эта среда была достаточно прогнозируема. Я бы сказал, что кому требовались качественные прогнозы, мог преуспеть в прогнозировании путём построения модели, проведения научных экспериментов и т.д. Но теперь среда, очевидцами событий которой мы все являемся, стала полностью непрогнозируемой.

На данном этапе актуально ещё раз обратиться к схеме Оперативной угрозы. Обратите внимание на элемент под названием $X...n$ (n в периоде) — это так называемое «принимающее устройство». Принимающее устройство — это не аппарат и не компьютер, как, вероятно, кто-либо мог предположить. Это люди. И данный вывод не имеет ничего общего с юмором или иронией. Именно так специалисты в области изучения критических форм социального воздействия называют электорат, на который производится воздействие.

Человек сегодня превратился в так называемое «принимающее устройство». Под формулировкой «человек», безусловно, не подразумеваются абсолютно все люди на планете, но, к сожалению, их большая часть. Жан Бодрийяр в своих трудах ещё много лет назад употреблял такие термины, как: «моментальное большинство» и «отсканированные». А в наши дни появился новый термин — **принимающее устройство**, по сути, радиоприёмник, причём, пассивный. Этот термин не я придумал. Я услышал его от своих коллег, которые занимаются плоскостью глобальной

безопасности. Именно так, между собой они называют большинство современных людей, которые поддаются воздействию событий, описанных ранее.

Далее, рассмотрим на схеме, каким образом функционирует представленная модель. Итак, в среде полной неопределенности люди выбирают неких руководителей, то есть, политиков. И поскольку большинство лиц в социуме, пребывая под воздействием неопределенности и информационного напряжения, теряют способность правильно оценивать ситуацию и мыслить конструктивно, то электорат избирает правителей, подобных себе. Голосование осуществляется посредством **выбора большинства**, и так называемые, «принимающие устройства» голосуют за тех, с кем, как кажется, они находятся на одной волне. Другими словами, чем больше «дураков» в государстве, тем больше вероятность, что дурак-президент придёт к власти (что и наблюдается на мировой арене). Я не стану называть конкретных имён, пусть это останется аспектом для дальнейшего личного анализа и наблюдения.

Вернёмся к осмыслению примера с военным конфликтом; речь идёт о войне между РФ и Украиной. Озвучим следующий вопрос: а кто говорит о конфликте? Говорят политики. Но для того, чтобы грамотно говорить о войне, требуется быть не политиком, а профессионалом иного рода — военным. Иначе происходит «консультация о гинекологии с агрономом», приведём такую образную аналогию.

Если отставить в сторону пример с воинской и вернуться к теме пандемии, аналогично чётко прослеживается такая же, идентичная линия подачи информации. Люди, которые часами и днями говорили во всеуслышание о пандемии, не были вирусологами. Компетентным, грамотным вирусологам не предоставляли слова на мировой арене, интервьюеры к ним, по ряду причин, не обращались. Почему? Дело в том, что специалист сразу внесёт определённость в тему обсуждения. А всеобщая определённость не нужна, поскольку в противном случае не будет функционировать модель Оперативной угрозы.

Укажем также ещё некоторые аспекты и особенности модели оперативной угрозы. Итак, журналисты ретранслируют высказывания «специалистов», глобализируя и масштабируя подобные «заявления» посредством рычагов СМИ. Так именитые издания становятся жёлтой прессой. Они просто продолжают работать, будто подтверждая, что заявления руководства страны — это официальная и достоверная информация. СМИ печатают заявления политиков и выпускают репортажи. А в том, что большая часть информации фейковая, почему-то никто не разбирается. В итоге, фейки ретранслируют и множат заявления официальных лиц, которые должны нести ответственность за то, что говорят. Однако последнего не происходит.

Далее на схеме обратим внимание на компонент **«принимающее устройство»**. Следует отметить, что «принимающие устройства» настроены на волны различных СМИ, по принципу «слушаю тех спикеров, которые мне нравятся» (а не по принципу, скажем, достоверности). Но большая часть западных СМИ сегодня передают недостоверную и даже откровенно лживую информацию, которую информационные потребители (социум, избиратели, массы и пр.) впоследствии буквально вынуждены поглощать. Затем, обратившись к интернету, люди получают подтверждения заявленной информации на примере видеоОбращений руководящих лиц европейских стран и США. В итоге, получив несколько подтверждений (а по факту, просто повторений) массы начинают верить в заявленное.

Также обратим внимание, как «закручивается» некий магнит (это отражено стрелками на схеме). Описанный механизм — он же генератор страха — становится чем-то привычным, ежедневным; человек привыкает жить в страхе. Откуда возникает страх? От бесконечного напряжения в силу пребывания индивида в этой электроцепи.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ПОВЫШАЕТСЯ ГРАДУС НАПРЯЖЕНИЯ, ТЕМ И СТРАХА СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ. И НАОБОРОТ, КОГДА ПОНИЖАЕТСЯ ГРАДУС НАПРЯЖЕНИЯ, СТРАХА СТАНОВИТСЯ МЕНЬШЕ.

Таким образом, страх возникает в силу постановки человека в эту магнитную информационную электроцепь. Однако, для чего требуется и организовывается эта электроцепь? Ответ прост. Индивиду очень некомфортно находить в состоянии напряжения, и для того, чтобы сбросить напряжение, он готов поверить даже в такой абсурд, как роботы-убийцы и собаки-десантники. Иными словами, **срабатывает психологическая форма разгрузки психики у человека**. И в результате бессознательного срабатывания механизмов психики, обеспечивающих временную разгрузку, человеку кажется, что в его жизни появляется определённость.

Магнитов, генерирующих и множащих страх, может быть сколько угодно. Военный конфликт — лишь один частный случай. В итоге, **слагаемое магнитов создаёт тотальную неопределённость и стремление хоть что-то сделать понятным**. И каждый раз индивиду, получившему очередное информационное подтверждение прежним заявлениям, даже если эти заявления абсурдны по определению, — индивиду кажется, что ситуация проясняется. В этот момент психика человека срабатывает так, что он расслабляется, впрочем, ненадолго. Спустя некоторое время психологическая круговая цепочка, порождающая страх и напряжение, будет запущена заново.

Такой же нагрузкой в течение двух лет выступала пандемия. Вспомните, как все боялись эпидемии, и сколько тысяч различных выступлений с прогнозами мы слышали. Находясь в таком состоянии, человек становится наиболее внушаемым и готов поверить даже в инопланетян, которые планировали с нами контактировать, если бы не...

ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ В СРЕДЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАН МЕХАНИЗМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В ВИДЕ МОДЕЛИ ОПЕРАТИВНОЙ УГРОЗЫ, КОТОРАЯ ПОДНЯТА ДО УРОВНЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ. ТАКОВОЙ МЕХАНИЗМ ПОЗВОЛЯЕТ МАНИПУЛИРОВАТЬ ОПРЕДЕЛЁННЫМИ ВЗГЛЯДАМИ ЦЕЛОГО МИРА.

Собственно, то, что происходит, с применением модели Оперативной угрозы, используется с целью, чтобы создавать несуществующие факты, а затем их воплощать, преследуя тем самым собственные интересы.

Вспомним резонансный пример — полёт американцев на Луну. Американские СМИ убедили весь мир в том, что американские космонавты 6 раз летали на Луну. А в наши дни, в условиях многократно более развитого прогресса, по неопределённым причинам, полететь туда больше не могут. Как это возможно? Неужели наблюдается некий алогичный регресс? Сложно представить, как космическая отрасль США так сильно пострадала за 50 лет. Впрочем, данный абсурдный пример имеет место быть. Всем известна суть проекта «полёт на Луну» и, тем не менее, некоторые представители масс продолжают верить, что «так и было».

И снова предлагаю вернуться к трудам Жана Бодрийяра, таким как «Америка», «Дух терроризма» и «Войны в заливе не было». Ещё на страницах этих трудов выдающийся мыслитель описывал инструменты, которые политики используют для реализации собственных маркетинговых и политических задач. И на примере военного конфликта можно чётко заключить, как используется государственная власть и служебное положение в корыстных целях. И обратите внимание — таковое положение дел словно стало нормой в современном мире.

На потенциальный вопрос «Когда это всё закончится?» отвечу так: «Данная формулировка неверна в корне, вопрос следует переформулировать». Вопрос, скорее, должен звучать так: **«какие новые методы и формы глобальных и масштабных симуляций настанут в ближайшем будущем?»**

Причина моей уверенности в продолжении существования и функционирования схемы оперативной угрозы заключается в следующем: если однажды люди получили в руки оружие в виде преимущества перед большинством, они уже не смогут отказаться от этого преимущества. И только в условиях, при которых данная модель станет менее эффективной, начнётся поиск новых, более эффективных методов и способов реализации подобных задач на мировом уровне.

Учитывая, что Жан Бодрийяр уже описывал среду неопределённости, в которую заставляют поверить людей, я решил привести собственное исследование, с точки зрения глобальной безопасности и сопоставить его с исследованиями Бодрийяра. В итоге, я получил доказательства того, что сегодня переменная временная угроза может быть использована в качестве вооружения, и манипулирование временными угрозами производится не спонтанно и выборочно, но управляемо и организованно, как проверенная на практике стратегическая система. На примерах пандемии и военного конфликта можно полноценно проследить работу данной системы.

Именно изменения, наблюдаемые в глобальной системе безопасности, послужили причиной написания данной статьи, а я, в свою очередь «без купюр» и без излишнего «сглаживания политических и социальных углов» поделился с вами результатами собственных исследований.

С уважением, Dr. Олег Мальцев

Статья написана для французского журнала **«Baudrillard Now»**, 12 марта, 2022 год, выпуск 1, том 3, стр. 10–19

Dr. Олег Мальцев

БЛАГОДАРИМ ЗА РАБОТУ В КОНФЕРЕНЦИИ ВСЕХ СПИКЕРОВ:

PROF. DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС

Заслуженный профессор социологии, профессор Школы гуманитарных и социальных наук Murray Koppelman. Президент Европейской академии наук Украины. Эксперт в области социологии и джентрификации (этнических групп и итalo-американской политики, в особенности, в Бруклине и округах Бруклина, культуры, класса, городской жизни, городской культуры, этнической и расовой принадлежности в Нью-Йорке). Один из его последних трудов — книга «Раса, класс и джентрификация в Бруклине: взгляд с улицы» (2016). Доктор Крейс является общественным активистом-ученым и консультантом государственных и частных агентств по вопросам городского сообщества. Соредактор журнала *Urbanities* и член редакционного совета журнала *Visual Studies* и *CIDADES*.

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Европейский ученый с мировым именем, глава научно-исследовательского Института Памяти имени Г.С. Попова. Автор культовых научных работ в области криминологии, психологии, социологии, философии. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Dr. Мальцев является основателем и руководителем элитного подразделения Института Памяти — «Экспедиционного корпуса», который проводит научные исследования во многих странах мира более 8 лет. Целью научных экспедиций является изучение технологий и механизмов, которые позволяли добиваться власти в разные исторические периоды.

PROF. ЭМИЛИО ВИАНО

Президент Международного общества криминологии. Президент «Bellagio Forum for World Security & Social Development». Вице-президент Европейской академии наук Украины. Он входит в список профессоров национальной безопасности Гарвардского университета. Главный редактор «Международных анналов криминологии» (издательство Кембриджского университета). Член Совета директоров Международной ассоциации уголовного права (AIDP) и Международного общества социальной защиты.

DR. МЭРИ КАЛДОР

Британский ученый, профессор глобального управления Лондонской школы экономики, директор отдела исследований гражданского общества и безопасности человека. Она одной из первых занялась исследованием концепций новых войн и глобального гражданского общества. Ее разработка объективно существующей реализации безопасности человека оказала непосредственное влияние на европейские и национальные правительства. Она является автором многих книг и статей, в том числе «Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху», «Международное право и новые войны» и «Культура глобальной безопасности».

DR. ЭЛИЗАБЕТ ХААС-ЭДЕРШАЙМ

Адъюнкт-профессор Tisch института Нью-Йоркского университета. Создатель ThEME, изучает организации, пишет о них и консультирует их более 30 лет. Бывший партнер McKinsey & Company, основатель New York Consulting Partners. В настоящее время она консультирует руководителей высшего звена, а также работает с клиентами — от быстрорастущих молодых компаний и крупнейших глобальных некоммерческих организаций до компаний из списка «Fortune 100». Автор книг «Марвин Бауэр, основатель McKinsey & Company» и «Бескомпромиссный Друкер: Вызовы для руководителей завтрашнего дня — последний совет от отца современного менеджмента».

PROF. РАНЬЕРИ РАЗЗАНТЕ

Юрист, бизнес-консультант и аудитор. Советник по делигированным вопросам и кибербезопасности заместителя министра обороны. Профессор Финансового посредничества и законодательства о борьбе с отмыванием денег Болонского университета и Экономики и права Университета Кассино и Южного Лацио. Основатель и президент Итальянской ассоциации по борьбе с отмыванием денег и автор многих публикаций по этой теме. Является директором Исследовательского центра безопасности и терроризма (CRST). Главный редактор журналов «Уголовное право глобализации» и «Противодействие отмыванию денег и соблюдение норм».

DR. СТИВЕН БЕСТ

Писатель, философ, спикер, публичный интеллектуал. Профессор гуманитарных наук и философии Техасского университета в Эль-Пасо. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Активист с 30-летним опытом работы в различных общественных движениях, таких как права животных, исчезновение видов, перенаселение, экологические кризисы, терроризм, освободительная политика, средства массовой информации и культура, глобализация и капиталистическое господство.

PROF. ПАТРИК ХАТТОН

Почетный профессор истории Университета Вермонта, в котором он преподавал интеллектуальную историю и историографию Европы. Академик Европейской академии наук Украины. Его книги посвящены исследованиям менталитета и памяти, включая такие работы как «Культ революционной традиции» (1981), «История как искусство памяти» (1993), «Филипп Арьес и политика французской истории культуры» (2004), «Феномен памяти в современной истории» (2016 г.) и «Культурная история памяти в XVIII веке» (2020 г.). Области преподавания Хаттона касаются интеллектуальной истории Европы, истории коллективного менталитета, истории частной жизни, культурных контекстов памяти, историографии, философии истории и др.

СЬЮЗАН КАЦ КИТИНГ

Отмеченная наградами писательница и журналист-расследователь, специализирующаяся на войнах, терроризме и международной безопасности. Она является владельцем и издателем журнала «Soldier of Fortune Magazine», а ранее была старшим редактором «Washington Examiner». Как военный корреспондент журнала «PEOPLE», она рассказывала там и в «TIME» о военном и внутреннем терроризме США.

PROF. ДЖАНФРАНКО ЛИЦЦА

Бывший профессор политической и экономической географии в Университете Ла Сapiенца в Риме и директор магистерской программы по геополитике и глобальной безопасности. Он внес огромный вклад в исследования геополитики в Италии и за рубежом и считается одним из ведущих экспертов по геополитике в Италии. Он является членом Научного комитета геополитики. Его последняя книга — «Горизонты новой геополитики. До 2050 года».

DR. ХЕЙККИ ПАТОМЯКИ

Социолог, активист и профессор мировой политики и глобальной политической экономии в Хельсинкском университете. Автор более 20 книг и 200 исследовательских работ, а также сотни популярных статей на такие темы как философия и методология социальных наук, теория международных отношений, глобальная политическая экономия, исследование мира, исследование будущего, а также глобальная справедливость и демократия. Последняя книга Патомяки — «Три области глобальной политической экономии» (Routledge 2022). Патомяки является членом Финской академии наук; пожизненным членом колледжа Клэр Холл, Кембриджского университета; членом-основателем Хельсинкского центра GPE; и заместителем председателя EuroMemo, общества европейских (политических) экономистов.

DR. ХАРВИ ВОЛЬФ КУШНЕР

Председатель Департамента уголовного права и профессор уголовного права в Университете Лонг Айленда (Бруквилл, Нью-Йорк). Академик Европейской академии наук Украины. Он является экспертом по терроризму международного уровня и работал в этой роли с правительством США. В качестве аналитика разведки Департамента probation США Восточного округа Нью-Йорка он консультировал по вопросам террористической деятельности. Кушнер также консультирует клиентов из частного сектора — от производителей химикатов и бензина до многонациональных финансовых учреждений. Сразу после терактов 11 сентября 2001 года Кушнер свидетельствовал о терроризме и безопасности перед городским советом Нью-Йорка. Кушнер является автором многочисленных колонок, редакционных статей и шести книг, пять из которых посвящены проблемам, связанным с международным и транснациональным терроризмом. Его бестселлер «Энциклопедия терроризма» получил множество наград.

DR. ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

Писатель, критический теоретик. Заслуженный профессор факультетов образования, гендерных исследований и германских языков Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Академик Европейской академии наук Украины. Келлнер является автором «Baudrillard page» в Стенфордской онлайн-энциклопедии. Dr. Келлнер сотрудничал со Dr. Стивеном Бестом в отмеченной наградами трилогии книг, посвященных постмодернистским поворотам в философии, искусстве, науке и технике. Он был литературным консультантом режиссера-документалиста Эмиля де Антонио и выступил в качестве редактора «Собрания статей Герберта Маркузе», в котором собраны шесть томов документов теоретика Герберта Маркузе.

DR. СТИВ ДЖЕННАРО

Профессор гуманитарного факультета Йоркского университета (Канада). Он исследует точки пересечения медиа, технологий, психологии и молодежной идентичности. Dr. Дженнаро является одним из основателей Программы изучения детей, детства и молодежи в Йоркском университете, где он преподавал на факультете гуманитарных наук и факультете коммуникативных исследований почти два десятилетия, имея более чем десятилетний опыт преподавания онлайн. Он является автором книги «Selling Youth» (2010 г.) и регулярно публикуется в областях, связанных с философией технологий и критических медиа исследований молодежной идентичности и политики.

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социологии и управления Запорожского национального университета. Академик Европейской академии наук Украины и Украинской академии наук. Председатель исследовательского комитета социального прогнозирования Социологической ассоциации Украины.

PROF. DR. ГВИДО ДЖАНАССО

Профессор по специальности лидерства в бизнес-школе HEC Paris в Катаре и эксперт по лидерству и культурному интеллекту. Почетный консул Румынии в Женеве. Он также является бывшим заместителем декана бизнес-школы Наньян (Сингапур).

DR. СИНИША МАЛЕШЕВИЧ

Профессор и заведующий кафедрой социологии Университетского колледжа Дублина. Он является избранным членом Королевской ирландской академии, Европейской академии и избранным ассоциированным членом Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Малешевич является старшим научным сотрудником в CNAME, Париж, Франция. Его последние книги: «Почему люди воюют», «Современная социологическая теория», «Классическая социологическая теория», «Обоснованный национализм: социологический анализ». Он регулярно выступает в качестве научного консультанта/рецензента в исследовательских проектах в Великобритании, Германии, Нидерландах, Швейцарии, Австрии, Хорватии, Канаде, Бельгии, Польше и Японии. Он также является членом редколлегий десяти международных академических журналов.

DR. ЭНДРЮ ХОСКИНС

Профессор в области глобальной безопасности Университета Глазго, Великобритания. Академик Европейской академии наук Украины. Он автор книг «Радикальная война: данные, внимание и контроль в двадцать первом веке»; «Исследования цифровой памяти: Медиа-прошлое в переходный период». Он является соредактором (вместе с Джоном Саттоном) серии книг «Исследования памяти» и (вместе с Джоном Таллоком) «Риск и гиперсвязность: СМИ и воспоминания о неолиберализме» (OUP 2016). Он является соучредителем и главным редактором журналов Cambridge Journal of Memory, Mind & Media и Journal of Digital War, а также основателем и главным редактором Journal of Memory Studies. На данный момент он участвует в ряде проектов: «Конец анонимности»; «Разрушение прошлого»; «Память закончилась?» (совместно с Кристиной Чимовой); «Забыть Украину» (с художником Марком Невиллом) и «Забыть Хиросиму» (с Лули ван дер Доус).

ТРУЛС ЛИ

Норвежский журналист. В настоящее время он является главным редактором Modern Times Review и руководителем ежемесячной газеты Ny Tid. Он получил образование в области философии и информационных технологий в Осло, Сан-Франциско и Нью-Йорке. Ранее Трулс был владельцем и главным редактором Morgenbladet и скандинавского издания Le Monde Diplomatique. Он также был главным редактором журнала DOX от EDN в течение 4-х лет.

PROF. МАССИМО ОРТОЛАНИ

Экономист и экономический консультант. Он занимался вопросами международной деятельности, оценки геополитических страновых рисков и оценкой инвестиционных проектов в группе ENI, Mediocreto Centrale и группе Unicredit. Он также выступал в роли консультанта в Латинской Америке для UNIDO и в Казахстане в рамках программ ЕС. В течение последнего десятилетия Ортолани сосредоточил свои исследования на геоэкономических рисках и стал лектором по экономической разведке в Римском Университете Тор Вергата и Университете Link Campus. Он является автором многих работ, одна из которых — «Экономическая разведка и геоэкономический конфликт».

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Ассоциированный профессор Национального медицинского университета им. А. Богомольца. Академик Европейской академии наук Украины, член Американской психологической ассоциации и Американской академии клинической психологии. Он также является членом Всемирной федерации психического здоровья (США) и Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия).

ДЖОН КЛАТТ

Является исполнительным директором American Safety, Emergency Medical Training Corp. Компания предоставляет практические занятия, обучающие видеоролики, продукты, а также является Американской кардиологической ассоциацией и Национальной ассоциацией специалистов по неотложной медицинской помощи, Учебным центром. Клэтт завершил свою четвертую поездку в Ирак в 2010 году, где он проводил курсы повышения квалификации для боевых медиков, медсестер и врачей.

ЭНРИКО ТОМАСЕЛЛИ

Изучал искусство и графику в Палермо и Риме, сейчас живет и работает в Неаполе. Энрико занимается исследованием конфликтов и войн как с исторической, политической, стратегической, так и с тактической точки зрения. Он курировал многочисленные выставки, посвященные культурной политике и современному искусству. Его последняя книга называется: «Глобальная гражданская война: мир после российско-украинского конфликта» (La Guerra Civile Globale: Il mondo dopo il conflitto Russo-Ucraino).

DR. АЛЕКСАНДР САГАЙДАК

Руководитель Ассоциации Теурунг. Академик Европейской академии наук Украины. Юнгианский аналитик, гипнолог, эксперт в области антропологии и социологии. Председатель Психолого-философского научного общества при УАН.

DR. ЛЮСЬЕН УЛАХБИБ

Писатель, лектор, социолог, политолог. Главный редактор научного журнала «Догма». Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Dr. Улахбиб много лет работал вместе с французским мыслителем Жаном Бодрийяром. Автор многочисленных научных статей и книг по французскому нигилизму и неоленинизму, радикальному исламизму, антиамериканизму и антисемитизму.

РН. Д. ПАЛАГУТА ВАДИМ

Доктор философских наук, профессор в Украинском государственном университете науки и технологий, заведующий кафедрой инженерной педагогики.

РН. Д. ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Доктор философских наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой социологии Запорожского национального университета. Автор 115 научных и методических публикаций, в том числе двух монографий: «Жизнь людей как социальное явление» (2012); «Трансформация социально-исторического организма Украины: аналитика социальных процессов» (2019).

БЕСКАРАВАЙНЫЙ СТАНИСЛАВ

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Украинского национального университета науки и технологий. Автор более сорока научных публикаций. В том числе монографии «Бытие техники и сингулярность».

ОРГАНІЗАТОРЫ

EUROPEAN ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE

European Academy of Sciences of Ukraine is a European Academy that unites intellectual elite from all around the globe. One of its main purposes is to conduct multidisciplinary research; EUASU regularly conducts international conferences on the most challenging and relevant issues to find solutions to the problems that cannot be resolved even on the state level. The European Academy of Sciences strives to revive and strengthen the prestige and power of science globally. In the near future it plans to establish several multidisciplinary academic journals at the intersection of philosophy, anthropology, sociology, criminology, psychology, cultural studies, political science, and others.

www.euasu.org

CENTRE FOR CRIMINOLOGICAL RESEARCH

The International Society of Expert Criminologists unites leading experts in criminology, criminalistics, organized crime, money laundering, wildlife crime, criminal traditions, investigators around the globe to objectively look into ongoing global issues and prognose their further developments. Provide up to date assessments of criminalization tendencies every three-four months. Search for effective countermeasure tactics on national and transnational levels.

www.criminology-center.org

ACADEMY OF THE PROFESSIONAL SERVICES INDUSTRY

Academy of the professional services industry (APSI Academy) is a professional community of independent experts from Spain, Italy, Germany, USA and Ukraine. The objective of the Academy is to develop practical methods of problem-solving which are indispensable for business structures and private individuals in the XXI century. The expert department includes specialists from the fields such as strategic consulting, finances, management, professional selection, depth psychology, philosophy, sociology of religions, jurisprudence, criminology, criminalistics, journalism, security, and personal security.

www.academy-apsi.com

THE HISTORICAL AND LITERARY SOCIETY

The Historical and Literary Society was established by The Memory Institute and the Expeditionary Corps. The society unites scientists and members of the corps, it is engaged in applied science and applied research activities. It was revived and has begun functioning in the Odessa regional branch of the Ukrainian Academy of Sciences headed on October 15, 2019. The prototype of The Historical and Literary Society is the Heidelberg Historical and Literary Community which values all traditions of the true science and is distinguished by its dedication to practical aspects.

www.odhislit.com

INSTITUTE OF POLITICAL AND ETHNO-NATIONAL STUDIES NAMED AFTER I.F.KURASA, NAS OF UKRAINE

Institute of Political and Ethno-National Studies named after I. F. Kurasa, NAS of Ukraine. The Institute was created with the aim of in-depth and comprehensive development decisions of the problems that have become necessary with the declaration of independence of Ukraine. Institute studies modern dynamics of political institutions and processes, the correlation between politics and ethnonational relations, development of new paradigms of ethnonational development, the prevention of conflict in the aforementioned sphere, modeling optimal decisions for ethnopolitics, the technology of management of political and inter-ethnic relations, the implementation of expertise of the bills, state and non-state development programs in various spheres of public life.

www.ipiend.gov.ua

STRATEGIC FORECASTING AND PLANNING CENTER

The Center is engaged in social forecasting and research to improve the tools of systematizing and integrating forecasting methods. Moreover, the center is engaged in research in the field of strategic social management. One of the main goals is to determine the special aspects of the social process in modality of the future.

www.facebook.com/pg/socforecast.org.ua/

ПАРТНЕРЫ

WESTERN MORNING NEWS

The Western Morning News is a daily regional newspaper founded in 1860, and covering the West Country including Devon, Cornwall, Isles of Scilly and parts of Somerset and Dorset in the South West of England. The Western Morning News was founded by William Saunders and Edward Spender, father of Sir Wilfrid Spender, on 3 January 1860. It has been published continuously since the first edition, including throughout the 1926 General Strike and the Plymouth Blitz. At the moment it is an online publication.

www.westernmorning.news

GRANITE OF SCIENCE

The «Granite of Science» is a popular-scientific portal that publishes relevant and reliable knowledge about the state of Ukrainian and world science. The «Granite of Science» has become a tool for managing social requirements for science in Ukraine. The journal accepted the responsibility to demand from the scientists to be in line with the glorious past of Ukrainian science and the daring future world tendencies to bring the research of state institutions to the orbit of an advanced enlightened community.

www.un-sci.com

NEWSLETTER ON THE RESULTS OF SCHOLARLY

Scientific and popular journal: Newsletter on the results of scholarly work in sociology, criminology, philosophy and political science is a German scientific-popular-science journal. The journal's main subject is criminology; scientific disciplines: psychology, philosophy, criminology, sociology, political science. The newsletter focuses on studying phenomena such as crime, organized crime, corruption, money laundering, criminal psychology, criminology as a research discipline, philosophical aspects of crime investigation, political analysis of the influence of crime and its activity on society, public and

state structures. The journal aspires to maintain the highest ethical standards of publication and scientific proficiency through peer review and strict policies.

www.sci-result.de/journal

EXPEDITION JOURNAL

The Expedition journal was conceived as a corporate journal for professional scientists. Here are the shades of the Latin word «expedire»: to unravel, to establish, to equip, to implement — everything a scientist does. The journal was created for all engaged in scientific practice and academic research. «Expedition» presents an objective account of history to give an opportunity for all to view this world from a different plane with different perspectives, to reveal the way mechanisms of power are triggered on a certain territory and in the world, and the way some figures subjugated others in the course of the history. Also, the «Expedition» journal studies how historical architectural buildings are used to manipulate changes in the environment and affect human consciousness. Whereby, an individual makes important life decisions guided by unreliable sources of information. «Expedition» journal is the result of the Expeditionary Corps' work over the past 6 years since its establishment.

www.expedition-journal.de

DOGMA. JOURNAL OF PHILOSOPHY AND HUMAN SCIENCES

Dogma is a multidisciplinary quarterly journal founded by the French philosopher Angèle Kremer-Marietti (1927–2013) and was edited by Dr. Angele and Dr. Thierry Simonelli. Several years ago, Dogma was entrusted to Dr. Lucien Samir Oulahbib, the chief editor of the journal today. Dogma editions cover different topics from political philosophy to arts. It encourages different perspectives on relevant issues and fuels your critical and constructive reflections.

www.dogma.lu

BAUDRILLARD NOW

Baudrillard Now is an interdisciplinary journal that aims to popularize the works of Jean Baudrillard and analyze today's world through the prism of his ideas and theories. The journal is also intended to provide a forum for work at the crossroads of Baudrillard's philosophy, sociology, radical anthropology and postmodern theory.

www.baudrillard-scijournal.com

NÄCHSTE STUFE

Nächste Stufe. Erweiterte Ansicht auf die Wissenschaft ("Next Level. Advanced View of Science") is an online version of German popular-science journal «Nächste Stufe», which was founded in 2012 and originally was only in print. It was founded by Prof. Dr. Cord Arendes (Heidelberg University), Prof. Dr. med. Maximilian Schwartz (University of Munich) and Prof. Dr. Lucas Schmidt-Mende. The objective of the journal is to assemble striking and non-conservative scientific ideas from every corner of the world and enhance literacy and completeness of readers' viewpoints in areas such as history, medicine, sociology, psychology, cybernetics, and information technology.

www.naechtestufe.com

NÄCHSTE STUFE

Erweiterte Ansicht auf die Wissenschaft

THE HUMANITIES SCIENTIFIC SOCIETY

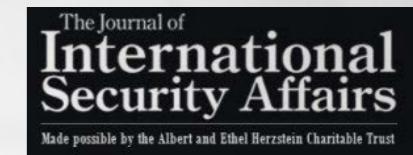
The Society is a successor of the Society for Law and State Knowledge of Odessa by Novorossiysk University founded in 1913. Its predecessor was the Richelieu Lyceum Law Society founded after the judicial reform of 1864. The members of the above societies were scientists, lawyers, judges, prosecutors and honorary figures of the city. The main goal of the society is to popularize legal sciences, humanities and conduct scientific research at the intersection of humanities.

www.facebook.com/humansciosociety

THE JOURNAL OF INTERNATIONAL SECURITY AFFAIRS

The Journal of International Security Affairs is the flagship publication of the Jewish Institute for National Security Affairs (JINSA). JINSA is a non-profit, non-partisan educational organization based in Washington, D. C. It is dedicated to explaining the need for a prudent national security policy for the United States, addressing the security requirements of both the United States and the State of Israel, and strengthening the strategic cooperation relationship between these two great democracies.

www.security-affairs.com/about

BIGGUNS PHOTOS CONCERN

BigGuns Photos Concern was founded in June of 2018. The key concept of the Concern is to present the view of the camera as a logical model which explains how to achieve results in life and to use it as a tool for insights. The main factor of photography is the strength of its impact on a person.

www.facebook.com/BigGunsPhotos

SOCIETY UNITES PSYCHOLOGISTS, PSYCHIATRISTS, MEDICAL SPECIALISTS AND PHILOSOPHERS

Society unites psychologists, psychiatrists, medical specialists and philosophers. The main tasks of the society are to help young scientists and to celebrate the merits of those researchers who have made significant contributions to science. The revival of this society took place on October 29, 2019. The president of the society is the head of the Theurung Association, candidate of psychological sciences Alexander Sagaidak.

www.facebook.com/societypy

DIGITAL WORLD

Digital World (DW) is a popular-science core publication — your guide in the world of contemporary IT. Innovation and scientific solutions for some become keys to progress, for others it is a dangerous tool for fulfilling self-interested and ethically compromised goals. DW analyzes and investigates both facets of the digital world, which has become an alternative reality for humankind over the past 15 years.

www.dw.expert

THE EASTERN EUROPEAN UNIVERSITY NETWORK

The Eastern European University Network — Association of universities from five countries: Ukraine, Belarus, Moldova, Georgia and Poland. The aim of the network is to partner in research, teaching students and networking with universities. This goal should be accomplished by means of international grants and research projects, exchange of scientific and research services, the use of infrastructure, implementation of joint educational projects — such as the development of international training programs, exchange of students and scholars.

www.facebook.com/Eastern-European-University-Network

WHO IS WHO

Who is Who is a high-status media of the European standard which sets the task to objectively and comprehensively cover challenging events, phenomena and persons. The staff and special correspondents of the publication are candidates or full members of the «Independent Union of European Journalists».

www.whiswh.com

WORLD OF MARTIAL ARTS

This international publication is established in Germany by a group of specialists in the field of martial arts from different countries around the world (USA, Russia, Germany, Italy, Spain,

France and South Africa). The magazine includes eight rubrics according to which world martial arts problems are covered on stream. The magazine provides verified information only, in compliance with EU legislation. Implementation of these regulations is strictly controlled by the editorial board of the magazine. Publication staff consists of 50 highly experienced journalists from around the world.

www.worldofmartialarts.pro

DESTREZA ACHINECH

The school of historical fencing, «DESTREZA ACHINECH» differs from other fencing schools by the fact that it applies the science of Destreza without any distortion. This school is the keeper of the ancient Chivalric Spanish tradition and cooperates with several research institutes such as the Research Research Institute of World Martial Art Traditions and Criminalistic Research of Weapon Handling, and The Memory Institute.

www.destreza.one

LITERARY-SCIENTIFIC NEWSLETTER

Literary-Scientific Newsletter is the first all-Ukrainian literary-scientific and socio-political journal initially was published in print from 1898 to 1932. The journal was founded at the initiative of Ukrainian and Soviet historian, public and political figure Mikhail Grushevsky. The «Literary-Scientific Newsletter» published the works of the best Ukrainian writers and scientists and was printed by a scientific society named after Taras Shevchenko. This publication was the first one to publish Ivan Franco's «Ways-Roads», Nikolai Voronoy's «Choral potion» and Lesia Ukrainka's «Predawn Lights». It also published Ukrainian translations of Edgar Allan Poe's, Friedrich Schiller's, and William Shakespeare's works. In 2019 «Literary-Scientific Newsletter» was reactivated by courtesy of academician Ph.D. Oleg Maltsev (head of the Odessa regional branch of the Ukrainian Academy of Sciences) and Kim Kanevsky (distinguished journalist of Ukraine)

www.Invistnik.com.ua

LITERARY AND SCIENTIFIC BULLETIN OF GRUSHEVSKY

UKRAINIAN ACADEMY OF POLITICAL SCIENCES

Ukrainian Academy of Political Sciences (UAPS) — a non-governmental organization, association of scientists, teachers of higher educational institutions, employees of public authorities and administration in order to promote the integrated development of political science, research in the history of political thought, methodology and theory of politics, applied political science.

CULTURA HISTORICA

Cultura Historica is a web portal on historical culture, theory of history and historiography. Its aim is to offer a wide and well-linked range of pdf-format texts written by leading scholars in these fields, in an attractive format. We also incorporate a substantial number of links, commentaries on historical films and novels and other didactic resources. This project saw the light in April 2009. That has been possible for the collaboration by a considerable number of colleagues from the International Commission on History and Theory of Historiography, the University of Barcelona and other universities throughout the world.

www.culturahistorica.org

*Поздравляем
наших дорогих читателей*

**С НОВЫМ
2023 ГОДОМ!**

ГРАНИТ НАУКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
О УКРАИНСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

www.un-sci.com

<https://t.me/granitnauky>

<https://www.facebook.com/granit.nayki/>

<https://un-sci.com/ru/>

+380 (63) 4682044

+3712608007

Riga, Garozas 3 — 1

Номер в регистре: 0007404830

ISSN 2661-572X (Online)

ISSN 2661-5711 (Print)